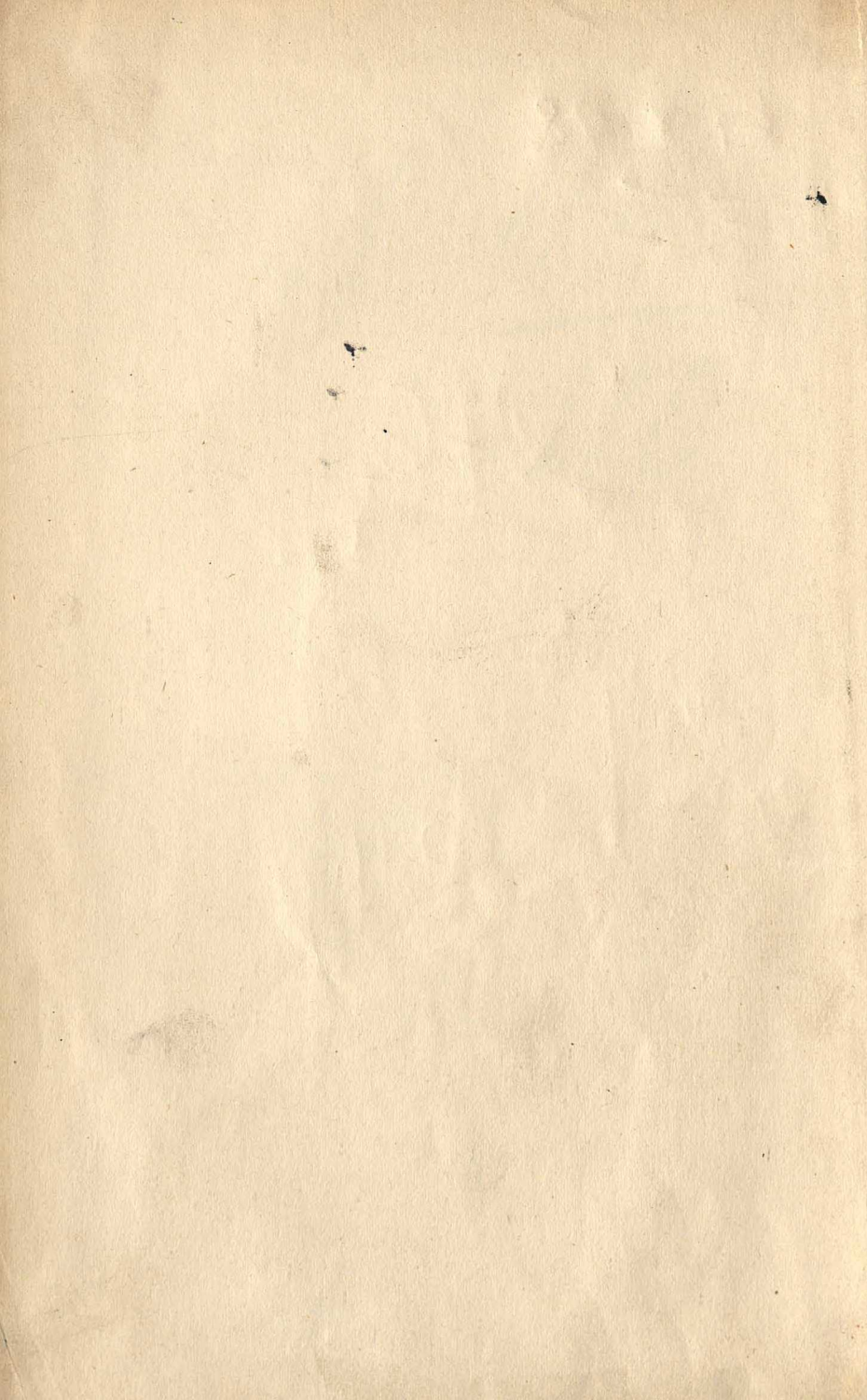

M 44
110

M 44

110

266

M $\frac{44}{110}$

ИЗНАНКА СЕРБСКОЙ ВОЙНЫ.

ЗАПИСКИ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

К. И. ВОРОНИЧА.

I и II части.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. и Лит. Д. И. Шемякина, Невскій пр., д. Бенардаки № 86.

1877.

804-83

10941-7

ИЗНАНКА СЕРБСКОЙ ВОЙНЫ.

ЗАПИСКИ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

К. И. ВОРОНИЧА.

I и II части.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. и Лит. Д. И. Шеметкина, Невскій пр., д. Бенардаки № 86.

1877.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СЕРБСКОЙ ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ О СЕРБСКОЙ ВОЙНЕ

В. М. ВОРОБЬЕВ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

41952-0

2011142974

Содержаніе.

Первой части:

	стр.
Неудачная попытка	1
Усердные поиски	6
Изъ за идеи-ли?	20
Приключенія въ дорогѣ	25
Новыя впечатленія	44
Теперь ужъ близко	58

Второй части:

Первые шаги	65
Двумя чинами выше	73
Скоро уѣду	77
Въ дорогѣ	78
Делиградъ	98
Штабъ и эскадронъ	112
Бесѣда въ интересномъ обществѣ	130
Ночлеги. — Новый эскадронъ. — Поразительная встрѣча. — Неудачная рекогно- сцировка. — Забавный рассказъ очевидца	136
Красивая картина. — Пожаръ. — Оригинальный флигель-адъютантъ. — Два слова, о Сербѣхъ и нашихъ. — Ночлеги съ козаками. — Новый бивуакъ. — Высту- пающій эскадронъ Королевы Натальи. — Отъѣздъ неудачнаго начальника штаба. — Организція арміи. — Волонтеры. — Новый начальникъ штаба . . .	158
Непріятныя вѣсти. — Дворянское воровство. — Курьезная система стрѣлбы. — Пред- ставители сербской арміи. — Усердный защитникъ славянъ. — Номинальная ка- валерія. — Непозволительное увлеченіе.	175
Тоска. — Интересный фактъ и горькая истина. — Кое что про армію. — Ночлеги и два враждебные лагеря	190
Тоска. — Первые выстрѣлы и бой 7-го октября. — Безсильный эскадронъ. — От- рядъ Коновницина. — Грустныя вѣсти. — Раненыя жертвы и великодушіе сер- бовъ. — Полковникъ Межениновъ. — Эпизодъ въ столовой. — Пренія. — Ски- танье. — Продолженіе боя 8-го октября. — Неслыханная ловкость. — Пленный турокъ. — Раненый офицеръ. — Участь Ярмолинскаго.	206

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начиная писать предисловіе, мнѣ такъ и кажется, что каждый, взявшій мою книгу въ руки, если не скажетъ, то подумаетъ: «ахъ ужъ эта Сербія — куда не посмотри, кого не послушай, что не прочитай, вездѣ Сербія, про Сербію, о Сербіи, а ничего про что нибудь другое хотя-бы про Румынію или Бессарабію» — навѣрное такъ подумаетъ, и не будь я въ Сербіи, а читай про нее въ Россіи въ теченіи года рядъ газетъ, отдѣльныхъ брошюръ и наконецъ романовъ, и я бы попавшуюся новую книгу въ руки про ту же Сербію откинулъ въ сторону, подумавъ: когда же они перестанутъ писать про нее, вѣдь знаемъ-же всю подноготную, нѣтъ таки пишутъ — не надоѣло. Но такое мнѣніе съ чьей-бы то ни было стороны будетъ неумѣстно, потому что не смотря на гигантскій трудъ современныхъ литераторовъ, возродившихся можно сказать съ началомъ сербско-турецкой войны, исключительно посвященный описанію страны и событій въ ней, не ошибусь, если скажу, что трудъ этотъ сказалъ намъ меньше, чѣмъ могла бы сказать

ничтожная, въ нѣсколько листовъ книжонка правдиваго, а главное, безпристрастнаго, знакомаго съ событіями и мѣстными условіями автора. Не подумаютъ-ли, что этотъ безпристрастный и правдивый авторъ я?—Если подумаютъ, то ошибутся, потому что я не авторъ, а доброволецъ, задавшійся цѣлью провести истину, чего-бы и кого-бы она не касалась, выставить факты такими, какими они были на дѣлѣ, и высказать не односторонній взглядъ, основанный—то на одномъ ужъ очень хорошемъ, то на исключительно дурномъ фундаментѣ, а составленный изъ множества выбранныхъ матерьяловъ, необходимыхъ при указаніяхъ на событія и людей и обсужденія ихъ, съ нейтральной точки зрѣнія.

Слѣдуя коренной своей цѣли въ настоящей книгѣ — истинѣ, я прошу читателей обратить особенное вниманіе на каждый фактъ мною выставленный, хотя-бы и ничтожный, но играющій важную роль при характеристикѣ этихъ событій. Излагая ходъ ихъ, мѣстныя условія въ Сербіи и болѣе выдающіяся черты нашихъ добровольцевъ, я выбиралъ для этого именно тѣ факты, которые мнѣ нужны для безошибочной передачи извѣстныхъ явленій и причинъ, составляющихъ главный фундаментъ того, на чемъ слѣдовало остановиться и о чемъ писать.

Касаясь въ первой части своихъ записокъ нѣкоторыхъ личныхъ эпизодовъ до отъѣзда и на пути въ Сербію, я не упустилъ изъ виду все то, что могло

быть интереснымъ для каждаго въ моемъ положеніи, что вмѣстѣ съ тѣмъ готовило почву для будущаго и знакомило меня съ новымъ далеко неслогласнымъ съ тѣмъ, что, какъ я сказалъ раньше, прочитано уже всѣми, чуть-ли не въ десяти томахъ, краснорѣчиво написанныхъ въ видѣ брошюръ, журналовъ и газетъ.

Предупреждаю, что сужу обо всемъ строго, но безпристрастно, высказываю дурное и хорошее одинаково ясно, передаю не исключительно свои личныя воззрѣнія, а большинства нашихъ добровольцевъ, и что характеръ моей книги не имѣетъ ничего общаго со всѣмъ до сихъ поръ написаннымъ, о Сербіи.

8 марта 1877 г.

Ю. Вороничъ.

быть интересным для каждого в моем положении.
Видя, что билет с тем, который пошел для билета
и знакомлю меня с новыми делами моего
личного с тем, что являя в начале
представлю уже всем, что-то не в десятке томых
представлю написанных в виде брошюры. Жив
назад и назад.

Предупреждаю, что живу обо всем строго, но
предупреждаю, высказывая другое и хорошее, что
назову ясно, предать не представляю свои личные
возражения, а боюсь, что вы будете добродетельны,
что характера моей книги не будет видно, что
со всем до сих пор написанным, о Сергии.

И. Родина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Неудачная попытка.

Я — отставной русскій кавалеристъ даже не офицеръ, а нижній чинъ (юнкеръ), знающій хорошо службу, не хуже офицера.

Вотъ при такихъ данныхъ, да еще и при другихъ условіяхъ, откровенно сказать немного разочарованный въ жизни, въ которой не мало приходилось бороться съ неудачами, наконецъ влюбленный въ женщину петербургскаго полусвѣта, порѣшилъ я отправиться въ Сербію и пожертвовать если нужно жизнью, непривлекающей особенно въ будущемъ.

Конечно, довольно странно, даже малодушно ради неудачной любви дѣлать такой рѣшительный шагъ, если для этого нѣтъ другихъ побудительныхъ причинъ, какъ-то: убѣжденія въ необходимости помочь братьямъ въ критическую минуту, или чувства патріотизма, да, это такъ, но нужно сознаться, что хотя чувство патріотизма въ данную минуту мною и руководило, то все таки главнымъ двигателемъ была мысль опасенія очутиться мужемъ той женщины, которая готова пожертвовать всѣмъ ради денегъ.

Теперь, когда я пишу и вспоминаю прошлое, я себя стыжусь, упрекаю и наконецъ прихожу къ убѣжденію, что не всегда собою можно владѣть, что бываютъ минуты, когда нами владѣютъ обстоятельства и личности гораздо слабѣ насъ, въ особенности нами

влюбленными, подвергающимися обыкновенно безъ прекословно волѣ своего идеала. — Въ такомъ настроеніи во мнѣ заговорила воинственная мысль ѣхать въ Сербію.

Первое препятствіе предстояло одолѣть, это пріискать средства на дорогу, такъ-какъ собственныхъ, кромѣ очень незначительныхъ, не было подъ рукою. Зная, что волонтерамъ, преимущественно оставнымъ военнымъ, выдаютъ деньги въ славянскомъ комитетѣ, — я обратился къ послѣднему съ этой просьбой, но и здѣсь мнѣ, какъ всюду, не особенно повезло, хотя казалось-бы, что не можетъ встрѣтиться затрудненій получить изъ комитета какіе нибудь полтора ста рублей, для человѣка, повидимому порядочнаго, готоваго принести въ жертву свою жизнь на помощь правому дѣлу. Да, это такъ только мнѣ и другимъ казалось, а вышло совѣмъ иначе, со множествомъ затрудненій, препятствій, недоразумѣній, грамматическихъ разъясненій и разныхъ придиорокъ. Въ комитетѣ на мою просьбу (это было въ половинѣ августа прошлаго года), отвѣтили, что средствъ въ настоящее время на отправленіе волонтеровъ не имѣютъ, ожидаютъ ихъ только чрезъ нѣсколько дней, почему просятъ обратиться позже. Понимая выраженіе — „нѣсколько дней“ за срокъ дня чрезъ три, четыре, пришелъ снова, спустя это время: теперь мнѣ отрывисто, но ясно сказали, что средствъ нѣтъ. При сознаніи собственныхъ недостатковъ, или сомнительной репутации, я пожалуй отнесъ-бы такой отказъ къ умышленному и больше-бы не обратился, но, судя безпристрастно, не было ничего такого, чтобы могло послужить для комитета поводомъ отнестись ко мнѣ, какъ къ темной личности. Вотъ обращаюсь въ третій разъ и получаю приглашеніе написать заявленіе, а все таки, пока будутъ средства, выхлопотать заграничный паспортъ; по исполненіи и послѣдняго требованія — мнѣ посовѣтовали зайти во всякомъ случаѣ чрезъ нѣсколько дней. Сознаюсь, что выйдя изъ комитета, стало грустно на душѣ; убѣжденіе въ униженіи изъ за денегъ, превращать себя въ предметъ, оцѣнивающійся въ славянскомъ комитетѣ,

гдѣ вмѣсто уваженія къ лицамъ, заявившимъ готовность ѣхать въ Сербію, обнаруживаютъ какую-то холодность и стараются уменьшить на сколько возможно кушъ пособія, просто торгуются. Все это подѣйствовало на меня такъ тяжело, что остановило на половину желаніе взять у нихъ деньги. При малѣйшей возможности избѣгнуть такую благотворительную помощь, я не задумался-бы, но этой возможности не было. Ничего, думаю, не подѣлаешь,—пойду еще къ нимъ. Посѣщая присутствіе, мнѣ каждый разъ приходилось встрѣчаться съ новыми властями, предлагавшими одинъ и тотъ-же вопросъ, „что вамъ угодно“, на который я отвѣчалъ конечно жаднымъ желаніемъ получить пособіе. Теперь меня къ счастью встрѣтилъ уже знакомый въ лице чиновникъ съ анненской ленточкой въ петлицѣ, не питающій ко мнѣ особенной симпатіи, какъ къ являющемуся уже въ десятый разъ; спросилъ по обыкновенію фамилію и, окинувъ строгимъ взоромъ съ ногъ до головы, началъ перелистывать бумаги остановившись на одной изъ нихъ, снова обратился съ вопросомъ:

— Какъ ваша фамилія?

— Такой-то.

— Что-же это значить! у васъ въ концѣ подписи поставленъ мягкій знакъ, когда слѣдуетъ твердый. Я не могу, нужно писать другое требованіе на билеты до границы, съ вами просто бѣда, да и только.

— Вѣдь вы, если не ошибаюсь, имѣете для меня билеты, за чѣмъ-же требовать другіе, развѣ твердый или мягкій знакъ въ окончаніи фамиліи можетъ служить препятствіемъ выдать пособіе? это просто придирка съ вашей стороны.

— Вовсе не придирка, напрасно вы горячитесь, я вамъ сейчасъ-же докажу, что я правъ!

— Горячиться мнѣ не зачѣмъ, въ особенности въ такихъ пустякахъ, непріятно только, что изъ за пустой грамматической ошибки или просто неясности, выходитъ цѣлая исторія по вашей милости.

Что здѣсь, докладъ министру написанъ неправильно, или важное повышеніе въ чинахъ, что вы добиваетесь граматической точности?

Чиновникъ вспыхнулъ отъ гнѣва и выбѣжалъ въ другую комнату, а черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ членомъ славянскаго комитета, полковникомъ Л., которому горячо объяснялъ недоразумѣніе. — Я имъ говорю, что фамилія неправильно подписана, а они доказываютъ, что это ничего не значить, — сами посудите полковникъ, на что это похоже!

— Какъ ваша фамилія?

— Такой-то.

— Какъ?

— Такой-то.

— А вы-то, что написали?

— Свою фамилію.

— Какую тамъ свою, здѣсь на концѣ поставленъ мягкій знакъ, когда слѣдуетъ твердый, по этому требованію вамъ нельзя выдать пособіе!

— Странное дѣло полковникъ, что такая мелочь можетъ служить препятствіемъ къ выдачѣ, развѣ она касается существа бумаги, что-ли, да на этомъ-же заявленіи можно еще десять разъ подписаться, наконецъ моя фамилія подписана довольно неразборчиво, такъ-что трудно и опредѣлить, какой тамъ въ концѣ ея поставленъ знакъ, я могу принять ваше требованіе за придирку, если это такъ, то скажите лучше прямо.

— Да видите-ли, у насъ требуется правильность во всемъ, а впрочемъ — можно и такъ, приготовьте бумаги! что, вы представили уже свой паспортъ?

— Еще недѣлю тому назадъ.

— Когда вы думаете уѣхать?

— Да я почти готовъ, только еще нѣкоторыя мелочи нужно устроить, во вторникъ навѣрное выѣду.

— Нѣтъ, это неудобно, вы должны ѣхать съ партіей въ воскресенье, т. е. завтра.

— Когда-же мнѣ выдадутъ пособіе, и сколько?

— Половину получите здѣсь, а остальные уже на мѣстѣ отъ партіоннаго начальника, всего сто рублей.

— Только сто? я рассчитывалъ на двѣсти, какъ мнѣ прежде общали; что я сдѣлаю съ этими деньгами, да притомъ еще непрѣмѣнно въ партіи, со всякимъ народомъ, нѣтъ, благодарю васъ покорно, нужно приискывать другіе источники уѣхать въ Сербію, я беру свое заявленіе обратно и отказываюсь отъ всего.

Меня просто оскорбило подобное предположеніе, что я потерянная окончательно личность, гонимая обстоятельствами, что-ли, и дошедшая до того, чтобы продавать себя въ безусловное распоряженіе.

Согласившись на подобное условіе, теряется въ собственномъ сознаніи самостоятельность добровольнаго шага, всякій сознающій свое достоинство цѣнить его на столько, что матеріальный источникъ, способствующій къ достиженію цѣли, не долженъ касаться убѣжденія принести сознательную пользу дѣлу, оскорбляющему русское чувство въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Славянскій комитетъ — это учрежденіе того-же общества, въ немъ сосредоточены средства наши-же, онъ своими дѣйствіями осуществляетъ общее желаніе и стремленія русскаго народа, жертвующаго чуть-ли не послѣднюю копѣйку на помощь угнетеннымъ братьямъ. И этотъ самый славянскій комитетъ къ тѣмъ, кто предлагаетъ свою личную услугу общему дѣлу, относится какъ къ личностямъ, желающимъ воспользоваться лишь деньгами безъ всякаго личнаго убѣжденія. Понятно, что сознавая все это ранѣе, чѣмъ мнѣ объявили такіе условія, не оставалось ничего, какъ отказаться и искать болѣе облагоустроеннаго исхода. Пожалуй я не правъ, такіе мелочи, какъ совмѣстное слѣдованіе съ людьми, далеко не соответствующими цѣли, подъ командой офицера, словомъ отправиться въ партіи

добровольцевъ, не есть униженіе, могущее остановить убѣжденіе — быть полезнымъ правому дѣлу, но признавая даже необходимость отправлять волонтеровъ партіями, славянскому комитету слѣдовало обратить вниманіе на тѣхъ, кого отправлять и раздѣлить ихъ на категоріи, изъ которыхъ нашлись-бы люди, идущіе безъ всякаго убѣжденія ради не имѣнія возможности пристроиться въ Россіи, нашлись-бы и такіе, которые оставляя въ своемъ отечествѣ знакомыхъ, родныхъ и кусокъ хлѣба, стремились въ Сербію съ цѣлію принести собою существенную пользу, къ такимъ людямъ нужно относиться нѣсколько разборчивѣе, чѣмъ къ первымъ двумъ категоріямъ, потому—что убѣжденія этихъ людей купить за деньги трудно, а поступая такимъ образомъ выходить, что за деньги покупается самостоятельность и убѣжденіе человѣка. Вотъ почему я отказался и съ грустію на душѣ вышелъ изъ комитета, оставившаго во мнѣ самое неотрадное воспоминаніе.

Усердные поиски.

Нехотѣлось отказаться отъ мысли ѣхать въ Сербію, что, думаю, дѣлать, — остается обратиться за помощью къ знакомымъ, такъ и сдѣлавъ, обратился, но ничего не вышло. Общество, благодаря тѣмъ волонтерамъ, которые успѣли уже доказать не вполнѣ безукоризненныя свои стороны, многіе изъ нихъ, заручившіеся деньгами отъ частныхъ лицъ, неужажали вовсе, а оставались въ Петербургѣ искателями приключеній, измѣнило нѣсколько взглядъ на этихъ людей, такъ что и мои знакомые, зная хотя меня съ хорошей стороны, старались вообще увернуться отъ такого содѣйствія подъ разными предлогами, въ концѣ приходилось все таки

плохо. — Вотъ думаю бѣда, какъ трудно уѣхать въ Сербію, гдѣ ожидаетъ рядъ лишеній, пожалуй даже и смерть. Былъ еще одинъ способъ, именно обратиться къ богатымъ людямъ незнакомымъ, эти навѣрное дадутъ, что имъ составляетъ, владѣя милліонами — пожертвовать какіе-нибудь сто рублей, для такого святаго дѣла, ну, наконецъ пятьдесятъ каждому, ну двадцать пять, — вѣдь это просто смѣшно не дать. Сказано — сдѣлано, да и попытка денегъ не стоитъ, платить за нее не нужно, краснѣть только придется, ну да это не бѣда. На слѣдующій день утромъ, съ составленнымъ спискомъ своихъ воображаемыхъ благодѣтелей, въ который вошли и нѣкоторые мои знакомые, я отправился за поисками. Но, выйдя изъ квартиры разсудилъ, что ходить пѣшкомъ просто нелѣпо, во первыхъ — неуспѣю побывать у всѣхъ въ одинъ день, а во вторыхъ многихъ не застану во время дома, слѣдовательно потеряю бесполезно время, затянется отъѣздъ въ Сербію, гдѣ такъ безотлагательно нуждаются въ помощи, да, нелѣпо, — лучше возьму извозчика. Вотъ вѣдь только бѣда, что денегъ въ карманѣ немного, разсчитаться съ нимъ будетъ трудненько, — э, э, э! соберу же я денегъ, ну хотя-бы рублей сто, а извознику пустяки, — нѣсколько рублей, — не о чемъ и думать. Такъ разсуждая, я подозвалъ извозчика и приказалъ ѣхать къ одной моей знакомой богатой помѣщицѣ, весьма сострадательной женщинѣ, а главное помѣщенной въ списокъ первой благодѣтельницей. Ея квартира была на Литейной улицѣ, куда я съ большими надеждами и подкатилъ къ ея подъѣзду. На два-три, громкіе мои звонка, дверь наконецъ отворилась и неряшливый, заспанный старый слуга, крайне популярно относящійся къ посѣтителямъ, по присущей манерѣ дворовыхъ людей изъ прежнихъ еще крѣпостныхъ, встрѣтилъ меня довольно удивленно.

— Кого вамъ угодно?

— Я къ Антонинѣ Львовнѣ, нельзя-ли ее видѣть?

— Помилуйте, такъ рано, онѣ еще въ постели!

— А не знаете-ли скоро-ли встанутъ?

— Какъ не знать, слава Тебѣ Господи, не первый день служимъ! онѣ-то уже проснулись, да имѣють привычку долго въ постели лежать, часто и чай кушаютъ въ кровати, я доложу имъ пожалуй.

— Нѣтъ, не докладывай любезный, я лучше подожду, пока сами встанутъ, не нужно ихъ беспокоить.

— Какъ угодно, тогда пожалуйста въ гостиную.

— Вотъ, когда онѣ одѣнутся, тогда доложите.

— Слушаю-сь!

Старый слуга, покашливая и что-то разсуждая съ собою, ушелъ изъ гостиной. Непріятно было ожидать неизвѣстности, пожалуй даже отказа. Если-бы зналъ уѣхалъ-бы лучше, чѣмъ ощущать лишнее томленіе, но въ томъ-то и дѣло, если-бы зналъ, а не зная — нужно сидѣть, пока выйдетъ хозяйка. Минуть черезъ двадцать, тотъ-же лакей вернулся и принялся убирать комнату, переставлять стулья, обтирать пыль на старой мебели и т. п. Видно было, что его интересуешь, зачѣмъ я такъ рано пріѣхалъ.

— Должно дѣло важное имѣете къ ихней милости?

— Не то что важное, а такъ, нужно кое о чемъ переговорить, днемъ ихъ дома вѣдь не бываетъ, а завтра я уѣзжаю.

— Что, за границу баринъ поѣдете?

— Да, за границу.

— Охота вамъ за границу ѣхать, русскія деньги нѣмцамъ, да французамъ отдавать, сидѣли бы лучше въ Питерѣ, чего тутъ нѣтъ, все что угодно. Вотъ моя госпожа, примѣрно сказать, тоже вѣдь за границу собираются уѣзжать, — по моему на Руси ужъ куда лучше. Слава Богу, тоже въ былое время поѣздилъ съ бариномъ съ покойникомъ, какъ зарядимъ бывало въ сентябрѣ изъ Москвы, такъ до самой Святой недѣли, гдѣ ужъ не перебуваемъ: въ нѣметчинѣ, во Франціи, въ Италіи, въ Швейцарію завернемъ, всю какъ есть Европу изѣздимъ, а — помню, вернемся въ Россію,

ей Богу, — лучше жить. Чертъ ихъ возьми, этихъ иностранцевъ, нашъ русскій братъ любить во всю, не то чтобы стѣсняться, иногда и выпьешь лишнее, а за границей не то житье, ужъ очень скучное, русскому не по душѣ.

— Такъ-то, такъ, добрыйшій, да коли нужно фхать, ничего не подѣлаешь.

— Дѣлю обыкновенное. А вотъ и барыня кажись поднялась, слышно горничную зовутъ, — пойду-ка я посмотрю.

Вскорѣ вернулся старикъ и доложилъ, что барыня просили подождать, сейчасъ выйдутъ. Ну, думаю, по больше-бы смѣлости. Что если всюду фiasco, чѣмъ я извозчика разсчитаю, пожалуй выйдетъ крупная неприятность, а тутъ еще какъ на грѣхъ благодѣтельница не выходитъ, время даромъ теряю. Всѣ эти пробѣгающія соображенія занимали мою голову, какъ вдругъ пробудили меня тихіе шаги вошедшей въ комнату хозяйки. Нужно сознаться, что несмотря на мое тревожное состояніе, въ которомъ казалось-бы нѣкогда обращать вниманіе на туалетъ, я все таки былъ пораженъ видомъ этой дамы. Она была до того неряшливо одѣта, въ какомъ-то накинутомъ фланелевомъ капотѣ, съ растрепанными волосами, нечищенными зубами, краснымъ, измятымъ отъ сна лицомъ, что ея наружность сорока-лѣтней некрасивой женщины, казалась теперь во сто разъ хуже; а тутъ еще нужно приступать къ щекотливому денежному вопросу.

— Здравствуйте, что это вы батюшка, такъ рано пожаловали, не векселя-ли мои въ вашихъ рукахъ, счета сводить пріѣхали? ничего не подѣлаете, финансы прескверные, вотъ уже второй мѣсяцъ управляющій ничего не шлетъ, впрочемъ вы — любезный кавалеръ, будете со мною снисходительны.

— Помилуйте, какіе тамъ векселя, я боюсь, что мои что-нибудь предъявить, до того-ли мнѣ! я къ вамъ во первыхъ — проститься передъ отъѣздомъ, а во вторыхъ — кое о чемъ переговорить, если не помѣшаю.

— Сдѣлайте одолженіе, куда-же это вы направляетесь такъ внезапно? кажется никуда вѣдь не собирались.

— Я всегда рѣшаю скоро, теперь ѣду въ Сербію.

— Ну полноте шутить, въ какую тамъ Сербію!

— Серьезно уѣзжаю, нужно-же помочь единовѣрцамъ.

— Вы меня просто смущаете, ни съ того, ни съ сего, вдругъ въ Сербію, и за тѣмъ, чтобы сами-же сербы убили? говорятъ, что они безъ церемоній стрѣляютъ по русскимъ офицерамъ.

— Не вѣрьте вы этимъ баснямъ, какъ можно слушать такіе рассказы!

— Вы вотъ и порѣшили по своему, а я вамъ говорю, что стрѣляютъ по русскимъ и легко можно быть убитымъ своей пулей.

— Да я не боюсь смерти, очень возможно, что убьютъ, а вотъ лучше поговоримъ о дѣлѣ.

— О какомъ-же, я васъ слушаю?

— Видите-ли, я порѣшилъ ѣхать въ Сербію, а средствъ на дорогу никакихъ не имѣю и главное, негдѣ взять; одно остается— обратиться къ знакомымъ, вообще къ людямъ, имѣющимъ деньги, съ васъ вотъ первой я сегодня и началъ, сдѣлайте что можно, не для меня, а для дѣла.

— Къ несчастью мои финансы теперь въ плохомъ состояніи, сижу съ грошами, такъ что рѣшительно не могу для васъ ничего сдѣлать. У васъ такъ много знакомыхъ людей богатыхъ, почему-бы вамъ къ нимъ не обратиться? Все-жъ таки свѣтъ не безъ людей.

— Совершенно вѣрно, но только всѣ эти люди говорятъ вашимъ языкомъ, какъ будто сговорились, вотъ въ чемъ горе; вы вотъ ссылаетесь на другихъ, а другіе на васъ, а въ результатѣ все-таки — минусъ.

— Да, вообще трудно теперь добыть деньги, это правда, я сама желаю получить подъ закладную на имѣніе и то не даютъ, просто перестали вѣрить!

Дда, думаю, къ несчастью перестали. — Я все-же Анто-

нина Львовна не теряю на васъ надежду, мнѣ вѣдь много не нужно.

— Seriously не могу ничего сдѣлать, вотъ если-бы вы нѣсколькими днями раньше, тогда еще деньги были, я бы съ удовольствіемъ вамъ помогла, а теперь ничего не подѣлаю; почему вы не обратитесь въ славянскій комитетъ, тамъ по цѣлой тысячѣ выдаютъ; не давно одинъ изъ моихъ знакомыхъ получилъ на поѣздку около восьмисотъ рублей.

— Видите ли, вѣрна пословица, что „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“, вы вотъ утверждаете, что выдаютъ по цѣлой тысячѣ, а я обращался, мнѣ предложили всего сто рублей.

— Нѣтъ! нѣтъ! это не можетъ быть, вы обратитесь къ предсѣдателю.

— Благодарю васъ за совѣтъ, но больше обращаться не буду.

— Ну чтожь,—сами потеряете.

— Да неужели вы на самомъ дѣлѣ говорите серьезно, Антонина Львовна? Откуда комитетъ можетъ располагать такими средствами, чтобы выдавать по тысячѣ рублей каждому волонтеру, помилуйте! Это не возможно, вамъ вѣроятно передали въ искаженномъ видѣ.

— Можетъ быть, не спору. А скоро ли вы думаете уѣзжать въ Сербію?

— Если успѣю, то даже сегодня не задумаюсь уѣхать.

— Охота вамъ такъ торопиться, теперь лишь веселиться въ Петербургѣ, зимній сезонъ настаетъ, а вы уѣзжаете, это по меньшей мѣрѣ—не логично.

— Я тоже не спору, что сезонъ хорошій, у кого денегъ много.

— Охъ, эти деньги, камень преткновенія за что не возмись, лучше-бы ихъ не было.

— Ну, нѣтъ, благодарю васъ за это лучшее, я имѣю удовольствіе нерѣдко испытывать такое ощущеніе и какъ практикъ скажу вамъ — мало въ этомъ хорошаго.

Во время нашего разговора вошла горничная и что то на ухо шепнула моей собесѣдницѣ. А..а..а.. знаю, сейчасъ я приду.

— Я можетъ быть стѣсняю васъ своимъ присутствіемъ?

— Нѣтъ, пока ничего, мнѣ нужно будетъ по хозяйству уйти послѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе и попросить извиненія за лишнее безпокойство.

— Ничего, сдѣлайте одолженіе, какое тамъ извиненіе, послушайте лучше совѣта,—обратитесь въ комитетъ.

— Лучше не совѣтуйте, не послушаюсь!

— Какъ знаете. Желаю вамъ пока успѣха, передъ отъѣздомъ заверните проститься, мы вѣдь съ вами старые знакомые.

— Непремѣнно постараюсь побывать у васъ. Вотъ, думаю, красotka отдѣлывается любезностью.

Старый лакей съ самодовольной, масляной улыбкой подаль мнѣ пальто, низко раскланиваясь пропустилъ въ дверь, а когда я отвѣтилъ на поклонъ своимъ такимъ-же, то, непривычный не получать на чай, съ трескомъ затворилъ дверь за мною.

Начало скверное, первую благодѣтельницу нужно минусомъ отмѣтить, но не теряя духа, поскорѣ къ остальнымъ.

Мой извозчикъ торопился за чѣмъ-то домой.

— Отпустите баринъ, не могу ѣздить, лошадь подкову потеряла, хозяинъ ругаться будетъ!

— Я вѣдь тебя любезный рядилъ не на одинъ часъ, чего же ради ты мнѣ такую пѣсню-то заплѣлъ?

— Какую пѣсню, виновать не я! за полтину въ часъ не стану лошадь портить, сами знаете!

— Да мнѣ какое-же дѣло? не станешь, ну и ладно, а только я тебя не отпущу, хочешь — уѣзжай безъ расчета!

— Эка, испугали! пускай пропадаетъ, а только это не по барски!

— Ты вотъ брось разсужденіе: по барски или нѣтъ, а завтра заѣзжай утромъ ко мнѣ, у швейцара спросишь деньги!

— Вотъ-те время стало, у господъ денегъ нѣтъ, бѣда-же нашему брату, ладно! ладно! заѣду.

Извозникъ, неособенно довольный результатомъ, постегивая кнутомъ лошадку отъ досады, умчался въ другую улицу, а я не въ лучшемъ отъ него настроеніи подозвалъ другаго и отправился къ остальнымъ богачамъ. Неужели-же, думаю, всѣ такъ отдѣлаются, какъ эта урода, не можетъ быть, найдутся же люди и порядочные, которые войдутъ въ мое положеніе. Теперь я ѣхалъ ко второму, по списку, благодѣтелю, уже незнакомому, живущему на Сергіевской улицѣ.—У подъѣзда, встрѣчаетъ меня швейцаръ вопрошающимъ взглядомъ.

— Что генераль В. дома?

— Ни какъ нѣту-съ, они на дачѣ-съ, сюда пріѣзжаютъ каждый день въ одиннадцатомъ часу! скоро должно будутъ, если угодно, извольте подождать.

— Подождать-то братецъ можно, если скоро пріѣдутъ.

— Пожалуйте въ приемную-съ, они скоро будутъ.

Швейцаръ съ поспѣшнымъ проворетвомъ снялъ съ меня пальто, ни чуть не подозрѣвая цѣли посѣщенія и провелъ въ большую приемную. Здѣсь стало веселѣе, изящная комната съ богатой обстановкой, вѣжливость прислуги, все это вмѣстѣ какъ будто подавало надежду на лучший результатъ, чѣмъ у г. Б.

Швейцаръ запыхавшись воѣхалъ въ приемную:— „генераль уже пріѣхали, сейчасъ выйдутъ“! Я еще неуспѣлъ оправиться, какъ скорыми шагами вошелъ старикъ, безукоризненно выбритый, съ строгимъ выраженіемъ лица, полновѣсный, во фракѣ со звѣздой. Сначала посмотрѣлъ на меня удивленно и подойдя ближе обратился съ вопросомъ: — съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Я отрекомендовался.—Извините ваше превосходительство, что

позволяю себѣ васъ беспокоить, но обстоятельства такъ сложились, что заставляютъ дѣйствовать независимо отъ своей воли.

— Очень радъ, чѣмъ-же прикажете вамъ служить? (Э... думаю, дѣло идетъ на ладъ, такой богачъ одинъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ десять другихъ, нужно пользоваться.)

— Я, ваше превосходительство, отправляюсь въ Сербію и крайне нуждаюсь въ средствахъ, если вамъ не составитъ особенной тяжести, то буду очень благодаренъ за всякое содѣйствіе.

— Вамъ самое лучшее обратиться къ славянскому комитету, тамъ для отправленія волонтеровъ имѣются спеціальныя суммы, я же съ своей стороны ничего не могу для васъ сдѣлать, согласитесь, что мое офиціальное положеніе не позволяетъ принимать въ этомъ участіе, я даже удивляюсь, почему вы ко мнѣ именно обратились!

— Я имѣлъ въ виду просить ваше превосходительство, какъ частное лице, за что прошу извиненія.

— И въ такомъ случаѣ придется вамъ отказать. Очень сожалѣю, что не могу быть полезнымъ, что весьма просто объясняется—не имѣю средствъ. Самое лучшее—обратитесь въ комитетъ.

Да, думаю, чертъ-бы тебя взялъ съ совѣтомъ, я и самъ знаю, куда лучше обратиться, вотъ жаль только, что имѣлъ глупость къ тебѣ завернуть. Швейцаръ встрѣтилъ меня испытывающей фізіономіей, какъ будто спрашивая, пошло-ли дѣло на ладъ, а въ концѣ такъ-же злобно проводилъ, какъ и старый слуга у г-жи Б. Однако, совсѣмъ, думаю—плохо другимъ минусомъ приходится отмѣчать, не стоитъ пожалуй больше и ѣздить, по видимому ничего не выйдетъ, придется лишь съ двумя извозчиками раздѣлываться,—нѣтъ, слуга покорный, дальше ни шагу.

Я приказалъ взять себя къ одному изъ своихъ пріятелей, котораго къ счастью засталъ дома.

— Вы-бы баринъ меня отпустили, пора обѣдать и лошадь-то уже голодная, нужно кормить.

— Сейчас, погоди немного!

— Пожалуйста недолго держите, господинъ!

— Ладно, ладно, погоди. Вотъ, думаю, попалъ въ продѣлку, хорошо будетъ если и у пріятеля окажется тонко въ карманѣ.

— Радуюсь, что захватилъ тебя дома, я братъ съ извозникомъ ни какъ не могу раздѣлаться.

— А, здравствуй, какъ поживаешь, садись пожалуйста, давно тебя не видѣлъ, потолкуемъ.

— Нѣтъ братъ, толковать послѣ будемъ, а вотъ если хочешь наслаждаться моимъ присутствіемъ, котораго скоро лишишься, потому что уѣзжаю въ Сербію, то одолжи рубля два отпустить извозника.

— Съ удовольствіемъ, вотъ всѣхъ только три и есть на хозяйство, на, возьми сколько нужно.

— Завтра я ихъ тебѣ возвращу. Со мной сегодня настоящіе курьезы, съ восьми часовъ утра работаю братъ безъ усталы, шныряю изъ дома въ домъ къ богатымъ людямъ за деньгами на дорогу.

— Ты никакъ съума сошелъ! чертъ знаетъ какіе планы составилъ и надѣдаешь всѣмъ и каждому безъ всякихъ данныхъ! Самъ посуди, благоразумно-ли это? Отъ кого хочешь, но только не отъ тебя можно было ожидать подобныхъ выхонокъ,— другое дѣло, если-бы ты располагалъ своими средствами, ну тогда поѣзжай, куда знаешь, а при такихъ условіяхъ только роняешь себя передъ другими, пожалуй навяжешься на непріятность, придется дѣло имѣть съ полиціей,—самъ посуди. Наконецъ, если ужъ хочешь непременно ѣхать въ Сербію, въ чемъ тоже мало хорошаго, то обратись въ славянскій комитетъ.

— Убিরайся ты съ своимъ комитетомъ, я прежде твоего совѣта обращался, „неудовно-ли, говорятъ, отправиться съ партіей, за сто рубликовъ“,—я и отказался отъ такого благодѣянія.

— Въ такомъ случаѣ откажись совсѣмъ отъ поѣздки въ Сер-

бію! Зачѣмъ-же предпринимать невозможныя мѣры и на каждомъ шагу себя конфузить!

— Я думалъ, что посоветуешь чтонибудь подѣлать, а ты вотъ въ нравовѣніи вдаль, какъ будто не знаешь, что я никогда не отказываюсь отъ задуманной цѣли, послѣ того къ чему-же эти всѣ совѣты? Нѣтъ, братъ, пока до свиданія, нужно чтонибудь предпринимать,—спасибо за услугу.

— Да—я и забылъ, что съ тобою трудно сладить. Ну дѣйствуй по своему, посмотримъ что выйдетъ.

— Выйдетъ что нужно, прощай дружище! Завтра постараюсь быть исправнымъ плательщикомъ.

Въ эти нѣсколько часовъ я пережилъ цѣлую вѣчность, сколько ощущеній, испытаній и непріятностей! Многіе, кому не приходилось испытывать на себѣ чтонибудь подобное, не поймутъ это ужасное положеніе человѣка, въ которомъ сознаешь свое безсиліе, рвешься къ цѣли и въ волнахъ неудачъ теряешь всю энергію, дѣлаешь рядъ промаховъ и становишься совершенно безсильной личностью. Да, такимъ дѣлается самый самостоятельный, характерный, съ сильной волей человѣкъ, преслѣдуемый неудачами въ жизни.

По дорогѣ отъ моего пріятеля, я встрѣтился съ однимъ своимъ знакомымъ юристомъ К., человѣкомъ вполне порядочнымъ и добрымъ. Разказалъ ему про свое горе, предполагая навѣрняка найти въ немъ хорошаго совѣтника.

— Да вотъ въ чемъ дѣло, голубчикъ, я положимъ имѣю одну возможность помочь вашему положенію, только не такъ скоро, тамъ теперь денегъ нѣтъ, впрочемъ пойдемте со мною, я вамъ дамъ письмо къ редактору одной газеты, который хотя и жаловался, что теперь нѣтъ свободныхъ средствъ, а все-же можетъ быть найдется для одного волонтера, онъ уже нѣсколькихъ отправилъ на свой счетъ.

— Вотъ если-бы мнѣ-то онъ помогъ, я бы не зналъ, чѣмъ васъ благодарить, добрый-ли, повѣрите-ли, что одни вопросы зна-

комыхъ „когда уѣзжаю“—надоѣло уже слушать, не смотря на то, что эти вопросы ни что иное, какъ простое ихъ любопытство, ни чѣмъ меня не связывающее, но всетаки оно невыносимо. Если нельзя будетъ уѣхать въ Сербію, то куда нибудь уѣду, хотя-бы въ Колпино.

— Погодите, не отчаивайтесь, авось что нибудь выйдетъ изъ нашихъ поисковъ, вы только не теряя времени отправтесь съ моимъ письмомъ, теперь застанете редактора дома.

Мы взяли извозчика, доѣхали къ юристу, отъ котораго я, заручившись рекомендаціей, поскорѣе отправился въ редакцію.—Видно начало везти, потому-что редакторъ былъ дома. Горничная пригласила войти въ изящно меблированный кабинетъ, заваленный книгами и разными газетами, въ которомъ меня встрѣтилъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ черной окладистой бородой, въ золотыхъ очкахъ, съ утонченно вѣжливой манерой и, не говоря ни слова, вопросительно на меня смотрѣлъ.

— Я къ вамъ съ письмомъ отъ г-на К., извините, пожалуйста, что помѣшалъ вамъ заниматься, — такое ужь экстренное дѣло.

— Ничего, милости просимъ садиться. А самъ онъ сталъ со вниманіемъ читать посланіе.

Я съ трепетомъ въ душѣ, слѣдилъ за выраженіемъ его лица во время чтенія, съ нетерпѣніемъ ожидая результата; но по всему казалось, что дѣло принимаетъ хорошую сторону. Въ кабинетѣ царствовала мертвая тишина и только маятникъ стѣнныхъ часовъ возвѣщалъ о своемъ присутствіи. Мы оба были безмолвно заняты дѣломъ. Наконецъ письмо прочитано, медленно вкладывается въ конвертъ, а лице редактора принимаетъ весьма серьезное выраженіе, — нѣсколько секундъ общее молчаніе, — я не дышу.

— Съ большимъ удовольствіемъ готовъ вамъ служить, чѣмъ могу только хотя и не многимъ, потому что въ настоящее время средства моей редакціи крайне истощены; если бы нѣсколькими днями позже,

то я могъ-бы дать и больше, а теперь все что могу сдѣлать это предложить вамъ рублей полтораста.

— Премного вамъ благодаренъ и за это, я до того утомленъ выжиданіемъ денегъ на поѣздку въ Сербію, что бывши вполне увѣреннымъ въ вашемъ обѣщаніи снабдить меня черезъ нѣсколько дней болѣе значительными фондами, буду очень обязанъ за все гораздо меньшее въ настоящую минуту. Если найдете возможнымъ, то дайте рублей двѣсти.

— Видете-ли это довольно трудно въ однѣ руки такъ много, но я ужъ ради хорошей рекомендаціи исполню вашу просьбу. Распишитесь пожалуйста на этомъ-же письмѣ въ полученіи двухсотъ рублей. А теперь желаю вамъ счастливаго пути, дай Богъ вернуться невредимымъ. Если не забудете, то напишите къ намъ изъ Сербіи, я буду очень радъ имѣть отъ васъ извѣстіе.

— Постараюсь вамъ надѣсть своей корресподенціей, благодарю васъ отъ души за все, что вы для меня сдѣлали, буду радъ, если представится малѣйшая возможность быть вамъ въ чемъ нибудь полезнымъ. Прощайте!

— Не прощайте, а до свиданія!

— Тѣмъ лучше, если до свиданія, значить увидимся.

— Конечно! а то какъ-же иначе.

До сихъ поръ я воображалъ, что деньги не могутъ одуричь человѣка, ради нихъ нельзя забыться, сдѣлаться смѣшнымъ на нѣкоторое время, но теперь, послѣ полученія двухсотъ рублей, понималъ, что ради денегъ можно сойти съ ума т. е. не ради ихъ, а ради того, что эти деньги, положимъ двѣсти рублей, осуществляютъ главную мою цѣль, точно также, какъ какія нибудь двѣсти тысячъ, или нѣсколько милліоновъ, перерождаютъ положенія и состоянія другихъ людей, слѣдовательно съума можно сойти не ради самихъ денегъ, а ради того, что достигается изъ за нихъ. Я бѣжалъ съ лѣстницы, какъ угорѣлый, съ любопытствомъ про-

вѣря новенькія двадцати-пяти рублевки и радовался не деньгамъ, а поѣздкѣ.

Вернувшись прямо въ свою квартиру, я послалъ извѣщенія нѣкоторымъ своимъ знакомымъ на счетъ завтрашняго отъѣзда, а самъ принялся укладываться. — Завтра уѣзжаю — вотъ благодать! Часовъ съ семи я началъ собираться въ дорогу уже окончательной формѣ, а въ 10-ть, почти за три часа до поѣзда, мчался на извозикѣ къ Варшавскому вокзалу. Тамъ еще не было ни одной души изъ пассажировъ. Ничего, думаю, подожду, теперь не бѣда, лучше по раньше, чѣмъ опоздать. Часа два спустя пріѣхали кое кто изъ знакомыхъ меня провожать, пріѣхалъ и юристъ К., а послѣ совершенно неожиданно явилась и та самая женщина, которая была главной виновницей будущаго моего путешествія. Мнѣ было не до упрековъ, я всему теперь радовался, весѣлился и не прочь былъ даже подкутить. Эти тяжелые нѣсколько дней, пережитые въ Петербургѣ при такой грустной обстановкѣ въ послѣднее время, казались забытыми, теперь наступала новая жизнь, новыя ощущенія, еще незнакомыя, горе только, что къ этимъ новымъ ощущеніямъ, примѣшивалось одно старое, надоедливое (безденежье); послѣ расчета съ квартирной хозяйкой, покупки оружія и другихъ мелочей, въ моемъ карманѣ оставалось всего двадцать рублей и даровой билетъ втораго класса до Варшавы. Но и это меня не смущало, главное выѣхать изъ Петербурга а тамъ, думаю, какъ нибудь доѣду.

Мы позавтракали въ самомъ лучшемъ общемъ настроеніи, я даже увлекся и потребовалъ бутылку хорошаго лафиту, существенно измѣнившаго наличность моей кассы. Да какъ-же и не увлечься въ такомъ пріятномъ обществѣ, для этого нужно быть отжившимъ старикомъ, просто скрягой, а я, двадцати семи-лѣтній воинъ, далекій всякимъ матеріальнымъ расчетамъ въ жизни — увлекся, это понятно.

— Иначе какъ генераломъ не возвращайся изъ Сербіи, теперь такъ легко отличиться!

— Лучше желайте вернуться живымъ и здоровымъ, а генеральство на послѣ.

— Еще-бы, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, что мы желаемъ вамъ вернуться здоровымъ, но кромѣ того, пріятно бы встрѣтить васъ и генераломъ!

— Если вы видите во мнѣ даже будущаго генерала, то не упускайте изъ виду, что поѣздъ послѣ третьяго звонка даже превосходительныхъ не ожидаетъ, а теперь уже второй, — прощайте! Со слезами мы простились и расстались при обоюдныхъ самыхъ душевныхъ пожеланіяхъ. Народа провожать отъѣзжающихъ въ Сербію собралось на платформѣ масса, а когда поѣздъ двинулся, то вся эта публика проводила насъ громкими ура! — я выѣхалъ изъ Петербурга при торжественной обстановкѣ.

Изъ за идеи-ли?

Лишь прошло первое ощущеніе удовольствія, какъ явилась грозная мысль опасаться за будущее. Оставшіеся скудные финансы въ моемъ карманѣ, изъ коихъ нужно было расходовать на утоленіе голода и жажды въ дорогѣ, далеко не гарантировали дальнѣйшее мое путешествіе, продолжительный отдыхъ ожидать меня въ Варшавѣ, въ такомъ именно городѣ, гдѣ нѣтъ ни знакомыхъ, ни родныхъ, ни сочувствующихъ славянскому дѣлу.

Съ нашимъ поѣздомъ, какъ я уже сказалъ, отправлялась партія волонтеровъ отъ славянскаго комитета въ числѣ пятнадцати человѣкъ. Это была партія людей, набранныхъ, какъ будто, гдѣ

попало: здѣсь были отставные старые офицеры, бывшіе мастеровые, разные старые нижніе чины — герои пятидесятихъ годовъ, юнкера, тоже отставные, статскіе съ длинными волосами, въ очкахъ, костюмахъ неопредѣленнаго цвѣта отъ старости и медико-хирургическіе студенты, наиболѣе выдѣляющіеся приличнымъ поведеніемъ. Всѣ они представляли разнообразную группу, похожую на французское бѣгство изъ-подъ Москвы; одни были одѣты въ истрепанныя, засаленныя поддевки, другіе въ какіе-то замысловатой формы мундиры покроя Екатерининскихъ временъ, вмѣсто фуражекъ — въ кожаныхъ картузахъ, на которыхъ красовались офицерскія кокарды, потерявшія отъ старости всякую эмаль, остальные въ пиджаки фантастическаго покроя. Въ буфетахъ, гдѣ поѣздъ останавливался на нѣсколько минутъ, эти господа вели себя на диво веѣмъ, высказывая воинственность и стараясь обнаружить, что они волонтеры, ѣдутъ въ Сербію. Громко раздавались какія-то командныя слова, произносимыя подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса, а на каждой станціи выпивались этими рыцарями солидныя дозы коньяку и водки. О! — думаю, какое-же счастье, что я не съ вами.

Я въ нѣкоторомъ родѣ тоже волонтеръ, больше другихъ былъ ими заинтересованъ, мнѣ приходило въ голову, что это за люди? Зачѣмъ они ѣдутъ? Что ихъ заставляетъ, идея-ли? Нѣтъ, повидимому не идея. Это люди въ большинствѣ не приносящія пользы въ Россіи, живущіе безъ опредѣленной цѣли, чужды мирнымъ началамъ и границамъ приличія, стремятся на войну, вѣрнѣе на убой, ради новаго своего положенія, ради рѣзкой неизвѣстности въ будущемъ, ради желанія составить что либо, для личной своей пользы и наконецъ — ради денегъ. И въ самомъ дѣлѣ, не затрогивая элемента порядочныхъ людей, участвующихъ въ рядахъ сербской арміи, можно смѣло сказать тоже не только объ этихъ пятнадцати волонтерахъ, а объ цѣлой массѣ; въ большинствѣ явившейся на помощь славянамъ и принесшей цѣлый рядъ грустныхъ

фактовъ свободной жизни, вселяющихъ въ Сербѣхъ недоувѣріе и неуваженіе ко всѣмъ вообще русскимъ. Да, это грустный фактъ, но неопровержимый, съ которымъ нужно согласиться. Какой нибудь отставной офицеръ, немогушій занимать почти никакой должности въ Россіи по неспособности или по недостатку трезвости (а такихъ ѣхало большинство), есть человѣкъ отчасти потерянный, многіе-же изъ нихъ окончательно вредные люди, и вдругъ такой человѣкъ отправляется въ страну мало развитую, въ которой нуждаются больше, чѣмъ во всякой другой въ людяхъ порядочныхъ, въ страну при этомъ крошечную, гдѣ всякій неблаговидный поступокъ замѣтенъ, отправляется этотъ потерянный человѣкъ и вносить что-же? не способность къ хорошему дѣлу, дурныя привычки, дурныя начала, служить примѣромъ, на который смотреть и взвѣшиваютъ; понятно, что этотъ человѣкъ приносить существенный вредъ, а не пользу, что для не организованной арміи нуждающейся въ офицерахъ, стоящей лицомъ къ непріятелю въ десять разъ сильнѣе себя, такіе офицеры и волонтеры не принесутъ пользы. Ни одинъ изъ полководцевъ прежнихъ и современныхъ не достигалъ осуществленія своихъ плановъ на безправственныхъ началахъ.

Мнѣ, какъ русскому, сознающему что только ничтожное меньшинство русскихъ добровольцевъ въ Сербіи были порядочные и благородные люди, задавшіеся не личными разсчетами, а готовностью быть полезными общему дѣлу, говорить объ остальныхъ и признавать ихъ неблаговидныя стороны, весьма горько и тяжело, но что-же дѣлать, ихъ сознать нужно, а высказать еще болѣе, что бы найти недостатки въ организаціи волонтеровъ, послужившей главнымъ поводомъ грустныхъ результатовъ въ послѣдствіи. Я этимъ разоблаченіемъ сознаю общую пользу въ будущемъ, пишу, что чувствую и вижу и потому увѣренъ, что всякій, читающій эти строки — повѣритъ моей безпристрастной искренности.

Движеніе общества въ такую важную эпоху событій на помощь единовѣрцамъ, когда кромѣ политическаго значенія затроги-

вается честь русскаго имени, должно быть обусловлено совершенной свободой, почему пособіе славянскаго комитета въ этомъ случаѣ не должно вовсе связывать условіями того человѣка, который несетъ свою жизнь сознательно на пользу святому и правому дѣлу. Такой человѣкъ заслуживаетъ уваженіе и полное довѣріе, какъ рыцарь, являющійся сражаться за вѣру и свободу.

Многіе скажутъ, что такихъ людей мало, ихъ негдѣ взять, а въ этомъ случаѣ нужно много какихъ попало, — нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ, такихъ людей дѣйствительно мало, но они есть и эти существующіе не многіе принесли-бы въ лицѣ офицеровъ вѣдъ организованной арміи въ десять разъ больше пользы, чѣмъ множество потерянныхъ неспособныхъ людей. Славянскій комитетъ долженъ былъ задаться однимъ изъ двухъ слѣдующихъ вопросовъ: посылать-ли въ Сербію исключительно людей порядочныхъ, способныхъ къ дѣлу или какихъ попало? Если придерживаться перваго правила, то слѣдовало посылать только знающихъ службу, способныхъ офицеровъ и людей трезвыхъ, нижнихъ чиновъ, спеціально, для организаціи необученной молодой Сербской арміи, чѣмъ конечно достигалась-бы главная цѣль. — Если-же задаться вторымъ вопросомъ, т. е. помочь просто количествомъ, то въ такомъ случаѣ посылать тысячами уже безъ разбора. Этимъ тоже достигалась бы цѣль, потому — что непріятель могъ быть разбитымъ самостоятельными русскими отрядами, составленными не изъ сотенъ волонтеровъ, а цѣлыхъ тысячъ. Посылать-же мало, да при томъ дурныхъ, значить не достигать ни какой цѣли, что въ сущности и было.

Чтобы доказать сложившіяся убѣжденія въ простомъ народѣ относительно денежнаго пособія славянскаго комитета, я приведу слѣдующій примѣръ: на одной станціи Варшавской желѣзной дороги, на которой нашъ поѣздъ останавливался лишь нѣсколько минутъ, послѣ третьяго звонка, одинъ изъ волонтеровъ, въ вагонѣ третьяго класса, высунулся чрезъ окно, съ цѣлію затворить дверцы,

у которыхъ ему приходилось сидѣть, сторожъ, стоящій на платформѣ видѣлъ это и предполагая, что доброволецъ желаетъ выпрыгнуть изъ вагона, закричалъ: „куда лѣзешь, комитетскій взялъ деньги, не уйдешь“! Такой фактъ доказываетъ, до чего народъ относился къ деньгамъ славянскаго комитета недовѣрчиво и взявшихъ ихъ считалъ какъ бы проданными, что далеко не согласуется съ задачей. Человѣкъ связанный средствами или обязательствомъ ради денегъ, не можетъ быть тѣмъ, кого требовало славянское движеніе.

При такомъ настроеніи, гдѣ денежное пособіе вселяетъ опасеніе за себя и лишаетъ самостоятельности, не можетъ быть нормальныхъ явленій, открытыхъ желаній, а славянскій комитетъ чисто частное учрежденіе при такомъ взглядѣ превращается въ пунктъ, на которомъ покупаютъ потерянныхъ личностей съ ихъ самостоятельностью, не удовлетворяя тѣмъ прямымъ его обязанностямъ, къ которымъ онъ призванъ русскимъ обществомъ. Такая манера дѣйствій и организація волонтеровъ роняетъ ихъ въ глазахъ того-же общества и славянскій комитетъ не достигая серьезной цѣли задерживаетъ многія благія стремленія людей, которыя при частной помощи принесли-бы значительную пользу помимо его, тогда какъ при существованіи комитета частныя пожертвованія обращались исключительно въ его кассу.

Общество предоставляя средства комитету должно было имѣть въ виду лицъ, составляющихъ главу его правленія, отъ которыхъ требуется правильность дѣйствій. Эти лица имѣли полную возможность обсуждать каждый шагъ, каждую копѣйку и каждую личность, взвѣсивая во время ее прошлое. Они всегда могли найти данныя примѣнить свое мнѣніе правильно, обо всякомъ человѣкѣ можно собрать свѣденія. Конечно, если задаться вопросомъ судить только поверхностно, то многія достойныя личности въ весьма скромномъ званіи будутъ заброшены такъ называемыми статскими франтами, скрывающимися отъ кредиторовъ и молодыми щеголями

офицерами, хотя и весьма порядочными, но не замѣняющими собою тѣхъ, кого требуетъ война неорганизованной арміи. Такіе люди полезны въ свѣтскихъ салонахъ и элегантномъ обществѣ, а не въ грубой средѣ почти полудикой, требующей серьезнаго примѣра и дѣльнаго руководителя въ бою. Личная храбрость, могущая проявиться у всякаго юноши на полѣ сраженія, руководимая увлеченіемъ и честнымъ сознаніемъ долга, незамѣняетъ серьезную дѣятельность офицеровъ-организаторовъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ военнаго дѣла. Въ этомъ случаѣ не столько нужна личная храбрость, сколько становится необходимымъ умѣніе, хладнокровіе и расчетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ въ сраженіи безъ всякаго желанія прослыть героемъ минуты. Такая храбрость сознательная и достигающая своей цѣли, съ которой каждый главнокомандующій возмется опрокинуть непріятеля, тогда какъ порывъ юной страсти, часто недостигая вовсе цѣли, вызываетъ лишь необходимость награждать пылкихъ героевъ знаками военныхъ отличій.

Приключенія въ дорогѣ.

Несмотря на разнообразность приключеній съ добровольцами, ни даже на пріятное общество въ нашемъ вагонѣ, мною наконецъ овладѣла мысль, что дѣлать по пріѣздѣ въ Варшаву не имѣя достаточныхъ средствъ ѣхать дальше? Въ такомъ, можно сказать грустномъ раздумьи, я былъ пробужденъ вопросомъ обратившагося ко мнѣ противъ сидящаго господина, который по своему костюму походилъ на банщика или полового. Заинтересовавшись этой личностью, въ которой думаю, узнаю, студента или волонтера, я отвѣтилъ на его вопросъ, не помню какой и послѣ краткаго разговора узналъ въ немъ отставнаго русскаго капитана Р., который

оставивъ службу, жену, дѣтей и небольшое наслѣдство, ѣхалъ въ Сербію, все-жъ таки на деньги славянскаго комитета. Судя по даннымъ, казалось-бы, что это человѣкъ ѣдетъ дѣйствительно изъ за идеи, потому что другихъ расчетовъ у молодого достаточнаго русскаго офицера не могло предвидѣться.

— Вы капитанъ служили въ кавалеріи? обратился я къ нему съ вопросомъ.

— Нѣтъ, я въ послѣднее время служилъ въ Ташкентѣ, въ стрѣлковомъ баталіонѣ, а передъ отѣздомъ въ Петербургъ, за отсутствіемъ командира, заступалъ его мѣсто.

— Значить вы прямо ѣдете изъ Ташкента?

— Да, въ Петербургѣ пробылъ лишь пока жену устроилъ.

— Охота вамъ была нарядиться въ русскій костюмъ, заграницей будете обращать на себя общее вниманіе, а это не совсѣмъ удобно. При теперешнемъ положеніи дѣла, пожалуй арестуютъ гдѣ нибудь въ Австріи, тѣмъ болѣе, что намъ, волонтерамъ, лучше казаться туристами, чѣмъ подвергать себя лишнимъ непріятностямъ.

— Я знаете, такъ себѣ, русскій мужичекъ да и только, какое мнѣ тамъ дѣло, что будетъ въ Австріи.

— Да, это прекрасная черта, что вы гордитесь такимъ званіемъ и я не говорю съ цѣлью порицать этотъ нарядъ, я самъ русскій, люблю Россію и все свое не меньше вашего, но въ настоящее время, когда мы ѣдемъ въ Сербію волонтерами неофициально, то не логично подвергать себя лишнимъ непріятностямъ и стараться обнаруживать свою цѣль заграницей. Тамъ и безъ того хорошо знаютъ, зачѣмъ мы ѣдемъ; мы-же ѣдемъ не съ цѣлью порисоваться передъ другими, а ради желанія помочь, принести собою пользу, слѣдовательно стараться высказать это передъ тѣми, кто порицаетъ, по моему вовсе не къ чему. Любя свой національный костюмъ не слѣдуетъ его подвергать лишнимъ насмѣшкамъ, тѣмъ болѣе, что всѣ образованныя люди различныхъ національностей путешествуютъ по всюду въ общеевропейскомъ платьѣ.

— Вы правы, но я, знаете, такъ себѣ русскій мужичекъ и больше ничего.

— Я васъ просто не понимаю, что вы этой фразой хотите сказать особеннаго!

— Ничего, вотъ ѣду въ Сербію сражаться за славянъ, нарядился русскимъ мужичкомъ да и только.

— Вѣрно хотите обратить на себя общее вниманіе, я такъ васъ понимаю.

— Вовсе нѣтъ, а если будутъ обращаться, то мнѣ-то не всели равно.

— Нѣтъ ужъ позвольте вамъ не повѣрить въ такомъ желаніи. Что это, думаю, за субъектъ такой, идіотъ, что-ли? Отвѣчаетъ простымъ непониманіемъ вещей.

Поѣздъ подошелъ къ большому вокзалу, послѣдному буфету до Варшавы, мы послѣдно вышли изъ вагона съ цѣлю напиться чаю; здѣсь уже хозяйничала вся партія добровольцевъ, одни кричали—водки, коньяку, другіе, сельтерской, третіи расхаживали по буфету, напѣвая какія-то проникнутыя воинственностью пѣсни, словомъ все было въ движеніи, полно жизни и отваги. Вся остальная публика окружила столъ, заставленный горячими блюдами, тутъ-же распоряжался одинъ изъ добровольцевъ. Этотъ субъектъ казался чрезвычайно интереснымъ, въ жакетѣ, сѣрыхъ брюкахъ, длинныхъ до нелзя сапогахъ, съ растрепанными длинными волосами въ очкахъ и громадной съ полями черной шляпѣ, накинувшій на себя распущенный пледъ, касающійся грязнаго пола, при этомъ совершенно пьяный, съ трудомъ сохраняющій равновѣсіе. Онъ велъ разговоръ съ лакеемъ.

— Это что такое?

— Котлеты-съ, прикажите подать?

— Убирайся вонъ! а это что?

— Жаркое-съ! а вотъ бифштекъ-съ, можетъ угодно?

— Убирайся!..... тебѣ говорятъ! (Послѣ этой фразы дамы начали исчезать изъ залы).

— Эй ты! а это что?

— Осетрина-съ!

— Вотъ, вотъ ее ддавай! да давай-же!.....

— Сію минуточку-съ подамъ.

Перепуганный и озадаченный лакей мѣтался изъ стороны въ сторону какъ угорѣлый и наконецъ подаль осетрину подъ соусомъ, которую тотъ, недожидаясь вилки, взявъ рукой цѣлый кусокъ съ разу и безъ хлѣба принялся уничтожать, остановившись въ повелительной позѣ по середи комнаты.

— Рюмку водки, эй, человѣкъ!.....

— Сію минуточку-съ, только не извольте ругаться! мы вамъ не крѣпостные-съ!

— Ты еще разсуждать..... водки!... ууурррра!....

Ему подали водки, онъ выпилъ, сталъ еще требовать, но товарищи, которыхъ заставилъ начальникъ партіи, какой-то морской офицеръ, увели его въ вагонъ. Правда, что всѣ они казались не болѣе трезвыми, такъ что общая группа, уводящая бушующаго добровольца нѣсколько минутъ блуждала еще по комнатѣ, пока наконецъ попала въ дверь съ добычей, а тамъ ужъ на платформѣ жандармы помогли добраться до вагона. — Ну, думаю, слава Тебѣ Господи, что не заручился пособіемъ изъ комитета, пришлось-бы вѣдь съ этими артистами путешествовать. Мы съ русскимъ мужичкомъ перешли ко мнѣ въ отдѣленіе, въ которомъ помѣщались еще двое статскихъ, нашихъ дорожныхъ знакомыхъ. Тутъ снова разговорились съ мужичкомъ.

— Вы, капитанъ. ѣдете тоже въ числѣ этой партіи?

— Да, но я приплатилъ за билетъ втораго класса, съ ними не совсѣмъ удобно.

— Партія интересная, могу сказать, воображаю, какъ ими нѣмцы будутъ заняты.

— Не всё знаете такіе, вотъ этотъ, котораго вы видѣли, отставной юнкеръ, да еще нѣсколько подобныхъ ему, а остальные покойный народъ. Я увѣренъ, что заграницей они будутъ по смиреніе.

— Дай то Богъ, а то совѣстно сознаться что ѣдешь волонтеромъ въ средѣ такихъ господъ. Вечеромъ я остановлюсь въ Варшавѣ на одинъ день, отъ нихъ отстану.

— Такъ вы значитъ съ остановками путешествуете, а я прямо, такъ ужъ до самаго Бѣлграда качу, по русски!

— Что касается вашего выраженія „по русски“, то я, простите, совсѣмъ его не понимаю; если вы называете ѣхать безъ остановки—по русски, то съ остановкой какъ-же назовете, по французски, что-ли?

— По русски знаете, во всю, какъ зарядилъ, — такъ до конца и вали, а останавливаться, да отдыхать, это скорѣе похоже на что нибудь иностранное.

— Въ такомъ случаѣ всё тѣ, которые останавливаются на пути по дѣламъ или просто отдохнуть, путешествуютъ по иностранному, а только ѣдущіе безъ оглядки — по русски; это для меня новость довольно курьезная. Ну скажите пожалуйста, какъ-же назвать тѣхъ, которые по не зависящимъ отъ себя обстоятельствамъ останавливаются?

— Это другое дѣло, эти люди безолаберные, объ нихъ нѣтъ и рѣчи.

— Да развѣ только одни безолаберные останавливаются по не зависящимъ отъ себя обстоятельствамъ, что-ли?

— Конечно, а то какъ-же иначе?

— Вотъ вы сами и поймались, говорите, что безъ остановочное путешествіе въ русскомъ духѣ, а съ остановками по иностранному и что останавливаются только люди безолаберные, слѣдовательно сами-же отвергаете, то что сказали раньше, потому что иностранцы именно аккуратный народъ, а мы, русскіе болѣе безола-

берные и безпечные, почему выходить на оборотъ, путешествіе съ остановками по русски, а безъ нихъ, по иностранному.

— Вы батюшка придираетесь къ выраженіямъ, васъ не переспоришь.

— Предоставляю на общій судъ — придираюсь-ли я къ вамъ, такой выводъ самъ по себѣ выходитъ изъ вашихъ словъ, я тутъ не причемъ. Скажите пожалуйста, что мы скоро-ли будемъ въ Варшавѣ?

— Часа черезъ два я думаю. — Мнѣ бы нужно на время остановиться въ городѣ, купить кое что, вспомнилъ.

— Неужели-же вы въ Петербургѣ не успѣли собраться?

— Да такъ, знаете, какъ-то все скоро случилось, что кое что не успѣлъ сдѣлать, только револьверъ хорошій захватилъ.

— Какой-же вы системой запаслись?

— Я въ казенномъ складѣ получилъ по уменьшенной цѣнѣ, — общепринятой системы „Смита и Вессона“.

— Если въ казенномъ, то вѣроятно хуже моего, я купилъ въ магазинъ настоящій американскій.

— Ну, батюшка, мой ужъ навѣрное лучше вашего, громадныхъ размѣровъ, съ центральнымъ боемъ, отличный револьверъ, я вамъ сейчасъ его покажу.

Этотъ забавный патріотъ отправился за револьверомъ и очень скоро вернулся окончательно потерявшимся.

— Можете себѣ представить! нѣтъ чемодана, кто-то увезъ, а свой такой-же оставилъ; что мнѣ теперь дѣлать?

— Заявите начальнику станціи, онъ телеграфируетъ куда слѣдуетъ, можетъ быть отыщутъ.

— А въ чемоданѣ вѣдь и деньги, если не найдется, тогда дѣлай, что хочешь!

— Воспользуйтесь оставшимся, можетъ быть и въ этомъ есть деньги. Одинъ изъ васъ навѣрное выиграетъ.

Мужичекъ суетился, безпокоился, пока не подошелъ поѣздъ

къ станціи, здѣсь была уже депеша отъ имени похитителя, что съ слѣдующимъ поѣздомъ выплетъ чемоданъ въ Варшаву; свой-же забытый багажъ незнакомецъ просилъ тоже переслать обратно. Конечно мужичку необходимо было остановиться на одинъ день въ Варшавѣ по независящимъ отъ себя обстоятельствамъ. Бѣдный онъ, мы теперь всѣ на него напали. — Вотъ вамъ и съ остановкой по независящимъ обстоятельствамъ, путешествуете значить по иностранному, всѣ ваши доводы ни къ чему!

— Это вѣдь выходящій изъ ряду случай, по неволѣ остановишься!

— Вотъ это именно и называется по независящимъ отъ себя обстоятельствамъ. Такъ ужъ если хотите путешествовать по русски, то бросьте багажъ и деньги, да и катите до конца. Я бы по крайней мѣрѣ на вашемъ мѣстѣ непремѣнно такъ и поступилъ, изъ одного самолюбія.

— Легко вамъ разсказывать, какъ-бы вы поступили, коль не ваши деньги потеряны! скажите ка лучше въ какой гостинницѣ удобнѣе остановиться?

— Мы вотъ условились въ Европейской!

— Вы долго-ли думаете пробить въ Варшавѣ?

— Не знаю, какъ сложатся обстоятельства, дня два, три ужъ во всякомъ случаѣ.

— Если васъ не стѣснить, то остановимся вмѣстѣ, я дождусь своего багажа, завтра кстати праздникъ, пожалуй и вы дѣлишки обдѣлаете, тогда вмѣстѣ уѣдемъ.

— Остановимся пожалуй вмѣстѣ, если и не уѣдемъ, то все-таки будетъ въ двоѣмъ веселѣе на первое время.

Нашъ спутникъ статскій условился тоже остановиться въ одной гостинницѣ, мы въ троѣмъ порѣшили не разставаться, пока возможно. Дальнѣйшіе наши разговоры прекратилъ раздавшійся свистокъ локомотива уже подъ самой Варшавой и черезъ нѣсколько

минуть мы прибыли на воксаль. Здѣсь не медля взяли извозчика и отправились въ гостинницу.

Обыкновенно при въѣздѣ въ незнакомый городъ испытывается новое впечатлѣніе и я на этотъ разъ, не зная вовсе Варшавы, ощущалъ самое непріятное. Городъ мнѣ показался какимъ-то мрачнымъ, публика унывейшей, а когда въ тотъ-же вечеръ мы отправились въ городской садъ на гулянье, похожій на нашъ Демидовъ на Офицерской, то непріятное впечатлѣніе при въѣздѣ довершилось окончательно. Эта грязная гуляющая публика и плачевныя дамы казались какими-то скучными фигурами, снующими вокругъ устроеннаго балагана. Болѣе легкій прекрасный полъ, такъ называемыя кокетки, и эти не представляли ничего интереснаго, казались черезъ чуръ уже официальными, какъ будто извѣстными всѣмъ и каждому. Забавно то, что офицерство обращалось съ дамами безъ всякой церемоніи, я слѣдилъ за однимъ уланомъ, который встрѣчая знакомыхъ дѣвъ, обнималъ ихъ и благозвучно запечатлѣвалъ ихъ поцѣлуемъ. Ну, думаю, браво, да еще въ гвардейскомъ мундирѣ. Намъ все это надоѣло наконецъ.

— Пойдемъ господа домой, что здѣсь дѣлать! на безобразіе смотрѣть не интересно, а больше не на что.

— Вы правы, что мало интереснаго, лучше уйдемъ, по раньше спать ляжемъ.

Наша компанія исполнила предположеніе буквально; мы сейчасъ-же предались сладкому сну послѣ дороги. Я даже забылъ про свои дѣла, сонъ преодолѣлъ всякія умственные соображенія. Не знаю почему, но утромъ я проснулся, чувствуя ужасную усталость. Тревожное состояніе и заботы на счетъ будущей поѣздки, имѣли свое вліяніе. Что думаю дѣлать, нужно принимать мѣры, добыть гдѣ нибудь деньги, но гдѣ ихъ взять? это вопросъ перво-степенной важности; пока что — пойду-ка въ церковь, зайду пожалуй къ архіепископу, не выручить-ли онъ меня какъ нибудь. Мой спутникъ лежалъ еще въ постелѣ.

— Куда это вы такъ рано собираетесь?

— Неособенно и рано, уже десятый часъ, скоро обѣдня начнется.

— Погодите немного, я одѣнусь — пойдемъ вмѣстѣ, кстати и молебень напутственный отслужимъ.

— Если хотите идти, то поскорѣе собирайтесь, я долго ожидать ненамѣренъ.

— Черезъ пять минутъ къ вашимъ услугамъ.

Русскій мужичекъ нарядился и мы отправились въ мѣстный соборъ. Обѣдню служилъ самъ архіепископъ. Богослуженіе казалось до того торжественно при превосходномъ хорѣ пѣвчихъ, что невольно заставляло забыть все и предаться одной молитвѣ. Для меня лично теперь какъ будто перестало существовать все земное, я гдѣ то тамъ — въ иномъ мірѣ. Мнѣ представилось какъ-бы во снѣ все прошлое и не извѣстное будущее, я вспомнилъ матушку и сестру, которыхъ обожаю, друзей, знакомыхъ, я не забылъ и женщину, имѣвшую вліяніе на отбѣздъ мой въ Сербію, хотя вспомнилъ ее въ крайне тускломъ свѣтѣ; мнѣ представилась будущность какой-то грозной эпохой жизни, являющейся послѣднимъ актомъ всего прошедшаго. Да! много кое чего вспомнилось о чемъ давно не думалъ.

Все это произвело на меня потрясающее вліяніе и я обратился съ горячей молитвой къ Богу, прося Его явиться на помощь во всемъ. Я не плакалъ слезами, но душой гораздо сильнѣе. Отъ искренной молитвы казалось какъ будто легче, покойнѣе.

Послѣ обѣдни и молебна мы зашли къ архіепископу, но не были приняты, по случаю бывшихъ у него гостей, объ насъ не докладывали.

— Зайдите такъ часа въ четыре, преосвященный тогда васъ примутъ, сообщилъ намъ его секретарь.

— Экая досада! придется еще разъ тащиться, не успѣешь собраться въ дорогу, заботился мужичекъ.

— Да если вамъ не особенно нужно видѣться съ преосвященнымъ, то вы и не ходите больше; у меня есть личное дѣло, а вамъ зачѣмъ-же?

— Я бы хотѣлъ принять благословеніе. Скажите откровенно, можетъ быть вамъ неудобно идти со мною, тогда отправляйтесь сами.

— Отлично, ты, голубчикъ, думаю, сдѣлалъ бы, оставшись дома.

— Нѣтъ, ничего, какіе-же у меня съ нимъ могутъ быть секреты, пойдемъ вмѣстѣ.

— Намъ сказали, что можно быть принятыми въ четыре часа, какъ разъ въ обѣденную пору, у преосвященнаго пожалуй засидимся и отобѣдать не успѣемъ.

— Зачѣмъ-же дѣло стало, отобѣдаемъ по раньше. Теперь уже половина втораго — пойдемъ прямо къ себѣ въ гостинницу, захватимъ нашего статскаго, тамъ и закусимъ вмѣстѣ.

— Врядъ-ли онъ теперь дома, должно быть занять дѣлами въ городѣ!

По дорогѣ въ гостинницу мы встрѣтили на извозникѣ нашего знакомаго, съ которымъ уговорились вмѣстѣ обѣдать. Вотъ бѣда, — ни какъ нельзя отдѣлаться отъ русскаго мужичка — ни на шагъ не отстаеъ. Не успѣлъ я еще сообразить эти мысли, какъ мужичекъ снова присталъ съ вопросомъ.

— Чего вы такой скучный сегодня? на васъ смотрѣть — самому дѣлается тошно, точно передъ смертью грѣхи вспоминаете!

— Всегда я такой-же, нечего особенно веселиться, вотъ и все.

— Вечеркомъ уѣдемъ! тогда развлечетесь, Варшава прескучный городъ.

— Интересно знать, почему вы говорите „уѣдемъ“, а не „уѣду“, не думаете-ли, что я буду вашимъ спутникомъ?

— Конечно думаю, зачѣмъ-же вамъ оставаться одному, я,

если-бы не рассчитывалъ на вашу компанію, то уѣхалъ-бы еще утромъ, чемоданъ-то мнѣ съ вечера прислали.

— Очень жаль, что вы основываясь на своемъ предположеніи, потеряли цѣлый день напрасно, потому какъ видно сегодня уѣхать мнѣ не придется, впрочемъ время еще впереди, навѣрное буду знать только послѣ четырехъ часовъ.

Въ гостинницѣ мы застали уже нашего знакомаго, распорядившагося содержаніемъ обѣда и, отвѣдавъ предварительно водочки, успѣли подавлять довольно изрядный аппетитъ. Ко мнѣ приставали съ вопросами „чего я скучный“, предлагали выпить для лучшаго расположенія, но все это какъ-то мало на меня вліяло. Невозможность выйти изъ затруднительнаго положенія разстроила меня окончательно, на все было досадно, даже вино, которое выпивалось въ изрядномъ количествѣ, не дѣйствовало благопріятно. Одна и таже мысль преслѣдовала неотступно, — что предпринять?

Замѣчательно, что не смотря на болѣе подходящій случай спросить денегъ у русскаго мужичка, я всегда при этой мысли старался отказаться ее исполнить, боясь какъ будто послѣдствій. Во всякомъ случаѣ нужно-же было прійти къ какому нибудь заключенію; до поѣзда, съ которымъ можно было уѣхать, — оставалось лишь нѣсколько часовъ.

Ко мнѣ подошелъ какой-то молодой человѣкъ и обратился съ вопросомъ: — мы ли ѣдемъ въ Сербію.

— Позвольте узнать, почему вы предлагаете подобный вопросъ? спросилъ я его въ свою очередь.

— Мнѣ сказалъ швейцаръ, что вы уѣзжаете въ Сербію, а самъ я тоже желаю пробраться, вотъ почему и спрашиваю.

— Да, ѣдемъ.

— Въ такомъ случаѣ посоветуйте, что мнѣ дѣлать? я лишень всякихъ средствъ на поѣздку.

— Обратитесь въ славянскій комитетъ!

— Видите-ли, въ комитетѣ не выдадутъ безъ предъявленія

паспорта, а я, какъ не совершеннолѣтній не могу получить самостоятельно, отецъ-же ни за что не соглашается.

— Вы мѣстный житель?

— Да.

— Тогда обратитесь къ полицеймейстеру, просите его повліять на отца.

— Ничего не выйдетъ, мой отецъ заядлый полякъ, несочувствуетъ славянскому дѣлу, ни за что не согласится меня отпустить. Я уже разъ безъ паспорта удралъ, да на границѣ вернули, а дома задали такую порку, отъ которой до сихъ поръ не могу оправиться, теперь просто удвоилось желаніе уѣхать!

— Если отецъ васъ не отпускаетъ, а полиція безъ его согласія паспорта не выдастъ, то сами посудите, что-же мы можемъ для васъ сдѣлать?

— Дайте мнѣ только средства, а паспортъ я добуду.

— Какимъ-же образомъ добудете, когда полиція не выдастъ безъ вѣдома вашего отца!

— Это ничего, у меня есть знакомый чиновникъ въ паспортномъ отдѣленіи, я у него стащу одинъ какъ нибудь незамѣтно.

— Да вы батюшка за кого-же насъ-то принимаете, что думаете съ украденнымъ паспортомъ путешествовать въ нашемъ обществѣ? мы хотя и очень сочувствуемъ славянскому дѣлу, но васъ съ собою при такихъ условіяхъ не возьмемъ, простите! Во первыхъ, въ паспортъ, который вы утащите, будетъ обозначенъ возрастъ собственника и примѣты, какъ разъ можетъ быть какого нибудь старика, тогда вы сейчасъ-же попадетесь и если что нибудь въ немъ передѣлаете, то раньше, чѣмъ попадете подъ славянскія знамена, будете судиться въ Россіи за двойное преступленіе: подлогъ и воровство. Наконецъ, скажите пожалуйста, что васъ заставляетъ уѣзжать въ Сербію, неужели вы увлечены до такой степени идеей?

— Какое тамъ идея! мнѣ просто здѣсь надоѣло, гимназію

не кончилъ, вышелъ изъ пятого класса, отецъ упрекаетъ на каждомъ шагу, въ военную службу не позволяетъ поступить, что мнѣ дѣлать, когда жизнь съ родными просто опротивѣла.

— Что вашъ отецъ, человѣкъ съ состояніемъ?

— Два дома имѣеть здѣсь въ городѣ.

— Тогда вы дѣлаете большую ошибку, желая идти на перекоръ его волѣ. Что онъ васъ упрекаетъ — на это есть весьма основательныя данныя, вы не должны противиться, а смириться съ положеніемъ и вліять на него просьбой. Наконецъ ваше желаніе быть непременно военнымъ само по себѣ исполнится, теперь существуетъ общая воинская повинность, скоро васъ, несмотря на все, пригласятъ служить, тогда и отецъ будетъ снисходительнѣе, а теперь уходитъ изъ дома, лишать себя всякихъ средствъ къ жизни, когда вы вовсе не проникнуты идеей, это просто безумно. Лучше послушайте насъ и оставьте всѣ затѣи безъ дальнѣйшихъ попытокъ. Мы-бы вамъ съ удовольствіемъ дали средства на дорогу, если-бы видѣли, что вашъ поступокъ зрѣлый, обдуманный, но при такихъ данныхъ и съ нашей стороны безумно что нибудь для васъ сдѣлать; права отца настолько обширны, что нужно къ нимъ относиться съ большимъ уваженіемъ. Мы вамъ совѣтуемъ отъ души примириться съ нимъ, послѣ сами будете довольны этимъ.

Юноша поддался общему нашему вліянію и согласился, что покидать старика отца, противъ его воли, не слѣдуетъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ послушаюсь васъ, господа, останусь лучше дома.

— Ну вотъ и отлично, мы будемъ рады за васъ.

Этотъ юноша походилъ на многихъ волонтеровъ, которые, хотя и не по одинаковымъ съ нимъ причинамъ, уѣзжали въ Сербію, но такъ-же мало были увлекаемы идеей.

Послѣ обѣда нашъ общій знакомый статскій пошелъ къ себѣ въ номеръ, а мы съ мужичкомъ отправились къ архіепископу.

Тамъ насъ встрѣтилъ его камердинеръ. — Извольте подождать немного, они еще отдыхаютъ.

— Пожалуйста когда встанутъ — доложите о насъ!

— Какъ-же, непременно, преосвященный еще утромъ хотѣлъ васъ видѣть.

— А развѣ онъ узналъ, что мы приходили, вѣдь вы-же кажется не докладывали?

— Узнали, сердились, почему не доложили.

Черезъ какіе нибудь четверть часа раздался звонокъ гдѣ-то внутри квартиры. — А вотъ, уже встали, я сейчасъ доложу. Камердинеръ засуетившись вышелъ, а черезъ нѣсколько времени вернулся съ приглашеніемъ.

— Васъ просятъ, пожалуйста въ залъ!

Мы вошли въ пріемную комнату, скромно, но чисто меблированную, увѣшанную большими портретами высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ.

— Выступайте-ка впередъ, вы посмѣлѣе, я знаете мужичкомъ буду позади держаться.

— Вотъ еще новость! Что, вы никогда не бывали въ обществѣ, боитесь съ людьми говорить! не буду-же я за васъ отвѣчать на его вопросы.

Преосвященный вышелъ къ намъ очень скоро и, послѣ первыхъ привѣтствій, пригласилъ побесѣдовать во вторую комнату, въ родѣ маленькой гостиной.

— Васъ Богъ несетъ въ Сербію! Я очень сожалью, что вы не зашли ко мнѣ сегодня утромъ, напились-бы чаю, потолковали, у меня здѣсь былъ кое кто изъ мѣстныхъ властей. У насъ курьезы съ волонтерами такіе являются, что просто потѣха, Богъ знаетъ, откуда ѣздить по всѣмъ комитетамъ за пособіемъ; сегодня полицеймейстеръ разсказывалъ, что одного какого-то добровольца арестовали за то, что увезъ чужія деньги, — вотъ не помню только его фамиліи.

— Да, ваше преосвященство, ѣдетъ въ Сербію народъ теплый, нечего сказать! многимъ теперь есть случай въ мутной водѣ рыбу ловить. Прежде отъ долговъ бѣгали въ Ташкентъ, на Кавказъ, пока велась война, а теперь и тамъ нечего дѣлать, занятія болшею частію административныя, ну и кредиторы найдутъ дорогу; теперь вотъ Сербія кстати подоспѣла, славянская идея въ болшой модѣ, словомъ сподручно скрыться отъ всего подъ знамена возставшихъ единовѣрцевъ и прослыть даже историческимъ героемъ. Такой народъ ѣдетъ, что въ квартиру безъ свидѣтелей нельзя впускать.

— Кажется не совсѣмъ-то въ этомъ случаѣ комитеты осмотрительно дѣйствуютъ?

— Да, не безукоризненно, ваше преосвященство. Вообще въ вопросѣ славянскаго движенія найдется не мало крупныхъ ошибокъ;—ну да гдѣ-же ихъ и нѣтъ; я думаю Сербія теперь—таже Россія.

— А когда вы уѣзжаете?

— Хотѣлось-бы сегодня съ вечернимъ поѣздомъ.

— Какимъ путемъ думаете,—на Вѣну?

— Нѣтъ, на Пештъ, ближе, ваше преосвященство.

— Помните, если Богъ поможетъ вамъ остаться въ живыхъ, будете возвращаться на Варшаву, то побывайте у меня, а вотъ вамъ мое благословеніе—возьмите эти образки на память. Да защититъ васъ Господь отъ врага.

Мы поблагодарили, простились и ушли. Архіепископъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе, эта простота обращенія, съ которой онъ принималъ, ласковость и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣніе внушить уваженіе къ своему сану, подѣйствовало на меня весьма пріятно, я забылъ о чемъ хотѣлъ съ нимъ говорить и только на улицѣ вспомнилъ объ этомъ съ досадой! Правда, немало этому помѣшало присутствіе русскаго мужичка, который путившись въ разсужденіе о политикѣ вынудилъ меня дергать за

полы, чтобы умѣрить его восторгъ; преосвященный изъ одной деликатности слушалъ не интересную канитель предлиннаго содержанія, хотя въ душѣ вѣроятно не вполне соглашался съ такими дипломатическими заключеніями.

Вотъ, думаю, дѣла-то свои устроилъ, — не могъ собраться съ духомъ переговорить о томъ, о чемъ думалъ цѣлый день.

Вернувшись въ гостиницу, русскій мужичекъ принялся укладываться, хотя до поѣзда оставалось еще цѣлыхъ три часа; — а я-то, я остаюсь въ Варшавѣ безъ денегъ и безъ будущности.

— Изъ за чего вы вздумали такъ рано собираться? еще вѣдь десять разъ успѣете!

— Да такъ ужъ батюшка, пораньше лучше, а то прійдется торопиться, забудешь что нибудь нужное, я и вамъ совѣтую послѣдовать моему примѣру.

— Успѣю еще! слава тебѣ Господи—цѣлая недѣля остается.

— Какъ! развѣ вы остаетесь?

— Да, по независящимъ обстоятельствамъ, въ которые вы думаю теперь вѣрите.

— Такъ-съ, благодарю-неожидаль, я ради васъ пробылъ здѣсь цѣлый день, а вы вотъ какую штуку выкинули!

— Таковую-же какъ и вы, когда чемодана не оказалось, вѣдь должны-же были остаться ночевать въ Варшавѣ; точно также и мнѣ теперь необходимо подождать денегъ. Что-же касается обѣщанія ѣхать сегодня, то я навѣрное вовсе не утверждалъ!

— Да зачѣмъ-же дѣло-то стало, скажите прямо?

— Затѣмъ, что денегъ нѣтъ. Вся моя наличная касса заключается въ десяти рубляхъ.

— Чтожь изъ этого, какъ будто тысячи нужны на проѣздъ!

— Изъ этого то, что если есть только десять, а нужно одиннадцать, то эта единица составляетъ такую-же разницу, какъ въ тысячахъ цѣлая сотня.

— Вотъ бѣда большая! возьмите у меня сколько нужно.

— Благодарю васъ за вниманіе, но это не совсѣмъ удобно. Вамъ вѣроятно по прїѣздѣ въ Бѣлградъ понадобятся скоро деньги, а у меня то въ это время какъ разъ и не будетъ, можетъ выйти непріятность.

— Ничего, не выйдетъ, я подожду, экая сумма большая, какіе нибудь пятьдесятъ рублей, получите раньше или позже — все равно — вернете, когда будетъ возможно. Не церемоньтесь-ка, лучше уѣдемъ вмѣстѣ.

— Благодарю васъ за одолженіе, только предупреждаю, что если случится маленькое замедленіе, — всего вѣдь не предугадаешь, то не прогнѣвайтесь.

— Сдѣлайте милость! не беспокойтесь, я подожду.

Я деньги эти взялъ, забылъ, что братъ у него не слѣдуетъ, — да и гдѣ тутъ было помнить: такой маленькой суммой достигалась цѣль и цѣль хорошая, я сегодня могъ уѣхать изъ Варшавы, а черезъ нѣсколько дней быть въ Бѣлградѣ, тогда какъ отказавшись отъ предложенія, мнѣ пришлось-бы остаться въ неизвѣстности на неопредѣленное время. Да! при такой обстановкѣ нужно было выбрать изъ двухъ скверныхъ условій — одно лучшее, — я выбралъ это и ошибся.

Мы уже почти были готовы въ путь, какъ зашелъ къ намъ общій знакомый статскій.

— Что вы, господа, не на шутку сегодня уѣзжаете?

— Да что-жь здѣсь больше дѣлать, пора и въ Сербію.

— Въ такомъ случаѣ я васъ провожу на воксалъ, тамъ разопьемъ чашу за общее здоровье!

— Сдѣлайте милость, намъ будетъ очень пріятно провести съ вами время.

— Пока до свиданія! скоро увидимся.

Заплативъ счетъ въ гостиницѣ, мы отправились на воксалъ вѣнской желѣзной дороги, куда вскорѣ прїѣхалъ и статскій.

— Вы уже здѣсь! ну отлично, начнемте пировать, только съ условіемъ господъ, вы мои гости, а я хозяинъ.

— Сдѣлайте милость—распоряжайтесь! Вы очень кстати взяли на себя эту роль, какъ вамъ извѣстно отвѣтственную въ матеріальномъ отношеніи.

— Вамъ теперь все шуточки на умѣ! не то, что утромъ хандрили.

— Утромъ были причины, которыхъ теперь нѣтъ.

— Ради приличія съ чая начнемъ, что-ли?

— Какъ хотите.

— Ну, такъ съ чаю. Эй, человѣкъ, порцію чая!

— Прикажете со сливками?

— Да, да, только поскорѣе.

— Сю минуതു-сь.

Человѣкъ скрылся и чрезъ нѣсколько минутъ притащилъ на большомъ подносѣ приготовленный чай, со всевозможными прибавленіями.

— Скучно, послушайте, терять время за однимъ чаемъ, мы съ вами сегодня расстаемся, кто знаетъ, можетъ быть навсегда, все это такія рѣзкія событія, лучше выпьемъ венгерскаго, здѣсь оно очень хорошее. Человѣкъ! дайте-ка намъ бутылку венгерскаго, только самого лучшаго, если есть старого!

— Самый высокій сортъ прикажете-сь?

— Да я тебѣ сказалъ, что самого лучшаго, чего десять разъ спрашиваешь? Вотъ не угодно ли вамъ съ такимъ осломъ — пойдите, потолкуйте.

Венгерское намъ подали отличное, такого я давно не пилъ, старое, крѣпкое вино и главное—пріятное.

— Выпьемъ за здоровье отъѣзжающихъ въ Сербію, предложилъ хозяинъ.

— А намъ, ужъ позвольте выпить за провожающихъ!

— Спасибо, что вспомнили, желаю вамъ побѣдить турокъ!

Такъ провозглашая задравные тосты, мы незамѣтно пришли въ хорошее расположеніе духа и чуть не прозѣвали поѣздъ.

— Второй звонокъ на Вѣну! Закричалъ намъ бдительный швейцаръ.

Вооруженные пашками и револьверами, съ множествомъ ручнаго багажа, мы направились къ вагону, сопровождаемые публикой, вѣроятно угадавшей цѣль нашей поѣздки. Весь этотъ людъ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ насъ, какъ что нибудь невиданное. — Вотъ, думаю интересуются. Къ намъ присоединился молодой человѣкъ К. портупей-юнкеръ Павловскаго полка, путешествующій тоже въ Сербію. Такимъ образомъ наша партія невольно составила изъ трехъ самостоятельныхъ личностей. Жандармскій офицеръ и начальникъ станціи постарались оказать всякія любезности, насъ помѣстили въ спальный вагонъ перваго класса, для лучшаго удобства въ пути. Словомъ сдѣлали все, что возможно.

— Ну, прощайте, жаль съ вами расставаться!

— Дастъ Богъ увидимся, не скучайте! спасибо за вашу любезность!

Такъ мы расстались съ нашими новыми знакомыми, высказавшими истинное сочувствіе и готовность помочь, въ чемъ возможно. Когда раздался третій звонокъ, а послѣ свистокъ локомотива и поѣздъ двинулся, то мною овладѣло радостное чувство увѣренности, что теперь наконецъ, послѣ столькихъ неудачъ, я достигая окончательной цѣли.

Человѣкъ, задающійся серьезной задачей, употребляя средства рѣшить ее, многіе мелочи, весьма оплошныя поступки, совершенно незамѣтно упускаетъ изъ виду, идетъ къ цѣли не оглядываясь, борется на пути со всѣми препятствіями и только, когда достигаетъ осуществленія своихъ плановъ, то видитъ все дурное, чего ужъ не вернешь; достигнутая цѣль въ такихъ случаяхъ помогаетъ какъ будто облегчить упреки собственной совѣсти.

Безукоризненные изъ людей, часто такъ дѣйствуютъ, по необходимости.

Новыя впечатленія.

Мнѣ впервые пришлось путешествовать за границу, почему каждое явленіе, самое обыкновенное обращало на себя вниманіе. На австрійскую границу, послѣ очень скорой ѣзды въ курьерскомъ поѣздѣ, мы прибыли утромъ, около восьми часовъ. Здѣсь снова предстояли непріятности и неудачи; во первыхъ потому, что по совѣту другихъ мы свое оружіе везли открыто, чѣмъ невольно обращали на себя вниманіе, въ особенности русскій мужичекъ Р., напоминающій своимъ костюмомъ плотника, участвующаго въ артелѣ Петра Великаго при постройкѣ каравелъ юнаго русскаго флота въ Голландіи; онъ тѣмъ болѣе оправдывалъ свою національность, что, не зная ни одного иностраннаго языка, довольно комично объяснялся съ нѣмцами пантомимами, довершая фразы русскими словами и выдѣлывая при этомъ такія гримасы, отъ которыхъ австрійцы помирали со смѣху, не понимая все таки, чего онъ желаетъ. Здѣсь только русскій мужичекъ понялъ неловкость своего положенія и готовъ былъ преобразиться въ другой костюмъ.

— А что я вамъ говорилъ—будете обращать на себя общее вниманіе! Здѣсь только начало, на половину еще русскіе и то какъ вами заняты, а тамъ-то, подальше, въ Австріи не то еще будетъ.

— Не зналъ я, одѣлъ-бы какое нибудь пальтишко.

— Вы, положимъ, удобно одѣты,—что говорить, только очень ужъ не элегантно, слишкомъ просто.

— Какъ нибудь сойдетъ, чертъ съ ними! стану я еще тузить изъ за этого, нашли мальчишку молодого—какъ-же!

Упорство этого патріота меня просто злило, тѣмъ болѣе, что мы, русскіе волонтеры, путешествующіе черезъ Австрію не особенно дружелюбную державу нашего отечества, должны-бы сохранить строгое инкогнито, вмѣсто ни къ чему не ведущаго фарса, могущаго послужить препятствіемъ добраться до Бѣлграда.

Къ счастью и къ великому моему удивленію пограничныя власти обошлись съ нами весьма снисходительно; нашъ багажъ даже не осматривали, а просто наклеили бумажные орлы, не обращая при этомъ никакого вниманія на оружіе. Билеты намъ выдали только до Гензендорфа, что составляло большое неудобство, тамъ предстояло пересаживаться въ другой поѣздъ, идущій на Пештъ. Ровно въ десять часовъ мы отъ границы двинулись дальше въ путь.

Погода была отличная, теплая, вліявшая тѣмъ болѣе на насъ благоприятно, что мы запаслись какой-то сладкой водкой въ изрядномъ количествѣ и хотя утверждали, что пить ее до обѣда не слѣдуетъ, но, на сколько помню,—не оставили и одной бутылки на послѣ.

При подобномъ настроеніи, въ которомъ является воинственность, заносчивость и поэтизмъ, хорошая погода имѣетъ свое вліяніе, теперь именно все это соединялось вмѣстѣ. Когда бушующія страсти улеглись, пришлось сосредоточиться на болѣе серьезномъ раздумьѣ, я невольно обратилъ вниманіе на красоту полей; онѣ въ общемъ видѣ представляли разноцвѣтный коверъ правильно начертанныхъ клѣтокъ, здѣсь видно было, что люди живутъ, трудятся ради благосостоянія и каждый клочекъ земли приносить существенную дань. Тогда какъ у насъ, въ особенности въ Малороссіи, въ этомъ богатомъ уголкѣ Россіи, поля обрабатываются самымъ небрежнымъ приемомъ, пашутъ ихъ, можно сказать, просто ковыряютъ, въ ожиданіи обильныхъ плодовъ по волѣ Божіей. Такая рѣзкость передъ моими глазами произвела пріятное впечатлѣніе; вообще Австрія, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ заставила расположить въ свою пользу, но все таки произвела на меня, врага всего иностраннаго, пріятное впечатлѣніе. Мы приближались

къ большому вокзалу, на которомъ поѣздъ останавливался десять минутъ, здѣсь ожидалъ насъ завтракъ. Мои спутники, спавшіе до сихъ поръ, проснулись, протестуя на донимающій ихъ голодъ.

— Вотъ скоро остановимся, предстоитъ большой буфетъ, радуйтесь! да собирайтесь же, пойдемъ, поѣздъ уже подходитъ къ вокзалу, а то не успѣете закусить. Я васъ дожидаться не стану.

— Идите, идите! мы сами найдемъ дорогу.

Слава Богу, думаю, отдѣлался отъ лишней обузы, пускай ихъ блуждаютъ. Я наскоро закусилъ, выпилъ пива и хотѣлъ уже уходить, какъ въ дверяхъ былъ остановленъ пресмѣшной сценой, происходящей съ русскимъ мужичкомъ и кельнеромъ. Мужичекъ былъ недоволенъ блюдомъ, которое ему подали, совсѣмъ не то, что потребовалъ, и онъ горячо убѣждалъ въ этомъ кельнера на русскомъ нарѣчій, а когда наконецъ, вопреки своему желанію, съѣлъ принесенное и нужно было разсчитаться, то одними пантомимами никакъ не могъ добиться отъ нѣмца сколько именно нужно платить за все; послѣ многихъ усилій понять другъ друга русскій мужичекъ, окончательно потерявшій терпѣніе, выложилъ на столъ свои капиталы, предоставляя лакею получить изъ нихъ сколько слѣдуетъ. Кельнеръ, инстинктивно догадавшись въ чемъ дѣло, распорядился чужой кассой самостоятельно.

— Этакіе моты! русскія деньги, не бось, любятъ, а говорить не умѣютъ. Все нашъ хлѣбъ ѣдятъ колбасники, обратился онъ ко мнѣ.

— Тѣ, которые ѣдятъ нашъ хлѣбъ, говорятъ по русски, а здѣсь мы вовсе не вправѣ претендовать, что насъ не понимаютъ. Все равно, что нѣмецъ, пріѣхавшій въ Россію въ какомъ нибудь русскомъ ресторанѣ заявилъ-бы претензію, что съ нимъ не говорятъ по нѣмецки: какъ вы думаете, стали бы съ нимъ русскіе лакеи говорить по нѣмецки? такъ и здѣсь нельзя требовать отъ нѣмцевъ знанія русскаго языка.

Не скажу, чтобы я самъ зналъ хорошо нѣмецкій языкъ кромѣ

самыхъ необходимыхъ выраженій и потому не берусь быть критикомъ другихъ; я только высказываю упрямство мужичка и смѣшную комедію, повторяющуюся на всякой остановкѣ.

Поѣздъ мчалъ насъ съ необыкновенной скоростью, казалось въ эти нѣсколько часовъ мы проѣхали полъ Австріи; я, погрузившись въ раздумье, сидѣлъ у открытаго окна, любуясь разными новыми картинами, а мои компаніоны, послѣ плотнаго завтрака и сладкой водки, улеглись спать. Меня поразила появившаяся въ окнѣ какая-то голова съ наружной стороны вагона, что думаю за чудо такое, но удивленіе скоро миновало,—это была голова оберъ-кондуктора, переходившаго на ходу изъ одного вагона въ другой. Заграницей они исполняютъ свои обязанности не входя въ вагонъ, какъ у насъ въ Россіи, а для провѣрки билетовъ и вообще по дѣлу къ пассажирамъ являются съ наружной стороны, потому что вагоны не имѣютъ сквозныхъ проходовъ. Теперь кондукторъ отобралъ билеты и предупредилъ, что скоро приѣдемъ въ Гензендорфъ, гдѣ нужно перейти въ другой поѣздъ. Я не могъ добудиться своихъ спутниковъ:

— Ну проснитесь-же наконецъ! отъ васъ билеты требуютъ, не давалъ я имъ покоя.

— Зачѣмъ билеты? развѣ мы уже приѣхали?

— Да, да! не уже, а сейчасъ приѣдемъ!

Намъ казалось, что все это здѣсь дѣлается медленно, какъ и у насъ, что поѣздъ остановится минимумъ на десять минутъ, а другой, съ которымъ поѣдемъ дальше и того долѣе, по крайней мѣрѣ на полчаса, между тѣмъ оказалось, что расчеты не вѣрны. Пока мы разсуждали, поѣздъ пришелъ на станцію и кондукторъ пригласилъ поскорѣй выйти, такъ что мы едва успѣли захватить ручной багажъ; я же, не смотря на свою аккуратность, забылъ всетаки въ вагонѣ пистолетный кобуръ съ кожанымъ поясомъ; хорошо что только кобуръ, а не револьверъ, который за нѣсколько станцій до Гензендорфа я, какъ-бы предугадывая, спря-

талъ въ карманъ своего пальто. Выйдя въ торопяхъ изъ вагона, мы еще не успѣли купить билеты, за которыми отправился русскій мужичекъ, какъ подошелъ другой поѣздъ, идущій на Пешть и кондукторъ крикнулъ: „простойтъ двѣ минуты“, мы съ гвардейцемъ не зѣвали, а собравши всѣ вещи въ кучу, кинули безъ разбора въ вагонъ и сами поскорѣй усѣлись.—Тамъ разберемъ, какой тутъ еще порядокъ соблюдать,—тащите ихъ какъ попало! скомандовалъ гвардеецъ.

— Куда капитанъ нашъ дѣвался? хорошо будетъ, если останется, у него и деньги и билеты!

— А въ самомъ дѣлѣ, его что-то не видно! Вы здѣсь сторожите, а я пойду отыскивать.

— Только поскорѣе! не прозѣвайте поѣздъ.

Я сломя голову кинулся отыскивать русскаго мужичка, котораго нашелъ тутъ-же въ воксалѣ, объясняющагося пантомимами съ продавщицей фруктовъ мадьяркой, совсѣмъ ужъ незнакомой съ русскимъ языкомъ.

— Охота вамъ батюшка здѣсь съ грушами возиться, хотите остаться должно быть, пойдемте поскорѣе!

— Пойдите! мнѣ еще сдачу нужно получить съ этой проклятой бабы; болтаетъ что-то непонятное и сдачу не возвращаетъ, суетъ вотъ всю эту корзину съ грушами, на кой они чертъ мнѣ, скажите пожалуйста!

Я какъ могъ объяснился съ нѣмкой, отъ которой узналъ, что мужичекъ будто требуетъ всѣ груши, между тѣмъ какъ денегъ уже уплаченныхъ, далеко недостаточно; словомъ, эти субъекты другъ друга вовсе не понимали.

— Да ну ее съ грушами! пускай вернетъ только деньги! кипятился мужичекъ.

— Вотъ вамъ, получите! что билеты для насъ вы взяли?

— Давно уже.

— Ахъ, третій звонокъ,—поскорѣе!

Мы оба бросились на перегонку къ своему вагону, въ который, благодаря вѣжливости кондуктора, успѣли вскочить на ходу; нѣмецъ далъ намъ замѣтить, что дѣлаетъ это изъ снисхожденія, мы поняли намекъ и дали ему гульденъ на чай.

Послѣ такой катастрофы, можно сказать печальной, мой спутникъ, русскій мужичекъ, приунылъ.

— Экая страна паршивая! по русски ничего не понимаютъ.

— Не смѣшите насъ ради Бога своими претензіями; было-бы странно, если-бы они знали русскій языкъ, а то что не понимаютъ— не удивительно. Вотъ вамъ бы не мѣшало знать по нѣмецки, мимикой объясняться не совсѣмъ удобно, можно только сдѣлаться хорошимъ комикомъ, что въ нашей роли почти бесполезно.

— Какъ-нибудь отдѣлаемся, экая важность, нашли о чемъ говорить!

— Теперь вотъ вы находите, что не о чемъ говорить, а тогда съ торговой просили-же объяснить, сдачу хотѣлось получить и говорить было о чемъ. Какой вы однако политикъ!

Къ вечеру мы пріѣхали на одинъ изъ большихъ вокзаловъ недалекъ отъ Пешта; насъ здѣсь встрѣтилъ стройный оркестръ чешскихъ музыкантовъ, наигрывающій мазурку.

— Что это, не съ музыкой-ли насъ встрѣчаютъ венгерцы?

— Да еще съ какой, такъ вотъ сами ноги и пляшутъ, пойдемъ къ нимъ поближе, послушаемъ немного.

— Знаете что, господа, заставимъ ихъ сыграть „Боже Царя храни“!

— Отличная мысль, только съумѣютъ-ли они?

— Конечно съумѣютъ, чехи знаютъ отлично русскій гимнъ.

Нельзя сказать, чтобы они исполнили наше требованіе безукоризненно, играли что-то похожее на „Боже Царя храни“, но во всякомъ случаѣ роднымъ русскимъ мотивомъ мы увлеклись, пропустили второй и третій звонокъ, а по окончаніи гимна увидѣли шибко отходящій нашъ поѣздъ. Каково-же было смятеніе и замѣ-

шательство, не зная что дѣлать; одинъ я, вполне довольный исполненіемъ, оставался совершенно хладнокровнымъ.

— Вотъ вамъ и музыка! теперь дѣлай, что хочешь, это все по вашей милости, пойдемъ, да пойдемъ музыку слушать, вотъ вамъ и музыка! можете наслаждаться теперь цѣлыя сутки.

— Да чего вы расходились! какъ будто въ самомъ дѣлѣ случилось что нибудь особенное! Остались — ну что-же дѣлать, за то пріятно время провели; успѣемъ еще уѣхать съ другимъ поѣздомъ, а багажъ не пропадетъ. Если судить строго, то вы больше меня виноваты, не я-же заставилъ играть русскій гимнъ, а вы, я только увлекся, что въ вину ставить нельзя.

— Какимъ вы хладнокровнымъ англичаниномъ разсуждаете, я и безъ васъ знаю, что уѣдемъ, а вещи-то гдѣ отыщемъ?

— Найдемъ въ цѣлости, не безпокойтесь, сей часъ вотъ справимся у начальника станціи объ нихъ.

— Идите, распоряжайтесь какъ знаете! я ни чего здѣсь не понимаю и не знаю.

Меня успокоилъ начальникъ станціи, что все будетъ цѣло, отправилъ телеграмму въ Пенсѣ на счетъ вещей и сообщилъ, что черезъ два часа можемъ уѣхать съ слѣдующимъ поѣздомъ. Если не ошибаюсь, то это происходило въ Одербергѣ, не помню хорошенько.

— Ну, теперь успокойтесь, все уже сдѣлано, черезъ два часа отправимся съ другимъ поѣздомъ. Теперь снова можемъ заняться музыкой.

Въ ожиданіи поѣзда намъ было очень кстати убить время, мои компаньоны принялись даже плясать, чѣмъ привлекли множество зрителей вокругъ себя.—Да вы господа не особенно увлекайтесь танцами, чтобы не повторилась та-же исторія, тогда ужъ придется ожидать до утра, унималъ я ихъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь не прозѣваемъ-съ, дудки-съ!

Вскорѣ поѣздъ подошелъ къ вокзалу, въ который мы заранѣе

успѣлись, хотя остановка была довольно продолжительная, около тридцати минутъ; но это понятно: — обожжешь ротъ горячимъ, дуешь на холодное.

— Мы точно маленькія дѣти, ей Богу, успѣлись чуть-ли не за часъ раньше; пойдемъ пока въ буфетъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно! хорошенькаго по немножку, отправляйтесь если угодно сами, а намъ надоѣло уже наслаждаться музыкой.

— Да вѣдь еще не было второго звонка.

— Ничего не значить, пускай хотя два часа здѣсь простоятъ, я не выйду изъ вагона ни за что, возразилъ мужичекъ.

Этотъ, можно сказать дѣтскій страхъ моихъ спутниковъ по-дѣйствовалъ отчасти и на меня, я тоже вооружился терпѣніемъ и рѣшилъ не выходить изъ вагона. Наконецъ второй звонокъ, а послѣ третій ободрилъ насъ нѣсколько, — еще свистокъ локомотива и мы ѣдемъ.

— Вотъ теперь ужъ не останемся навѣрное, увѣрялъ гвардеецъ.

— Кто знаетъ! можетъ быть еще на какомъ нибудь воксалѣ музыкантовъ встрѣтимъ.

— Нѣтъ ужъ теперь дудки-съ, не соблазнимся музыкой, какой бы ни былъ тамъ оркестръ хорошій, Слава Богу, что въ поѣздъ попали.

Намъ говорили, что въ Пештъ обращаютъ особенно строгое вниманіе на русскихъ и даже придираются, что на дѣлѣ далеко не оправдалось.

По прибытіи въ Пештъ около полуночи, нашъ багажъ даже не раскрывали, а такъ только поверхностно осмотрѣли, на оружіе, какъ и на границѣ, не обратили вниманія, чему мы были очень рады.

Масса носильщиковъ насъ окружила, предлагая свои услуги. Здѣсь уже главное начальство принялъ я, какъ безукоризненно знающій нѣсколько нѣмецкихъ фразъ, спутники оставались при

вещахъ. Замѣчательно, что нельзя было найти одноконнаго извозчика, все однѣ кареты и коляски. Нечего, думаю, дѣлать, хотя и не по карману, а нужно взять карету.

— Ну пойдемъ господа, я уже взялъ извозчика.

— Въ какую-же гостиницу отправимся?

— Въ первую попавшуюся, хотя-бы въ гостиницу Парижъ.

— Развѣ вы въ ней когда нибудь останавливались?

— Не останавливался, потому что въ первый разъ въ Пештѣ, но знаю объ ея существованіи.

— Распоряжайтесь, какъ знаете, это ваше дѣло, мнѣ-бы поскорѣ добраться до постели отдохнуть.

Я приказалъ извознику ѣхать въ гостиницу Парижъ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ по незнакомымъ намъ улицамъ, весьма чистымъ и красивымъ, мы остановились у подъѣзда громаднаго зданія—гостиницы Парижъ.

— Какъ здѣсь близко отъ воксала! напрасно мы взяли извозчика, могли-бы и пѣшкомъ дойти, зачѣмъ бросать лишнія деньги, упрекалъ меня русскій мужичекъ.

— То, что мы могли-бы сдѣлать, теперь не къ чему высказывать, когда уже пріѣхали; выльзайте-ка поскорѣ, васъ ожидаютъ другіе, торопилъ я его.

Я думалъ, что за такое маленькое разстояніе совершенно достаточно заплатить одинъ гульденъ, который и вручилъ извозчику, но къ общему удивленію онъ не только не удовольствовался имъ, но настойчиво требовалъ другой. Я просто взбѣсился такимъ нахальствомъ, подозвалъ швейцара въ судьи, но и тотъ утверждалъ, что слѣдуетъ два. Какова дешевизна заграничная, за пять минутъ ѣзды, рубль тридцать копѣекъ на русскія деньги.... Ругаясь, я заплатилъ таки два гульдена. Намъ дали громадный номеръ во второмъ этажѣ, окнами на улицу съ тремя кроватями, за три гульдена,—ну—это положимъ дешево.

— Послушайте компаніоны, обратился я къ своимъ. Вы пре-

доставили мнѣ первенствующую роль, которой пользуясь предлагаю на общій счетъ выпить венгерскаго, здѣсь оно дешево и хорошо.

— Пожалуйста распорядитесь, мы не откажемся, да кстати спросите у кельнера, когда отходить пароходъ, чтобы намъ задаромъ не проживаться.

— Въ семь часовъ завтра утромъ, мнѣ сказали.

— Вотъ это хорошо, завтра-же и уѣдемъ.

— Не пойдёмъ-ли погулять, обозрѣть городъ, хотя не много, предложили гвардеецъ.

— Сначала отвѣдаемъ венгерскаго, а послѣ рѣшимъ — пойдёмъ-ли.

Въ скоромъ времени появился кельнеръ съ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ стаканами и бутылками вина. Мы старательно разлили вино и, вспоминая дорожныя приключенія, разныя смѣшныя случайности, незамѣтно уничтожили нѣсколько бутылокъ. Русскій мужичекъ, изнуренный походами и изряднымъ количествомъ вина, отказался участвовать въ нашей прогулкѣ.

— Я лучше пораньше лягу спать, а вы отправляйтесь безъ меня, да притомъ мною овладѣла ужасная усталость.

— Какая тамъ усталось, вы пьяны милѣйшій!

— Думайте, какъ знаете, мнѣ безразлично, я всетаки не пойду шляться.

— Нечего тутъ думать, когда вы пьяны не на шутку, развѣ не правда, сами сознайтесь?

— Правда, правда, отстаньте.

Мы съ гвардейцемъ, болѣе трезвые, допили венгерское и отравились на свѣжій воздухъ.

Зная хорошо Россію, въ которой весьма много красивыхъ и благоустроенныхъ городовъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ Одесса, — не похожи даже на русскіе, я имѣлъ понятіе, что такое чистый, красивый городъ, но Пештъ показался мнѣ гораздо выше всего того, о чемъ до сихъ поръ имѣлъ

понятіе; онъ хотя небольшой, но до того изящный городокъ, что нужно было любоваться каждой мелочью; отличныя, большею частію мраморныя мостовыя, широки, ровны, улицы и тротуары обсажены деревьями, на подобіе парижскихъ бульваровъ, дома новѣйшей архитектуры и внутри города порядокъ чрезвычайный; все это намъ очень понравилось. По дорогѣ мы зашли въ кондитерскую, въ которой, просматривая журналы, въ одномъ французскомъ въ видѣ карикатуры замѣтили нарисованнаго въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ нашего посла въ Турціи, сидящаго верхомъ на изнуренномъ турецкомъ Султанѣ. Такой рисунокъ, хотя и не особенно остроумный, но во всякомъ случаѣ польстилъ нашему самолюбію, въ особенности во время первенствующей роли Россіи въ Европейскихъ событіяхъ. Отсюда мы пошли къ себѣ въ гостиницу, гвардеецъ усталъ и не интересовался уже ничѣмъ, кромѣ сна.

— Пойдемте, завтра нужно рано вставать, а теперь уже второй часть ночи. Настаиваль онъ не умолимый.

— Все равно, выспаться не придется, осталось всего пять часовъ еще, лучше погуляемъ, такая ночь прелестная.

— Ну, какъ вамъ угодно! гуляйте хоть до разсвѣта, а я пойду спать.

— Да что мнѣ одному дѣлать, не хотите составить компанію—я одинъ не останусь!

— Не не хочу, а не могу, у меня ноги уже отнялись.

Наше предположеніе поскорѣ лечь спать не увѣчалось успѣхомъ; видно ужъ такая доля путешествія, куда не повернись—всюду приключенія.—Теперь вотъ какое:—нашъ русскій мужичекъ—такой воинственный рыцарь, спѣшившій на театръ военныхъ дѣйствій, изъ принципа-ли или изъ боязни заперся въ номерѣ и уснулъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ.

Что дѣлать, думаемъ? вся гостиница уже спитъ, никого не дозовешься, одно остается, стучать въ дверь пока не проснется. При-

нялись мы стучать сначала тихо, а послѣ увлеклись и изо всей силы колотили кулаками въ дверь; казалось, что если не проснется мужичекъ, то замокъ сломается отъ напора; но ничего подобнаго не случилось, кулаки наши устали въ такомъ упражненіи, нужно было рѣшить общимъ совѣтомъ дальнѣйшій планъ дѣйствій.

— Въ свою-ли дверь мы стучимся, вы замѣтили нашъ номеръ?

— Къ несчастью нѣтъ.

— Тогда пожалуй стучимъ въ пустую комнату! если-бы въ ней кто нибудь былъ, то давно-бы до сихъ поръ проснулся. — Попробуемъ въ тотъ, другой номеръ! немедля мы возобновили усиленную атаку въ сосѣдную дверь.

Здѣсь къ нашему несчастью проснулись гораздо скорѣе, изъ бомбардируемой нами комнаты выбѣжала молодая дама въ одномъ бѣлѣ съ криками на незнакомомъ намъ, кажется англійскомъ языкѣ, вопрошая помощи прислуги спасти ее отъ непрошенныхъ джентельменовъ. Явились швейцары, лакеи, горничныя отъ пронзительнаго крика этой дамы, вся гостиница поднялась на ноги.

— Вотъ-то нажили бѣду изъ за этого оригинала, чертъ-бы его взялъ! Вздумалъ запирается въ номерѣ! теперь вотъ поиди, разубѣждай какъ хочешь эту сумашедшую, горячился гвардеецъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній швейцара, который объяснилъ ей причину всего, она пришла въ себя и замѣтивъ такое множество присутствующихъ съ любопытствомъ глядѣвшихъ на ее незатѣйливый туалетъ, заключающійся въ одной только батистовой рубашкѣ, сквозь которую довольно прозрачно обрисовывались ея красивыя формы, съ такимъ-же визгомъ кинулась бѣжать въ свою комнату. — Гвардеецъ, видимо прельщенный хорошенькой дамой, не сожалѣлъ случая и пересталъ ворчать.

— Вотъ прелестное созданіе! такъ-бы и кинулся на шею.

— Да вы батюшка я вижу совѣтъ забыли, на счетъ нашего неопредѣленнаго ночлега, я вовсе не согласенъ довольствоваться вос-

поминаніемъ объ этой красавицѣ, мнѣ знаете кажется, что нашъ номеръ именно тотъ, въ который мы прежде стучали.

— По моему самое лучшее позвать швейцара, у него вѣрно найдется ключъ къ этому номеру. Ахъ, какая хорошенькая, забыть ее не могу.

— Ахъ какъ вы мнѣ надоѣли съ вашей хорошенькой, — вы точно юноша пятнадцати лѣтъ.

Я послушался совѣта гвардейца, позвалъ швейцара, который перепробовалъ цѣлую связку старыхъ ключей и отперъ нашу комнату.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то мы отдохнемъ немного. Смотрите какимъ султаномъ раскинулся нашъ компаніонъ, завидоваль гвардеецъ. Мнѣ знаете, просто невѣрится, чтобы онъ не слыхаль нашего стука.

— Это мы вотъ завтра узнаемъ, теперь не будемъ его тревожить.

— Я просто его выругаю за такую шутку, иначе трудно назвать подобную выходку! вѣдь онъ же зналъ, что мы вернемся, зачѣмъ-же запирается, спрашивается?

Гвардеецъ былъ до крайности возмущенъ мужичкомъ, да и я не меньше, провозившись больше часу въ корридорѣ. — Утромъ меня разбудилъ громкій разговоръ моихъ компаніоновъ, довольно рѣзкаго содержанія:

— Вы вовсе не кстати вздумали продѣлывать неумѣстныя шутки, мы, по вашей милости, должны были два часа возиться съ дверью, разбудить сосѣдей, созвать всю гостиницу, пока наконецъ подобрали ключъ! Номеръ принадлежитъ намъ всѣмъ поровну, слѣдовательно вы вовсе не имѣли права распоряжаться самостоятельно, горячился гвардеецъ.

— Я и не распоряжался! а если заперъ дверь, то потому, что имѣю привычку всегда запираеть на ночь.

— Вотъ видите-ли, вы имѣете привычку запирается на ночь, почему же думаете, что мы привыкли ночевать на корридорѣ!

потому, боль скоро вы заперли дверь нашего номера, зная что не проснетесь, то значить предоставили намъ расположиться гдѣ угодно, хотя бы даже въ корридорѣ, а это вовсе въ нашу привычку не входить, продолжалъ гвардеецъ.

— Вы, какъ я вижу, начинаете придирааться, а я здѣсь не нахожу ничего особеннаго, ну что-же дѣлать, случилось недоразумѣніе, назадъ не вернешь.

— Вотъ, вы называете недоразумѣніемъ подобный случай, а я вовсе его здѣсь не вижу; помилуйте, какое тамъ недоразумѣніе, что два товарища отправились гулять, а третій сожитель по номеру зная, что они скоро вернутся, заперся на ключъ и не отворяетъ, заставляя тѣхъ другихъ, такихъ-же хозяевъ, ночевать, гдѣ угодно; это вовсе на недоразумѣніе не похоже, скорѣе на неумѣстныя шутки съ вашей стороны.

Было ясно, что споръ не скоро кончится, а главное споръ совершенно бесполезный, между тѣмъ время уже собираться въ путь. Нужно, думаю, образумить этихъ господъ.

— Да перестаньте вы спорить, чертъ знаетъ о чемъ! Вы, капитанъ, во всякомъ случаѣ кругомъ виноваты и не хотите сознаться, вѣдь это одно упорство и притомъ ни къ чему не ведущее!

— Положимъ, виновать, но зачѣмъ-же придирается и говорить, что я поступилъ умышленно.

— Представьте и я отчасти того-же мнѣнія. Воля ваша, а случайно такія вещи не бываютъ. Вы-же знали, что мы вернемся, знали то-же, что спите очень крѣпко и заперли комнату, значить умышленно, иначе понимать нельзя. Но не въ томъ дѣло, оставимъ эти споры, уже четверть седьмого, пора укладываться, а то опоздаемъ на пароходъ.—Мой совѣтъ убѣдилъ противниковъ оставить споръ; мы свели счеты съ гостиницей и отправились на пристань. Тамъ купили билеты перваго класса до Бѣлграда и ровно въ семь часовъ покинули живописныя высоты береговъ Дуная, на которыхъ по обѣ стороны расположенъ хорошенькій Пештъ.

Теперь ужь близко.

Составивъ мнѣніе, что за границую должно быть лучше, сравнительно съ нашимъ, и убѣдясь на дѣлѣ первыми картинами полей, я ожидалъ на пароходѣ въ первомъ классѣ встрѣтить несравненно лучший комфортъ, чѣмъ на русскомъ, но ошибся довольно грубо. На нашемъ пароходѣ, принадлежащемъ австрійской компаніи, все устройство и обстановка были черезъ-чуръ грязны, буфетъ крайне скудный, кушанья безвкусны, за которыя приходилось платить вовсе не дешево, пиво, этотъ спеціальный нѣмецкій напитокъ въ родѣ воды и воды мутной, непріятной, словомъ ничего похожего на наши русскіе пароходы. У насъ билетъ перваго и втораго класса гарантируетъ пассажиру даровой чай, завтракъ и хорошій обѣдъ бесплатно, тогда какъ на нѣмецкомъ ничего подобнаго не существуетъ. Общество, бывающее всегда на русскомъ пароходѣ въ первомъ классѣ—самое изящное, на нѣмецкомъ-же отличалось пестротой и невѣжествомъ; такъ что кое-какъ проспавши ночь въ отвратительной и грязной каютѣ, утромъ на другой день мы были очень довольны, приближаясь къ Землину, пограничному австрійскому городу, отстоящему отъ Бѣлграда всего на десять минутъ. Это былъ пятый день нашего путешествія.

Пароходъ причалилъ къ пристани и къ моему удивленію пассажиры сходили на берегъ.

— У насъ вѣдь билеты до Бѣлграда, зачѣмъ-же здѣсь останавливаться? спросилъ я у гвардейца.

— Землянь вѣдь пограничный городъ, здѣсь осматриваютъ вещи и паспорта.

— Намъ пожалуй плохо придется съ оружіемъ въ рукахъ, чего добраго, нѣмцы арестуютъ, безпокоился мужичекъ.

— Что-жь дѣлать, если арестуютъ, то не казнить-же будутъ, все что могутъ сдѣлать—это отобрать наши доспѣхи.

Мы сошли на пристань, передали австрійскому офицеру свои паспорта, а сами отправились къ будкѣ, гдѣ осматривали чиновники вещи; тутъ-же дожидался маленькій пароходъ, для перевозки пассажировъ въ Бѣлградъ. Осмотръ вещамъ былъ такой-же снисходительный, какъ и въ Пештѣ, австрійцы видно свыклись съ этимъ гражданскимъ войскомъ, которое придирами остановить было трудно.

— Просто милые люди эти австрійцы, полны снисхожденія къ волонтерамъ! радовался все тотъ-же мужичекъ.

— Пойдите, еще не все! Видите у калитки стоятъ жандармы, тѣ навѣрное съ оружіемъ на пароходъ не пропустятъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, я и не замѣтилъ!

Получивъ свои паспорта, мы, навьюченные багажемъ, въ общей массѣ пассажировъ прошли безпрепятственно мимо жандармовъ, которые насъ даже не остановили.

Слава Богу! мы наконецъ на сербскомъ пароходѣ, у самой цѣли, дышать какъ-то легче. Смотримъ на виднѣющійся скромный городокъ, тотъ самый, въ которомъ теперь происходитъ рядъ событий, поглощающихъ вниманіе всей Европы; наконецъ-то, послѣ столькихъ затрудненій, волненій и непріятностей достигаемъ цѣли, и кто знаетъ, можетъ быть еще нѣсколько дней — и мы сойдемъ въ могилу, закончивъ на полѣ сраженія богатую приключеніями жизнь. Такъ я думалъ, приближаясь къ Бѣлграду, ожидая встрѣтить оживленіе, множество русскихъ и радушныхъ, ожидающихъ помощи сербовъ, но не всему суждено было осуществиться. Пароходъ спустя какіе-нибудь десять минутъ поравнялся съ крѣпостью; отсюда виденъ былъ почти цѣлый городъ, на нѣкоторыхъ домахъ развѣвались флаги краснаго креста, обозначавшіе военныя больницы, какъ-то тяжело вліявшія на мое настроеніе; на нашемъ пароходѣ

вскорѣ раздался свистокъ и медленно, уменьшая ходъ, приблизились мы къ пристани и сошли уже на сербскую территорию.

Здѣсь меня поразила общая тишина, свидѣтельствующая, какъ-бы отсутствіе жителей въ городѣ, казалось, что всѣ они ушли на войну, что долгъ патріотизма призвалъ ихъ къ знаменамъ. О, слава Богу, подумалъ я, теперь и намъ доступно помочь бѣднымъ сербамъ въ роковую минуту, теперь мы самостоятельны, можемъ гордиться, что помогаемъ тогда, когда эта помощь необходима, когда всѣ матеріальные расчеты въ сторонѣ, а играетъ роль одинъ нравственный долгъ, когда мы идемъ по доброй своей волѣ и убѣжденію. Такъ думалось, и чувствовалось легко, отрадно, хорошо и вмѣстѣ грустно. А въ дали, какъ будто выжидала общая могила, въ которую придется сложить свою голову за общее святое дѣло. Все это потрясало душу, заставляло страдать и въ то-же время радоваться, а главное, сильно, глубоко чувствовать.

Извозчиковъ не было ни одного, носильщики разобрали нашъ багажъ и повели въ какую-то гостиницу подъ названіемъ „Старое зданіе“. Жара была невыносимая, къ тому-же приходилось взбираться по крутой каменной лѣстницѣ, устроенной отъ пристани въ городъ.

— Ахъ какъ я усталъ, просто идти не могу, гдѣ еще эта гостиница? заботился мужичекъ.

— Хорошій городъ, — нѣтъ ни одного извозчика, ропталъ гвардеецъ.

Къ намъ подошелъ статскій господинъ съ краснымъ крестомъ въ петлицѣ и обратился съ вопросомъ на сербскомъ языкѣ.

— Вы руссы?

— Да, русскіе, къ вамъ вотъ пріѣхали!

— А-а-а! хвала, хвала!

Этотъ дѣятель, узнавъ кто мы такіе, кивнулъ головою и отошелъ въ сторону, какъ будто исполнилъ уже свою обязанность.

— Однако немного предупредительности, не могъ проводить

даже до гостиницы; если онъ членъ краснаго креста и къ тому еще сербъ, встрѣчающій русскихъ на пристани, то для того вѣроятно, чтобы имъ въ чемъ нибудь помочь, указать удобную гостиницу, разъяснить, а не освѣдомляться только, кто мы такіе! обидчиво говорилъ русскій мужичекъ.

— Какой-же вамъ еще предупредительности надо? довольно и этого.

— Ну, да оставьте, вы вѣчно съ шутками! я усталъ, способенъ просто поругаться.

— Вотъ ужъ этому не повѣрю; когда вы съ нѣмцами не ругались, то изъ за чего-же со мной-то будете, пристава къ нему гвардеецъ.

— Скорѣй-бы до гостиницы добраться, чертъ знаетъ, что за мостовая—того и смотри, что ногу свернешь!

— Ну вотъ вы уже двумя обстоятельствами недовольны, сербомъ и мостовой, такъ пожалуй скоро разочаруетесь и въ самомъ вопросѣ! Здѣсь вѣдь комфорта мало, не унимался гвардеецъ.

Кое-какъ мы добрались до гостиницы, въ которой оказался только одинъ номеръ на мою долю, компаніонамъ предстояло дальнѣйшее путешествіе по другимъ гостиницамъ отыскивать помѣщеніе, чему они не особенно охотно и не сейчасъ-же послѣдовали, а я съ поспѣшностью расположился въ уютной и прохладной комнатѣ. Жаль, думаю, что не двѣ кровати, можно-бы пригласить одного изъ нихъ расположиться.

Я замолчу объ моихъ компаніонахъ за исключеніемъ русскаго мужичка, объ немъ придется еще говорить, имѣющемъ кое-что общее съ дальнѣйшимъ моимъ пребываніемъ въ Бѣлградѣ. Теперь я серьезно занятъ всемъ новымъ, еще невиданнымъ и читателей попрошу считать, эту часть путевыхъ замѣтокъ отъ Петербурга до Бѣлграда — законченною.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪВЕДЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Первые шаги.

Не смотря на усталость въ дорогѣ, я не усидѣлъ долго въ номерѣ, поскорѣе переодѣлся и отправился знакомиться съ городомъ, а кстати и поискать русскихъ.

Здѣсь на первомъ шагѣ явились доказательства, опровергающія все то, о чемъ я по слухамъ составилъ мнѣніе до пріѣзда. На пристани меня поразила мертвая тишина, какъ будто никого изъ жителей нѣтъ въ городѣ, между тѣмъ теперь такое заключеніе оказалось невѣрнымъ. Ни на комъ изъ мѣстныхъ гражданъ не замѣчалось сознаніе критическаго положенія страны, всѣ они казались спокойными и беззаботными; молодого поколѣнія и людей средних лѣтъ, способныхъ носить оружіе встрѣчалось очень много; дряхлые старики попадались исключительно, видна была масса людей, непризванныхъ къ той самой защитѣ свободы и вѣры, которую русскіе пріѣхали спасать. Такое явленіе казалось мнѣ непонятнымъ, въ особенности припомнивъ статьи одной изъ газетъ, пропитанныя участіемъ и состраданіемъ къ погибающимъ братьямъ сербамъ, гдѣ доказывалось окончательное истощеніе княжества во всѣхъ отношеніяхъ. Газета эта убѣждала, что по ея свѣдѣніямъ остались дома лишь одни больные и старики. Что-жъ это, думаю? распро-

страненныя вѣсти въ Россіи однимъ изъ популярныхъ органовъ — ложь ни на чемъ не основанная — или умышленный маневръ, что-ли?

Подъ такимъ недоумѣвающимъ впечатлѣніемъ я зашелъ въ первую попавшуюся кофейню, предполагая встрѣтить кого-нибудь изъ русскихъ. Тутъ я ихъ встрѣтилъ такое множество, что обойдя сгруппированныя нѣсколько гостиницъ, убѣдился въ массѣ добровольцевъ, проживающихъ безъ опредѣленной цѣли въ Бѣлградѣ. Сводя съ ними знакомство съ цѣлю узнать положеніе дѣлъ, приходилось выводить самыя разнообразныя заключенія обо всемъ. Теперь оправдывалось еще болѣе то мнѣніе, что эти волонтеры и офицеры далеки славянской идеи, что воинственный духъ хотя и существуетъ, по присущей храбрости русскаго человѣка, но не изъ за идеи, играющей здѣсь весьма отвлеченную роль, по почину самыхъ-же сербовъ, крайне не сочувствующихъ войнѣ, и наконецъ приходилось убѣждаться, что общее неудовольствіе русскихъ относительно сербскихъ войскъ и штаба генерала Черняева имѣетъ свое основаніе, каждый ропщетъ на комитетъ, на штабъ, на самого Черняева, на сербовъ, — да это, ей Богу, трудно понять, — имѣетъ же хотя изъ десяти одинъ серьезныя причины, не всѣ-же врутъ голословно, есть люди и порядочные. Тутъ были офицеры, выздоравливающіе отъ ранъ, жаловавшіеся на несправедливость въ распредѣленіи наградъ, были вернувшіеся изъ Делиграда послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія на позиціи, критикующіе начальство, не оцѣнившее ихъ способностей, были и такіе, которые по отзывамъ другихъ, высланы изъ арміи по распоряженію Главнокомандующаго за дурное поведеніе, были нѣкоторые изъ офицеровъ, пріѣхавшіе въ отпускъ, состоящіе при штабѣ, увѣшанные крестами Такова и медалями „за храбрость“, доказывающія, что сраженіе, въ которомъ получили они эти награды, своими ужасами превосходило Севастопольское; здѣсь были наконецъ и такіе, которые оставивъ въ Россіи службу, положеніе и все дорогое, пріѣхали сюда, сражались, разочаровались, а теперь съ грошами, изувѣченные, воз-

вращаются обратно. На этихъ людей жалъ было глядѣть, да и на самомъ дѣлѣ они несчастны.

Мнѣ, молчаливому зрителю, слушающему всевозможныя высказыванія пришлось прийти къ заключенію, что убѣдиться во всемъ слѣдуетъ самому, испытать на себѣ и тогда только позволить высказать свое мнѣніе, основанное на истинѣ и въ самомъ дѣлѣ— нельзя-же судить по пристрастнымъ взглядамъ людей, заинтересованныхъ преслѣдуемой цѣлью. Они могутъ-же ошибаться. Каждый человѣкъ, обиженный или угнетенный, относится къ виновникамъ его горя гораздо строже, чѣмъ нейтральная личность, не ищущая теперь ни ордена, ни чина, ни военной славы, такая личность судить безпристрастно, опредѣляя факты болѣе вѣрно.

Я счелъ безынтереснымъ долѣе оставаться посреди прерѣкающей компаніи и отправился въ гостиницу „србска круна“, тамъ, по слухамъ, собирались преимущественно пріѣзжіе волонтеры, болѣе достаточные, еще не испытавшіе ничего, новенькіе, отправляющіеся въ армію.

Прихожу и вижу, сидитъ множество офицеровъ вокругъ стола и горячо спорять:

— Помилуйте, что это такое! на-смѣхъ, что-ли даютъ награды, напримѣръ хотя-бы Пушкину дали Такова за сожженіе моста, какого-же? того, который турки двумя днями раньше сами сожгли? Онъ, говорятъ, самъ увѣрялъ всѣхъ въ штабѣ, что сжегъ этотъ мостъ! При такой справедливости совѣстно носить орденъ, полученный дѣйствительно за дѣло!

— Самое лучшее не носить, отвѣчалъ пожилой офицеръ.

Ну ужъ здѣсь я окончательно былъ озадаченъ, слушая такой рассказъ, не вѣрилось собственнымъ ушамъ; вѣдь въ той-же газетѣ говорилось, что „Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ съ семнадцатью черногорцами подъ градомъ непріятельскихъ пуль сжегъ понтонный мостъ чрезъ Мораву и подъ нимъ убита только лошадь“. Упрекая Пушкина въ созданіи передъ начальствомъ небывалаго факта,

нужно взвести не меньшее обвинение на того, кто ему повѣрилъ голословно и наградилъ орденомъ за геройство. Цѣнители, опредѣляя невѣрно человѣка или предметъ, бываютъ главными виновниками своихъ ошибокъ, а не кто другой. Меня манило поскорѣе уѣхать въ армію. Здѣсь все невѣрно, искажено, туда поскорѣе, тамъ истина, жизнь и все настоящее.

Въ Бѣлградѣ я думалъ, что увижу русскихъ и сербовъ вмѣстѣ, дѣлящими все хорошее и дурное поровну, словомъ ожидалъ встрѣтить единство, но ожидалъ напрасно. Сербы держали себя въ сторонѣ, русскіе выдѣлялись, казались какъ будто у себя дома, между тѣмъ какъ хозяева въ недоумѣніи посматривали на непрощенныхъ гостей. Большинство, кого я встрѣтилъ изъ русскихъ въ день своего пріѣзда, произвели самое тяжелое впечатлѣніе. Эти люди, за исключеніемъ весьма немногихъ, не внушали къ себѣ никакого уваженія, а напротивъ, полное состраданіе и сдержанность знакомиться съ ними, тѣмъ болѣе это было необходимо, что большинство изъ нихъ, подъ пріятнымъ вліяніемъ бахуса, казались мало интересными. Вотъ добровольцы, настоящее нашествіе!

Зачѣмъ бы, казалось, въ такую критическую минуту арміи, до крайности нуждающейся въ офицерахъ, такой массѣ русскихъ добровольцевъ сидѣть въ Бѣлградѣ?

Въ теченіи цѣлаго дня и вечера мало приходилось сталкиваться съ порядочными людьми; много русскихъ, много всякихъ офицеровъ, даже больше чѣмъ нужно на самомъ дѣлѣ, но мало людей дѣльныхъ, порядочныхъ, которыхъ здѣсь именно недостаетъ; все народъ потерянный безвозвратно. Все это бредетъ по городу, жалуются на свое положеніе, какъ будто обмануты, не принося собою никакой пользы общему дѣлу. Зачѣмъ комитеты наслали сюда этихъ господъ? Встрѣчались, правда, люди порядочные, заслуживающіе полного уваженія, сознающіе зачѣмъ пріѣхали, съ характеромъ и самоотверженіемъ, но они были такъ малочисленны, что

общій наплывъ сброда затмѣвалъ хорошее и вспомнивъ пословицу, „что золото видно и въ золѣ“, оставалось лишь приглядываться къ нему, гдѣ оно видно.

Утомившись тяжелыми впечатленіями, я отправился въ свою гостиницу „Старое зданіе“. Здѣсь въ буфетѣ пировало нѣсколько русскихъ офицеровъ, судя по разговору только что вернувшихся изъ арміи. Они спорили на счетъ содержанія.

— Вотъ хотя-бы я, за все время въ Делиградѣ, почти два съ половиной мѣсяца, получилъ всего семь дукатовъ! и то почти случайно—Черняева поймалъ на позиціи, а такъ не добьешься никакого толку. Всѣ эти штабные артисты свой карманъ только и знаютъ.

— Все таки ты что нибудь да получилъ, а я такъ за три мѣсяца ни гроша—куда не придешь,—всюду гонять, того и смотри, что подъ арестъ попадешь; я плюнулъ на все, чертъ васъ, думаю, мазурики, возьми съ вашимъ жалованьемъ. Просто непонятно, почему все это здѣсь творится—ни какого порядку, всеобщій произволъ, что ни дѣлай, ни суда, ни слѣдствія, потѣха да и только, ей Богу!

— Да ужь не говори, увидимъ чѣмъ все это кончится.

Тутъ же за другимъ столомъ ужиналъ съ большимъ аппетитомъ какой то офицеръ, непохожій на русскаго. Содержатель буфета польскій эмигрантъ, подошелъ ко мнѣ и освѣдомившись, что я понимаю его языкъ, со охотой со мною разговаривалъ.

— Вы недавно должно быть пріѣхали? спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Да, только сегодня утромъ, а почему вы думаете, что недавно?

— Да такъ мнѣ кажется, здѣсь статскихъ очень мало, одни корреспонденты, я ихъ всѣхъ знаю, а остальные русскіе вообще волонтеры, ходятъ въ военной формѣ, такъ что если видишь но-

ваго статскаго, то навѣрно недавно пріѣхалъ.—не успѣлъ обмундироваться.

— Ну что, вамъ хорошо теперь живется, много торгуете?

— Какое тамъ много! торговля очень плохая, изъ десяти господъ, дай Богъ съ пятерыхъ получить деньги!

— Зачѣмъ-же вы вѣрите? сами виноваты!

— Трудно не вѣрить! придетъ, требуетъ, не спрашивать же впередъ деньги, а потомъ— „за мною“, говоритъ, „будетъ“; по неволѣ вѣришь. Станешь спрашивать съ него—сейчасъ скандалъ, того и смотри, что вмѣсто денегъ, оплеуху получить.

— Послушайте, да вы просто наивно разсуждаете! послѣ того какимъ же образомъ торговать-то можно при такихъ условіяхъ? на какія средства?

— Пока еще держусь иностранцами, а то давно-бы не хватило, что скопиль прежде, то все уже ушло.

— Наконецъ есть же у васъ въ Бѣлградѣ какіе нибудь суды, власти, куда можно жаловаться на такіе безцеремонные расчеты.

— Да есть и суды и власти, только не для русскихъ! ихъ никто не трогаетъ, дѣлають, что хотятъ! Сербы отъ своего сторонятся и ни за что никто изъ нихъ не войдетъ въ разбирательство подобной исторіи, просто боятся русскихъ, „пускай ихъ, говорятъ, творять что угодно“.

— Хорошо, что вы меня предупредили, я то-же воспользуюсь льготнымъ правомъ, не платить за буфетомъ.

— Нѣтъ! вы не захотите меня обидѣть, я это знаю.

Въ этихъ немногихъ словахъ хозяина, видна была неподдѣльная искренность, мнѣ отъ души сдѣлалось его жалко, беззащитнаго благодѣтеля. „Вотъ добровольцы отличаются, будутъ помнить ихъ, не забудутъ“.

— А много вамъ должны русскіе? спросилъ я снова.

— Если угодно покажу записную книгу.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! такъ развѣ не помните?

— Дукаатовъ четыреста, а то и больше пожалуй! для меня это цѣлый капиталъ. Да вотъ этотъ пруссакъ, который у того стола ужинаетъ, онъ одинъ долженъ мнѣ болѣе семисотъ франковъ, кромѣ русскихъ.

— Все таки вы сами виноваты, зачѣмъ такъ много вѣрите. Онъ развѣ человѣкъ со средствами?

— Какой тамъ чертъ со средствами! шарлатанъ, выгнанный изъ прусской арміи; пріѣхалъ сюда составлять на свой счетъ цѣлый отрядъ! Сначала такого задалъ шику, а какъ пришлось до дѣла, то шишъ оказался въ карманѣ; теперь ужъ говорить, что не желаетъ на свой счетъ, требуетъ деньги отъ министерства, а мнѣ вотъ задолжалъ подъ горячую руку и не платитъ, — дѣлай, что хочешь.

— Вы-бы съ него потребовали въ присутствіи публики, все таки совѣстнѣе будетъ отказать.

— Новость какую вы сказали! видно, что недавно пріѣхали. Будетъ ему совѣстно отказывать въ деньгахъ, когда не совѣстно при всѣхъ получать пощечины. Онъ за полъ часа до вашего прихода получилъ оплеуху отъ этихъ русскихъ офицеровъ, которые тамъ трое сидятъ, однако, какъ видите, закусываетъ преспокойно!

— Да не можетъ-же быть! неужели это правда?

— Я видѣлъ собственными глазами, кажется, ошибиться не могъ, — спросите сами у офицеровъ, если не вѣрите.

Меня занялъ подобный фактъ — я подошелъ къ офицерамъ, представился имъ и сѣлъ за общій столъ.

— Скажите господа, правда-ли, что этотъ иностранецъ получилъ отъ кого-то изъ васъ только-что пощечину? мнѣ передалъ буфетчикъ.

— Какой иностранецъ?

— Тотъ вонъ — прусскій, что-ли офицеръ?

— Ахъ тотъ-то, да, правда.

— За что-же вы его разодолжили?

— Видите-ли, мы спорили на счетъ сербской войны, онъ доказывалъ, что здѣсь нѣтъ способныхъ русскихъ офицеровъ, что только они, иностранцы, приносятъ пользу. Я ему высказалъ, что такъ какъ русскихъ въ Сербіи много, то дѣльные люди незамѣтны между общимъ наплывомъ, но что они все-таки есть. Ну такъ-бы и кончился споръ мирно, если-бы этотъ колбасникъ не вывелъ меня изъ терпѣнія,—всѣ русскіе, говорить, негодяи. Что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? сами посудите! Но главное знаете, то—что этотъ рыцарь, послѣ громкой пощечины, преспокойно сыгралъ въ молчанку, какъ будто не ему и досталась. Я просто былъ изумленъ такимъ хладнокровіемъ. Положимъ, онъ отчасти правъ, что наши тутъ народъ теплый, знаютъ свое дѣло, но не всѣ-же, есть люди и весьма порядочные.

Да, посмотрѣлъ я сегодня за цѣлый день на этихъ господъ, къ вечеру просто тошно стало, какъ будто годъ пробылъ въ Бѣлградѣ. — А вы побывали уже въ Делиградѣ? спросилъ я офицера.

— Имѣлъ удовольствіе отвѣдать эту чашу, на память и руку тамъ оставилъ, слава Богу, что лѣвую, по крайней мѣрѣ есть чѣмъ защищаться въ случаѣ надобности.

— Ъдете должно быть въ Россію, или здѣсь пока останетесь?

— Да сохрани меня Богъ тутъ оставаться! довольно испытаній за идею! нужно подумать чѣмъ кормить себя въ будущемъ, отъ славянскаго немного вѣдь получишь.

Да, голубчикъ, жаль твоей руки и мнѣ. Здѣсь множество иностранцевъ, преимущественно составляющихъ отряды на свой счетъ, попадалось повсюду, хотя всѣ они, нужно сказать правду, были шарлатаны, пріискивающіе приключеній и носа не показывающіе въ Делиградъ. Только въ Сербіи возможны подобныя продѣлки, гдѣ безнаказанно творилось все, что угодно. Стоило лишь одѣть военную форму, назваться какимъ угодно чиномъ и безконтрольно

заняться дѣлишками не на шутку — хотя-бы даже специально похищеніемъ чужой собственности. Да мало-ли чего тутъ натворили, бывало всего, какъ говорится.

Двумя чинами выше.

На другой день утромъ я пошелъ къ митрополиту Михаилу, къ которому имѣлъ письмо изъ Петербурга. Его я заранѣе могу назвать свѣтиломъ Сербіи; умный, деликатный, политичный и вмѣстѣ съ тѣмъ простой, съ первыхъ словъ заставляющій себя уважать, произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Послѣ довольно продолжительной бесѣды онъ снабдилъ меня письмомъ къ военному министру, куда я и отправился, не теряя времени. Здѣсь ожидало множество добровольцевъ, человекъ пятьдесятъ приблизительно; русскій мужичекъ горячо уже что-то доказывалъ остальнымъ.

— Я сейчасъ-же ему заявлю свои права! изъ императорскихъ войскъ въ королевскіе, офицеры поступаютъ однимъ чиномъ выше, а въ княжескіе двумя.—Я, напримѣръ, капитанъ, долженъ быть принятъ подполковникомъ въ сербскую армію.

— Конечно, зачѣмъ свое упускать, когда можно воспользоваться правами; да наконецъ и жалованья будутъ больше платить, доказывалъ другой доброволецъ.

— Да непременно такъ! съ какой стати, скажите пожалуйста, я буду терять свое? Тащился изъ Ташкента, потратилъ столько денегъ, а здѣсь вотъ видите-ли ради идеи изволь прохладяться! Все это прекрасно, но нужно помнить и про себя.

Такъ вотъ, думаю, зачѣмъ ты голубчикъ сюда ѣхалъ — за чинами — понятно.

Министръ еще не пришелъ, а мнѣ-то его необходимо было видѣть. Вскорѣ оказалось, что придетъ немного позже; всѣмъ-же прибывшимъ добровольцамъ предложили обратиться къ его помощнику полковнику Бекеру. Я, въ качествѣ зрителя, пошелъ за ними въ пріемную; мужичекъ, главный претендентъ на чины, выступалъ впередъ.

Нѣсколько минутъ спустя, изъ смежной комнаты вышелъ полковникъ Бекеръ: высокій, стройный мужчина съ черной бородой, довольно красивой наружности, въ сербской военной формѣ и вѣжливо обратился къ офицерамъ.

— Въ какую армію вамъ, господа, угодно получить назначеніе?

— Въ Моравскую, отозвалось большинство.

— Въ случаѣ, кто изъ васъ желаетъ ѣхать на Ибаръ, то потрудитесь теперь мнѣ заявить, иначе я сдѣлаю распоряженіе написать вамъ всѣмъ объявы въ Делиградъ.

Минутный шепотъ. — Нѣтъ, мы желаемъ въ Моравскую армію.

— Я капитанъ, мои бумаги—мммы—я долженъ быть зачисленъ подполковникомъ въ сербскую армію, обратился къ Бекеру мужичекъ.

— Виноватъ! я васъ не совсѣмъ понялъ, что вамъ угодно?

— Я подполк... — я капитанъ русской службы, въ сербскія войска имѣю право поступить подполковникомъ, да всѣ мы желаемъ двумя чинами выше, умилялся тотъ-же мужичекъ.

— Если это общее ваше желаніе господа, то оно крайне затрудняетъ военное министерство, потому что теперь, когда вся наша задача организовать молодую армію при помощи русскихъ офицеровъ, заниматься производствомъ въ чины и разработкой вопроса по отношенію къ правамъ офицеровъ императорскихъ войскъ, положительно нѣкогда. Мы все предоставили власти главнокомандующаго, отъ котораго будетъ зависѣть оцѣнка и повышеніе каждаго офицера, сказалъ серьезно Бекеръ.

— Да помилуйте! вдругъ я штабъ-офицеръ и буду подчиняться

какому-нибудь маіору сербской службы, когда я самъ могу командовать. Если такъ, то мы всѣ вернемся въ Россію, отозвались представляющіеся общимъ голосомъ.

— Мнѣ казалось, что вы сюда, какъ и всѣ другіе, пріѣхали не за чинами, а помочь намъ въ трудную минуту дѣломъ; если-же я ошибся въ предположеніи, то не препятствую вашему возвращенію, остается лишь сожалѣть. Что-же касается моего личнаго взгляда, то скажу вамъ господа откровенно, что вы тоже грубо ошиблись, рассчитывая составить себѣ положеніе въ Сербіи, странѣ, какъ вамъ извѣстно, черезчуръ крошечной, отвѣтилъ уже рѣзко Бекеръ.

Совѣстно сдѣлалось мнѣ за этихъ господъ, явившихся сюда съ притязаніями, не имѣющими ничего общаго съ идеей. Бекеръ раскланялся и ушелъ въ свой кабинетъ, а добровольцы, разсуждая что дальше дѣлать, цѣлой партіей отправились изъ министерства по домамъ. — Вотъ невѣжа! дѣломъ какимъ-то угощаетъ; какъ же, стану я подчиняться маіору, возмущался мужичекъ.

Да, думаю, жалкія вы созданія, подготовите хорошую почву русскимъ.

Я еще въ началѣ сомнѣвался въ существованіи какого-либо принципа въ волонтерахъ, а теперь окончательно убѣдился, что они пріѣхали вовсе не изъ за идеи сражаться за свободу угнетенныхъ братьевъ. Зачѣмъ желаютъ повышенія въ чинахъ? Затѣмъ, чтобы занимать болѣе видное положеніе, чтобы начальствовать, а не подчиняться, слѣдовательно одни личные расчеты, желаніе прослыть героями, а не увлеченіе идеей, ее не существуетъ. Здѣсь нужны люди, а не претенденты на повышенія въ чинахъ; и гдѣ-же? въ крошечной странѣ Сербіи, не имѣющей средствъ содержать пятидесятитысячную армію въ мирное время.

Многаго нужнаго не знали русскіе добровольцы до пріѣзда въ Сербію, и не знали, какъ вы думаете, почему? потому что читали лишь популярныя газеты, да, только потому. Эти громкіе, славянскіе

плотки создали небывалую картину нашего движенія и событій въ Сербіи, увлекая тысячи русскихъ въ заблужденіе, другія тысячи бесполезно въ могилу, а третіи, пятые и десятыя въ горькое разочарованіе и потерю всего дорогаго. Но почему-же онѣ увлекли?— понятно—сами увлеклись идеей и расчетомъ,—не матеріальнымъ, нѣтъ, — а расчетомъ сдѣлаться популярнѣе, и увеличить число подписчиковъ. Да развѣ это матерьяльный расчетъ? — сами посудите!

Я не щажу русскихъ волонтеровъ въ Сербіи, обнаруживаю каждый ихъ шагъ и поступокъ, не потому что не сочувствую имъ, или отношусь пристрастно, а потому что обсуждая недостатки страны и народа, къ которому они явились, можно было-бы найти источникъ кореннаго неудовольствія, послужившаго главнымъ основаніемъ дурныхъ отношеній между сербами и нами.

Грустно сознаться и въ томъ, что съ наплывомъ всякаго народа въ Сербію, все то хорошее, что успѣло зародиться до сихъ поръ хотя въ исключительномъ смыслѣ, безслѣдно должно было исчезнуть.

Вѣдь это фактъ неопровержимый, что комитеты посылали кого попало, а Одесса очистилась отъ множества темныхъ личностей, существенно вредныхъ для города. Развѣ немногія свѣтлыя единицы явившіяся въ Сербію чисто изъ за идеи, могли собою принести пользу? единичную, ничтожную конечно могли, но существенной— никакой.

Настоящій мой трудъ, чуждый литературной тонкости, имѣетъ главной своей задачей высказать только одну истину, хотя и непріятную, но первую въ такомъ духѣ. Я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ фактовъ, можетъ быть даже отношусь строго, но пишу изъ сочувствія къ тѣмъ не многимъ русскимъ, которые увлеклись идеей и явились въ Сербію, готовые принести себя въ жертву, на помощь славянскому дѣлу. Мало изъ нихъ вернулось въ Россію, они легли тамъ—на полѣ бесполезной бойни.

Правда, что и сербы были неправы, относясь не дружелюбно ко всемъ вообще русскимъ, но я отношу ихъ вину къ тому, что этотъ хитрый и недалекій народъ былъ у себя на умѣ, составляя невѣрный взглядъ на дѣло; кромѣ того онъ не сочувствовалъ войнѣ, не понималъ интересовъ своей страны, и не сходилъ съ тѣми, кто зналъ и видѣлъ больше его. Сербъ бѣдный или богатый, но довольный своимъ положеніемъ, готовъ не отдавать себѣ отчета подъ чьимъ владычествомъ онъ находится. Такой сербъ, призванный къ оружію защищать своихъ-же угнетенныхъ братьевъ, отстаивать самостоятельность своего правительства, словомъ сознать высшіе интересы гражданина, — развѣ способенъ руководиться чувствомъ патріотизма въ сраженіи? Онъ способенъ сдаться безъ боя—просто бѣжать, а не сражаться, по его мнѣнію бесполезно. Въ такой арміи храбрый офицеръ становится безусловной жертвой безъ всякой пользы для дѣла. Именно при этихъ условіяхъ погибли сотни русскихъ офицеровъ и тысячи волонтеровъ въ Сербіи, а армія по прежнему осталась неорганизованная, трусливая, способная положить оружіе при первомъ удобномъ случаѣ.

Этотъ взглядъ, высказанный мною относительно нашихъ добровольцевъ и сербской арміи, не считая его окончательнымъ—я основываю на первыхъ впечатленіяхъ и фактахъ, испытанныхъ по пріѣздѣ въ Бѣлградъ, я еще не былъ въ арміи, не знаю что тамъ дѣлается.—Теперь только иду къ министру представляться—говорять пришелъ уже!

Скоро уѣду.

Николичъ встрѣтилъ меня весьма любезно, совѣтуя поскорѣе отправиться въ армію. — Побѣжайте поскорѣе въ Делиградъ, тамъ найдутъ вамъ мѣсто!

— Я просилъ бы васъ, г-нъ министръ, зачислить меня въ кавалерію, обратился я къ нему.

— Тамъ уже въ Делиградѣ, поступите куда хотите, я не вмѣшиваюсь въ распоряженія главной квартиры, — все зависитъ отъ генерала Черняева. — Давно-ли вы изъ Россіи?

— Всего недѣля, второй день только въ Бѣлградѣ.

— Вотъ обмундируйтесь, да и съ Богомъ — отправляйтесь, — а пока до свиданья! желаю вамъ всего лучшаго.

По всему было замѣтно, что роль военного министра очень ограничена, что Черняевъ здѣсь — все.

Однообразіе каждодневныхъ скандаловъ мнѣ наконецъ надоѣло, я желалъ уѣхать изъ Бѣлграда, забыть все дурное и энергично принялся собираться въ путь. Кажется недавно въ Сербіи, и какъ надоѣло — все въ смутномъ видѣ, — нѣтъ свѣтлыхъ проявленій! — Офицеры по прежнему прибывали и уѣзжали въ армию, другіе возвращались въ Россію, корреспонденты развѣдывали, узнавали и сочиняли; туристы интересуясь событіями, сводили знакомство со всѣми, собирали матеріалы для замѣтокъ; словомъ въ Бѣлградѣ, переполненномъ всѣми національностями, происходило нѣчто интересное — поучительное.

Скоро все къ отъѣзду было готово, мнѣ выдали объяву (по-дорожную), а вечеромъ 25-го сентября, я простился съ Бѣлградомъ — кто знаетъ, можетъ быть и навсегда. — Слава Богу, выѣхалъ отсюда, теперь вздохнуть можно свободно.

Въ дорогѣ.

Теперь двигаюсь чуть-ли не черепашинымъ шагомъ, на плохихъ обывательскихъ лошадакахъ, какъ-то невольно располагало къ раз-

думью, тѣмъ болѣе подѣ впечатленіемъ уже испытаннаго въ столицѣ сербскаго княжества.

Писали—вспомнилъ я, что сербы религіозны, даже больше чѣмъ русскіе, что къ духовенству относятся съ уваженіемъ—какіе-же это сербы? потому, что тѣ, которыхъ я видѣлъ, вовсе не религіозны, и священники ихъ далеко не пользуются авторитетомъ въ народѣ. Эту черту сербовъ какъ нельзя лучше можно было опредѣлить въ столицѣ, гдѣ народъ имѣетъ своихъ представителей въ массѣ, гдѣ критическое положеніе страны извѣстно гораздо лучше, чѣмъ въ провинціяхъ, гдѣ вліяніе его болѣе замѣтно, а здѣсь-то именно и обнаруживалось отсутствіе религіозности. — Во время моего пребыванія въ Бѣлградѣ, какъ-то два дня сряду былъ праздникъ—суббота и воскресенье, или воскресенье и понедѣльникъ—не помню, но оба раза въ соборѣ были только одни русскіе, — сербовъ человѣкъ десять не больше, правда, что этотъ примѣръ не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ составить мнѣніе о сербахъ, какъ о народѣ нерелигіозномъ, но во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ ведется кровопролитная борьба изъ-за вѣры и свободы, гдѣ тысячами гибнутъ отъ рукъ мусульманъ, гдѣ многіе сыны, братья и мужья убиты, а другіе страдаютъ можетъ быть ранеными, голодными, тамъ—должны молиться Богу. Если же сербы не патріоты, не сочувствуютъ самостоятельности своего правительства, если они тяготеютъ помощью другихъ, если интересы страны не налагаютъ обязанности на каждаго гражданина отстаивать свою независимость и честь, если ужасающее положеніе ихъ братьевъ не внушаетъ имъ нравственнаго долга защитить несчастныхъ, если наконецъ они довольны своимъ положеніемъ, — то изъ-за чего-же зедутъ войну съ турками? на чемъ она основана? какая участь постигнетъ русскихъ добровольцевъ — непрощенныхъ помощниковъ? кто здѣсь главный виновникъ? — Неужели Черняевъ? ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нельзя было отвѣтить: я не ознакомился еще съ почвой. Такъ

мѣнялись соображенія въ моей головѣ, прерываемыя лишь изрѣдка рѣзкими толчками почтового возка. Отъ Вѣлграда до Делиграда считалось около двухсотъ верстъ, такъ что путешествуя на почтовыхъ безостановочно, можно поспѣть въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, а на обывательскихъ—въ двое сутокъ. — Я выѣхалъ вечеромъ 25-го, почему рассчитывалъ, что 27-го буду уже въ Делиградѣ. Послѣ нѣсколькихъ верстъ тяжелой дороги, началась болѣе ровная — и я снова призадумался. Теперь чувствовалось какъ бы вполне удовлетворенное желаніе, — будущее казалось чѣмъ-то грознымъ въ моемъ воображеніи; рисовалась картина сраженія, въ которомъ русскіе отстаиваютъ свою честь, жертвуя жизнью неустрашимо, гдѣ раненые, въ предсмертныхъ страданіяхъ вспоминаютъ дорогихъ своему сердцу, гдѣ люди, преслѣдуемые неудачами въ жизни, лишены близкихъ друзей, въ такихъ-же физическихъ мученіяхъ оканчиваютъ свою жизнь въ молитвѣ, благодаря Всевышняго за постигшую участь и вздохнувъ свободно предъ смертью, умираютъ покойно; потомъ мнѣ представилось сраженіе, въ которомъ цѣлыя полки штурмомъ опрокидываютъ непріятеля, герои оказываютъ чудеса храбрости, а послѣ торжествуютъ, доставивъ своею кровью лавровый вѣнокъ славянскому дѣлу; наконецъ я вспомнилъ о себѣ, о предстоящей участи матери и сестры, въ случаѣ моей смерти. Отъ этой мысли рѣзко переходилъ я къ воображенію, рисуящему меня раненымъ, послѣ выздоравливающимъ и возвращающимся въ родную свою Россію. — Охъ, какъ до этого еще далеко. Но вотъ мы пріѣхали въ небольшую деревушку, въ которой по объясненію ямщика мѣняются лошади — это была первая станція отъ Вѣлграда. Къ несчастью я не зналъ правила, позволяющаго ѣхать на тѣхъ-же лошадяхъ дальше, если онѣ не устали, а мои лошади нельзя сказать что-бы устали, дѣлая не болѣе шести верстъ въ часъ.

— Гдѣ-же будемъ мѣнять лошадей? спросилъ я у серба.

— У начальника станицы, господине, — отвѣчалъ сербъ длинной рѣчью, изъ которой я съ трудомъ понялъ нѣсколько словъ.

Вставши съ повозки, я чувствовалъ себя ужасно усталымъ, не отказался-бы пожалуй лучше отдохнуть, чѣмъ путешествовать въ сырую холодную ночь на прескверныхъ загнанныхъ лошадяхъ, но дѣлать нечего, нужно было ѣхать дальше. Неутѣшительнымъ казалось и то, что предстояла большая станція, — около тридцати верстъ, а новыя лошади, недавно пришедшія изъ разгона еле двигались. Въ Сербіи всѣ города и селенія вымощены крупнымъ необтесаннымъ камнемъ, по которому ѣзда въ простой повозкѣ безъ сидѣнья, не особенно удобна.

Теперь уѣздившись въ новыя, такъ называемыя по сербски „кола“, мнѣ было чуждо размышленіе о войнѣ, я просто прозябъ въ одной шинелькѣ, хотѣлось спать или ѣхать шибче, а тутъ не только шибче, но даже шагомъ было затруднительно, потому что лошади съ трудомъ тащились. Отъ досады я кричалъ на ямщика, излагая свою мысль конечно на русскомъ языкѣ, мало знакомомъ сербу. — Онъ нѣсколько разъ въ недоумѣніи останавливалъ лошадей посреди дороги, какъ будто исполняя мое желаніе. Тутъ ужъ я окончательно выходилъ изъ терпѣнія. — Чего ты стоишь? пошелъ! осель ты этакъ! — но сербъ не двигался. Тогда я самъ превращался въ кучера, дергалъ лошадей, подгонялъ ихъ кнутомъ, но все напрасно — рысаки не измѣняли прежняго алюра. Оставалось пріискать какое нибудь средство разшевелить хладнокровное животное. Вотъ ѣзда! этакъ въ недѣлю не доберешься. Не испугаются ли они выстрѣловъ, начнутъ пожалуй бѣжать — все-таки нѣсколько верстъ проѣду скорѣе — я вынулъ револьверъ и почти безъ промежутковъ выстрѣлилъ нѣсколько разъ, но загнанныя клячи оставались совершенно равнодушными къ неожиданной палбѣ, какъ будто давно уже свыкшіеся съ такими явленіями. Нечего дѣлать, нужно и мнѣ быть по хладнокровнѣе, а то лишь патроны даромъ израсходую, улягусь лучше спать. Не смотря на такія

существенныя неудобства постели, я къ счастью скоро уснулъ, и очнулся, когда уже прїѣхали въ м. Смедерево, повидимому очень поздно. Сербы вообще трусы, боятся ѣздить по ночамъ. Они мнѣ совѣтовали переночевать здѣсь въ гостиницѣ.—Лучше останьтесь отдохнуть, куда теперь противъ ночи ѣхать!

— Да гдѣ-же отдохнуть, когда нѣкуда дѣваться?

— Въ гостиницу, молимъ васъ, господине.

— Хорошо-же, я останусь, только пожалуйста по раньше пришлите лошадей.

— Добро, господине!

Я взявъ проводника и отправился въ гостиницу, въ которой не оказалось ни одного свободнаго номера, и только послѣ длинныхъ увѣщаній и просьбъ, меня наконецъ помѣстили въ какую-то маленькую грязную кухню, переполненную ночлежниками мужскаго и женскаго пола, не среднимъ классомъ общества, а простымъ народомъ, кухарками да разной другой прислугой.

Но все таки я проспалъ ночь съ наслажденіемъ, гдѣ тутъ было разбирать удобства—не до того. Утромъ прислали мнѣ сносныхъ лошадей, подававшихъ надежду неприбѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ въ путешествіи;—да и на самомъ дѣлѣ они оказались далеко лучше прежнихъ—бѣжали по крайнѣ мѣрѣ рысью. Одно смущало—надежда быть къ ночи въ Делиградѣ—оставалась несбыточной.

Такъ путешествуя, на нѣкоторыхъ станціяхъ ожидая по два и больше часовъ перемѣны лошадей, я все таки около трехъ часовъ ночи доѣхалъ до Чуприи въ пятидесяти верстахъ отъ Делиграда—словомъ сегодня сдѣлалъ сто верстъ съ лишнимъ. Тутъ снова предстоялъ ночлегъ, тѣмъ болѣе, что лошадей для перемѣны не было, а если-бы и были, то не удобно прїѣхать въ Делиградъ ночью, гдѣ по слухамъ не только нѣтъ гостиницы, но даже хижины, могущей служить прїютомъ въ ненастную погоду.—Все занято штабомъ и кафанами — дѣвайся куда хочешь. — Но и здѣсь по за-

явленію сонливого грязнаго кафаньщика, не было свободной комнаты.— „Нема, господине, собы“ утверждалъ онъ безучастно, тутъ ужъ я распорядился по военному — приказалъ зажечь свѣчку въ кафанѣ, принести немного сѣна и, вопреки протесту того-же оратора, устроилъ постель на бильярдѣ — „такъ можно спавати господине“, согласился наконецъ кафаньщикъ; ну, думаю, слава тебѣ Господи, не придется съ нимъ ссорится изъ за пустяковъ.

Казалось бы что дѣйствительно въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего наглаго, но это могло казаться людямъ благоразумнымъ, а хозяйкѣ, узрѣвшей меня утромъ на бильярдѣ не играющимъ, а спящимъ — казалось иначе, — она подняла такой крикъ, высказывая неудовольствіе къ русскимъ, творившимъ ей чуть-ли не каждый день новую непріятность, отъ котораго я сразу проснулся: — да чего вы кричите! — развѣ бильярдъ пострадалъ отъ этого? что съ нимъ особенное случилось? — Вотъ лучше уйдите отсюда, а то мнѣ не совѣмъ ловко при васъ одѣваться, уговаривалъ я ее. Конечно, немного она и поняла по русски, развѣ только нѣсколько словъ. Сначала даже подняла болѣе громкіе протесты, но, замѣтивъ мое рѣшительное движеніе приступить къ первоначальному туалету, крайне не интересному на такой возвышенной постелѣ, поспѣшно вышла изъ комнаты. Послѣ уже, подавая мнѣ кофе, хозяйка высказала какъ бы извиненіе, оправдываясь тѣмъ, что многіе руссы дѣлали ей непріятности — часто не платили за буфетъ, шумѣли, ругали, почему она, увидя меня расположившимся на бильярдѣ, ожидала встрѣтить такое-же безцеремонное обращеніе. — Ничего, я на васъ не въ претензіи, успокаивалъ я сконфузившуюся хозяйку и наши отношенія уладились. Меня извѣстили, что лошади будутъ только часа чрезъ четыре — всѣ въ разгонѣ, — оставалось томиться скучнымъ ожиданіемъ въ прескверномъ грязномъ мѣстечкѣ. — Экая досада — придется въ Делиградъ пріѣхать ночью.

Въ числѣ другихъ добровольцевъ, я встрѣтилъ тутъ знакомаго мнѣ по Бѣлграду бывшаго петербургскаго пѣхотинца В., от-

правляющагося въ Делиградъ, который какъ и я дожидался лошадей.

— А, здравствуйте! что и вы здѣсь? Обратился ко мнѣ знакомецъ.

— Какъ видите.

— Не лошадей-ли дожидаетесь—по моему?

— Къ несчастью, по вашему.

— Я батюшка второй день уже здѣсь ожидаю.

— Странно, что вамъ такъ долго не даютъ лошадей. — Я только ночью прѣхалъ, а чрезъ два часа уѣзжаю, хотя ѣду съ такой же объявой, какъ и у васъ, — не по казенной надобности.

— Видно ужъ такое мое счастье, — все время не было лошадей, а теперь вотъ есть. — Вы въ Делиградъ отправляетесь?

— А то куда же вы еще думаете—конечно въ Делиградъ.

— Если васъ не стѣснить, то возьмите пожалуйста и меня съ собою, вмѣстѣ веселѣе доѣдемъ—да притомъ я уже былъ разъ въ Делиградъ, все тамошнее знаю, могу вамъ быть полезнымъ на первое время, — тамъ и остановимся вмѣстѣ у моего брата; онъ, какъ командиръ эскадрона, занимаетъ отдѣльную кучу (избу).

— Благодарю васъ за любезность — поѣдемъ вмѣстѣ.

— Вамъ скоро-ли обѣщали прислать лошадей?

— Къ двѣнадцати часамъ — теперь всего половина одиннадцатаго — скучать еще долго придется: — они навѣрное запоздають съ лошадьми.

— Въ этомъ будьте увѣрены! Давайте сыграемъ въ проферансъ скуки — ради.

— Найдутся ли здѣсь карты — спросите.

— Есть навѣрное, — пойдемъ въ гостиницу — тамъ и найдемъ все.

Хотя я вообще не играю въ карты съ людьми мало знакомыми, но здѣсь, при такой скукѣ, сдѣлалъ маленькое исключеніе. — Мы пошли въ гостиницу, потребовали карты и усѣлись за проферансъ

по копѣйкѣ. Мой партнеръ не отличался особенной выдержкой въ игрѣ, ставилъ ремизы весьма серьезные, перекупалъ игры почти каждый разъ, и въ концѣ кончилъ пульку очень плачевно—проигралъ восемьдесятъ слишкомъ рублей. Послѣ игры у насъ долго несходились счеты—плюсъ превышалъ минусъ что-то на двадцать фишекъ; наконецъ я сбавилъ ихъ съ выигрыша—предстоялъ расчетъ.

— Вы мнѣ позволите заплатить, что больше восьмидесяти, для ровной цифры, а остальные отдамъ завтра въ Делиградѣ? Обратился съ невинной миной офицерикъ.

— Сдѣлайте милость, какъ вамъ будетъ угодно.

— Я видите-ли не вожу съ собою крупныя деньги, почему и прошу васъ повременить до Делиграда.

— Стоить объ этомъ толковать! сдѣлайте одолженіе.—Ваша предосторожность весьма рациональна, никогда не потеряете крупнаго куша.

Не скажу, чтобы такой выигрышъ мнѣ понравился, тѣмъ болѣе отъ незнакомаго человѣка, повидимому весьма легкомысленнаго, но въ виду исключительнаго положенія всѣхъ насъ въ военное время, въ особенности въ Сербіи, гдѣ каждая копѣйка кажется рублемъ, я нѣсколько даже оправдывалъ г-на В. Одно меня возмущало,—это почти увѣренность, что если-бы я проигралъ эти деньги, то онъ навѣрное обошелся-бы болѣе безцеремонно,—но это—если-бы, а можетъ быть и нѣтъ—можетъ быть г-нъ В. поступилъ бы еще деликатнѣе. Намъ привели лошадей, которымъ мы очень обрадовались и сейчасъ-же отправились въ дальнѣйшій путь—такъ уже часу во второмъ по полудни.

— Эка проигрался, чертъ возьми! ни какъ не ожидалъ.

— Да, вы много проиграли! но нес..... къ счастью не сказалъ.

— Неужели вамъ всегда такъ везетъ въ картахъ?

— Такъ собственно, какъ сегодня, очень рѣдко, и потому что

выигр...—фу ты, думаю, языкъ не вяжется — потому что большею частью проигрываю, а вамъ развѣ не везетъ?

— Никогда, представте! говорятъ, что если не везетъ въ карты, то значить въ любви на оборотъ, а мнѣ и въ томъ и другомъ одинаково не везетъ!

— Но вы все таки въ вѣрномъ выигр..... ахъ виноватъ, я совсѣмъ разсѣянъ! но зачѣмъ-же вы въ такомъ случаѣ играете?

— Такъ ужъ, знаете, по привычкѣ—люблю ужасно эту игру, хотя постоянно продуваюсь!

— Это очень пріятное препровожденіе времени и къ тому-же не дорогое!

— Помилуйте! какое не дорогое, постоянно приходится разоряться.

Слава Богу, обидѣлся — подумалъ я — есть надежда на полученіе. На первой станціи отъ Чупріи, на которой стояла стража для провѣрки документовъ и пропуска проезжающихъ въ дѣйствующую армію, мы встрѣтили двухъ знакомыхъ офицеровъ моего компаніона, ѣдущихъ въ Делиградъ не по нашему, а на почтовыхъ по казенной надобности. Г-нъ В. нашелъ болѣе удобнымъ присоединиться къ нимъ, а меня просилъ по пріѣздѣ въ Делиградъ передать его вещи доктору Ф. на перевязочномъ пунктѣ—ни слова уже не упоминая о ночлегѣ: —хорошъ ты, милый — думаю, замышляешь отдѣлаться отъ меня поскорѣе. Онъ съ офицерами уѣхалъ впередъ, а я немного позже, конечно гораздо тише, чѣмъ тѣ, на хорошихъ лошадяхъ.

На всемъ пути встрѣчались возвращающіеся офицеры и волонтеры, высказывавшіе рядъ неудовольствій противъ Черняева, пререканій на безпорядокъ и все происходящее въ арміи. Они до того убѣдительно доказывали свои жалобы, что человѣку съ умѣреннымъ характеромъ, легко можно было разочароваться и вернуться съ дороги назадъ. — Я не хотѣлъ вѣрить всему, — неможетъ-же быть этого, есть-же тамъ и хорошее. Тѣмъ болѣе, что

большинство этихъ господъ возвращались полушьяные, не заслуживающіе никакого вниманія или довѣрія; многіе изъ нихъ никогда не служившіе въ военной службѣ, понятно, что къ нѣкоторымъ явленіямъ могли относиться несправедливо, упрекая въ томъ, въ чемъ военный человѣкъ можетъ быть одобрилъ-бы, но поразительно то, что всѣ они какъ будто сговорились единогласно пѣть одно и тоже: — сербы трусы, бѣгутъ натрагъ, русскихъ бьютъ безпощадно, — не стоитъ оставаться — порядка никакого, — Черняевъ не способенъ быть главнокомандующимъ, штабъ просто на смѣхъ составленъ изъ разнаго сброда, — вотъ слова, которыя мнѣ приходилось выслушивать чуть-ли не отъ всѣхъ встрѣчныхъ на дорогѣ; нѣкоторые если не говорили, то было замѣтно, что имъ надобно повторять всеѣмъ извѣстное. — „Поѣзжайте, увидите сами“ — совѣтовали они. — Невдалекѣ отъ Делиграда, приблизительно верстахъ въ двадцати, я приказалъ сербу остановиться возлѣ кафаны — далъ отдохнуть немного лошадямъ, сюда же подѣхала подвода съ нѣсколькими добровольцами, изъ которыхъ одинъ прихрамывалъ. — Мы скоро разговорились.

— Вы господа изъ Делиграда путешествуете? обратился я съ вопросомъ.

— Да, изъ Делиграда, за дѣломъ туда ѣздили — чертъ-бы ихъ побралъ!

— Вы такъ малосложно мнѣ отвѣтили, что я прошу разъясненія — кого это чертъ долженъ взять? и за какимъ такимъ дѣломъ вы ѣздили?

— Я думаю вы знаете за какимъ, — за тѣмъ, за которымъ пріѣхали всѣ русскіе и не достигаютъ его къ несчастью, благодаря общему произволу, — а чертъ-бы взять всѣхъ тамошнихъ распорядителей съ сербами вмѣстѣ, начиная съ Черняева!

— Что касается сербовъ, то я знаю, что они трусы, но скажите пожалуйста, въ чемъ вы обвиняете Черняева и распорядителей?

— Такъ и видно, что вы новичекъ, — спрашиваете въ чемъ я обвиняю, спросите лучше въ чемъ можно ихъ оправдывать, а обвинять во всемъ безусловно! Помилуйте, вотъ хотя-бы наша исторія! — Мы вчетверомъ пріѣхали изъ Россіи на собственный счетъ — увлеклись видите-ли идеей; — пріѣзжаемъ въ Делиградъ 14-го сентября, за два дня до постыднаго дѣла, въ которомъ Месвѣдовскій и Метерсонъ удрали въ кусты — такъ сказать главные начальники, — ну, — конечно, являемся въ штабъ — нужно-же куда нибудь пристроиться, тамъ насъ два дня швыряли одинъ къ другому, наконецъ добились свиданія съ Комаровымъ: — „Отправляйтесь, говоритъ, на позицію!“ — Куда? въ какую часть на позицію? — неизвѣстно. Вотъ мы и отправились, не на позицію, а въ кафану; — на другой день стало совѣстно оставаться безучастными — пошли на позицію; тамъ пристроились въ какому-то баталіону, безъ ружей, безъ всего; нашли какія-то брошенныя сербами три ружья, но горе патроновъ нѣтъ! такъ прождали почти цѣлый день подъ огнемъ, а подъ вечеръ — общее бѣгство! тутъ ужъ мы попали подъ перекрестный непріятельскій и свой — двоихъ вотъ товарищей ранили, одного въ ногу, а другаго въ руку. Наконецъ перестрѣлка прекратилась, застигла ночь, мы съ трудомъ поддерживая раненыхъ, добрались до Делиграда — не ѣвши, не пивши, голодные какъ собаки. Что дѣлать? идемъ утромъ опять къ начальнику штаба: — причислите насъ куда нибудь! говоримъ Комарову — снова таже исторія; — „идите въ канцелярію“, а изъ канцеляріи посылаютъ къ начальнику штаба.

Ну васъ, думаемъ, къ черту съ вашими порядками и съ вами вмѣстѣ, поѣдемъ лучше обратно, а то съ голоду помремъ. Такъ безъ объявы и уѣхали. Теперь вотъ путешествуемъ съ перебитыми ногами безъ гроша! Какая тамъ идея, помилуйте! или Черняевъ полководецъ? тамъ сплошное мотовство и произволь, а не идея! Про Черняева я собственно ничего не знаю, какъ про человѣка, можетъ быть онъ честнѣйшая личность, но какъ главнокоманду-

ющій онъ ничего не сдѣлалъ. Вы посмотрите, что тамъ творится! я бы этихъ поддѣльныхъ славянофиловъ—въ сущности матеріалистовъ и честолюбцевъ—суду всѣхъ предалъ; а газеты, пишущія ложь, просто бы запретилъ! зачѣмъ они дѣло представляютъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ? вѣдь Россія и понятія не имѣетъ, что здѣсь происходитъ, — просто возмутительно.

— Какъ-же вамъ безъ объявы, лошадей-то даютъ?

— Мы видите-ли всѣ четверо ѣдемъ по одной объявѣ, которой насъ снабдилъ знакомый офицеръ въ Делиградѣ — у него была старая. Ну, да вѣдь насъ двое раненыхъ, не идти-же пѣшкомъ въ самомъ дѣлѣ, довольно то, что не ѣвши, — денегъ ни копѣйки.

— Что ваши товарищи, сильно ранены?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ! у одного пуля въ ногѣ не вынутая, тамъ ужъ въ Бѣлградѣ сдѣлають операцію, а другой съ рукой носится, — вся распухла.

— Да бойтесь-же Бога! почему-же вы въ Делиградѣ хотя не перевязали? такъ вѣдь опасно оставлять рану!

— Мы то перевязали, положимъ, только операцію не успѣли сдѣлать! всѣ доктора какіе были, оставались на позиціи; гдѣ ихъ тамъ разыщешь! да притомъ сами раненые Христомъ-Богомъ молятъ поскорѣ ѣхать въ Бѣлградъ, а оттуда въ Россію — „умереть говорятъ лучше у себя дома, чѣмъ здѣсь“. Повѣрите-ли мнѣ ихъ какъ родныхъ жалко, молодые мальчики, бросили бѣдныя въ Петербургѣ службу, все, и вотъ какая участь, — помирай съ голоду, а участія никакого! даже сербы смотрять безучастно.

Слушая этотъ разсказъ, мнѣ стиснуло душу самому. Грустно было смотрѣть на раненыхъ юношей въ безпомощномъ состояніи. Имъ я вѣрилъ много — чистымъ, еще неиспорченнымъ натурамъ. Мы простились почти со слезами и, пожелавъ другъ другу счастливаго пути, разѣхались въ разные стороны. Я горько запла-

каль, какъ будто безотчетно, — но пройдя нѣсколько верстъ, незамѣтно предался новымъ впечатленіямъ.

Приближаясь къ Делиграду, встрѣчались цѣлые обозы транспортовъ, — артиллерійскіе ящики съ лафетами, — по двое, по трое кавалеристовъ, пѣшіе солдаты, нѣкоторые раненые, а другіе просто, какъ будто возвращающіеся до кучи, — заводныя лошади — все это медленно двигалось по направленію къ Бѣлграду, предшествуя какъ-бы отступленію дѣйствующей арміи. Иначе и предполагать было трудно. — Въѣдъ тамъ, гдѣ нуждаются въ каждой единицѣ, — куда зовутъ изъ Россіи волонтеровъ, куда шлютъ деньги — на поддержку самыхъ существенныхъ потребностей войска, куда посылаютъ изъ Бѣлграда всякую наличную вещь, въ виду настойчивыхъ требованій штаба; — тамъ не могли отпускать людей годныхъ къ службѣ, отсылать цѣлыми транспортами вещи и оружіе, возвращать десятками лошадей, необходимыхъ въ каждой дѣйствующей арміи, — а если послѣдовало подобное распоряженіе, то нужно думать, что послѣдовало въ виду возможнаго отступленія, — „значить плохо“ — подумалъ я.

Не скажу, чтобы мнѣ было пріятно выводить такія заключенія, тѣмъ болѣе на пути въ Делиградъ. Но, думаю, еще не все, остается надежда и на хорошее. Тамъ, поближе къ событіямъ, гдѣ сражается шестидесятитысячная армія, гдѣ проявляется геройство и рѣшительность, гдѣ я встрѣчу русскихъ и заодно пойду подъ пули, гдѣ доступно испытать высшее чувство и съ чистой совѣстью взглянуть равнодушно въ глаза смерти, — тамъ именно ожидаетъ это незнакомое хорошее. Вотъ туда, до того мѣста, интересующаго всю Европу, а наиболѣе Россію, оставалось лишь восемь верстъ. Теперь я желалъ поскорѣе взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ расположенъ непріятель, виновникъ всѣхъ ужасовъ, мученій и истязаній беззащитныхъ славянъ; во мнѣ горѣло какое-то сильное тяжелое чувство, я началъ подгонять ямщика, а поравнявшись съ расположеніемъ сербскаго лагеря, заставилъ ѣхать шагомъ, да и кетати,

потому что ночь была темная. Отсюда до центра укрѣпленій оставалось не болѣе двухъ верстѣ. По правую сторону извилистой дороги располагался сербскій лагерь, освѣщенный множествомъ пылающихъ костровъ; не вдалекѣ отъ дороги виднѣлись солдаты, согрѣвавшіеся у огней; они казались какими-то черными, закопѣлыми, тутъ-же составлены были ружья въ козлы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчались офицеры, обратившіе мое вниманіе на себя тѣмъ, что были обуты не въ лапти, а въ сапоги. Я остановился и подошелъ къ костру, гдѣ вокругъ согрѣвалось офицерство. Пораспрошу, думаю, что у нихъ слышно.

— Здравствуйте, господа! научите Бога ради, какъ мнѣ быть? я только что пріѣхалъ и не знаю гдѣ пріютится на ночь.

— Гдѣ хотите тамъ и располагайтесь, здѣсь, батюшка, пріютиться не гдѣ! Вотъ, если угодно, милости просимъ къ нашей компаніи. Вы что же, впервые въ Делиградѣ?

— Еще даже и не въ Делиградѣ—пока въ дорогѣ.

— Напрасно вы сюда пріѣхали—не стоитъ!—Здѣсь такое безобразіе и безпорядокъ, что намъ, русскимъ, положительно не зачѣмъ оставаться. Задаромъ лишь перебыютъ, какъ барановъ. Я бы самъ съ удовольствіемъ уѣхалъ—да совѣстно—скажутъ трусилъ. Теперь и отъ сербовъ чести не ожидай; такихъ господъ наѣхало, что за карманами смотри въ оба—просто народъ отпѣтый.

Я не вступалъ въ дальнѣйшій разговоръ—нѣкогда было; простился съ ними и вернулся къ лошадямъ; нужно-же наконецъ куда нибудь доѣхать, на перевязочный пунктъ что-ли, по совѣту г-на В. Проѣхавъ еще не болѣе полуверсты, слышались русскія пѣсни, исполняемыя цѣлымъ хоромъ, съ какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ. Въ нихъ звучалъ отголосокъ того грустнаго настроенія, которое невольно овладѣваетъ человѣкомъ въ чужой сторонѣ. Гдѣ это поютъ, думаю, не въ русскомъ ли лагерѣ. Знакомый мотивъ задушевной русской пѣсни какъ-то особенно на меня повліялъ. Мнѣ стало жалко этихъ поющихъ солдатъ, можетъ быть

за день до мучительной смерти на полѣ сраженія, гдѣ легко быть покинутымъ на жертву палачамъ туркамъ. Мы приблизились къ кострамъ, у которыхъ пѣли и отъ мимо проходящаго солдата я узналъ, что здѣсь расположены два русскіе баталіона—Черняевскій и княгини Наталіи, состоящіе въ резервномъ отрядѣ полковника Меженинова.

Ночь была до того темна, что мой ямщикъ, страдающій слѣпотой, попалъ въ какой-то ровъ и на половину опрокинулъ повозку. — Я вскочилъ и напалъ на серба за такую небрежность, но когда узналъ, что по ночамъ онъ ничего не видитъ, то смиренно призадумался, какъ помочь своему горю—но что подѣлаешь, когда не знаешь ни мѣстности, ни дороги, куда ѣхать? Легко, что въ такомъ положеніи мы бы просидѣли цѣлую ночь, если-бы на выручку не подоспѣли офицеры, которые проходя мимо, услышали нашъ громкій разговоръ и подошли разузнать, въ чемъ дѣло. — Я обрадовался случаю воспользоваться ихъ помощью.

— Прежде всего позвольте узнать, господа, — вы русскіе? спросилъ я у офицеровъ.

— Русскіе, а въ чемъ-же дѣло?

— Значитъ поймете мою рѣчь. Я вотъ попалъ въ какую-то канаву, по милости кучера, и никакъ не можемъ выбраться отсюда и дороги не знаемъ, куда ѣхать. Пожалуйста помогите нашему горю.

— А вы откуда-же, изъ Бѣлграда ѣдете?

— Ъдемъ-то мы изъ Бѣлграда, да вотъ къ несчастью въ Делиградъ никакъ не можемъ попасть.

— Вотъ потѣха, ей Богу! и занесло-же васъ въ канаву, когда прямая дорога къ воротамъ; какимъ это образомъ вы сюда забрались, въ десяти шагахъ отъ шоссе—не понимаю.

— Ну, батюшка, разказывать вамъ еще какимъ образомъ забрался, это цѣлая исторія, довольно того, что забрался. Если хотите—лучше выручайте, чѣмъ цѣлое слѣдствіе производить.

— Да вы не горячитесь, ужь не оставимъ-же здѣсь ночевать. Вамъ куда нужно — въ штабъ?

— Въ сущности я самъ не знаю куда мнѣ нужно. Нужнѣе всего прискаты гдѣ-нибудь пріютъ на ночь, а пока нужно отправиться на перевязочный пунктъ, вотъ хорошо что вспомнилъ.

— Да вамъ зачѣмъ-же на перевязочный?

— Чертъ, видите-ли, меня угораздило взять чужія вещи! теперь вотъ таскайся съ ними. Со мною ѣхалъ какой-то В., который навязалъ вотъ этотъ ящикъ, просилъ сдать доктору на перевязочномъ, прежде приглашалъ у себя ночевать, рассказывалъ про какого-то своего брата здѣсь въ Делиградѣ, послѣ вдругъ присоединился къ другимъ офицерамъ, уѣхалъ впередъ, а ты вотъ возись съ какими-то сундуками.

— Гдѣ вы съ нимъ познакомились — въ Бѣлградѣ?

— Да, но встрѣтился-то я съ нимъ теперь въ Чуприи, оттуда вмѣстѣ и ѣхали.

— Такъ это мой братецъ, я его давно ожидаю изъ Бѣлграда, вотъ кстати-то мы съ вами встрѣтились. Теперь вамъ на перевязочный не зачѣмъ. Поѣдемъ ко мнѣ, тамъ и переночуете, я буду очень радъ.

— Вотъ батюшка, вѣрна пословица: „нѣтъ худа безъ добра“, такъ оно и вышло, не попади я въ ровъ, не встрѣтился-бы съ вами и блуждалъ-бы пожалуй всю ночь по канавамъ.

— Да, да! въ самомъ дѣлѣ къ лучшему, что попали. Я уже самъ поведу лошадей, а то вы никто не знаете дорогу къ моей кучѣ.

Послѣ нѣсколькихъ спусковъ, подъемовъ на гору и крутыхъ поворотовъ, мы остановились.

— Услужите-же лентяи, что стоите спустя руки, отворите ворота, обратился В. къ своимъ товарищамъ.

— Ахъ, да мы уже и пріѣхали, тѣ кинулись отворять. Мы въѣхали во дворъ и остановились у самыхъ дверей кучи.

— Вотъ вамъ и мой дворецъ! милости просимъ располагаться, какъ дома, приглашалъ меня В.

Эта крошечная ветхая лачуга, на подобіе нашихъ малороссійскихъ хатъ, казалось не особенно привлекательной; я ожидалъ въ ней встрѣтить чистоту, какія нибудь хотя деревянные лавки, вмѣсто кроватей—словомъ ожидалъ, что въ жилище эскадроннаго командира найдется весь тотъ комфортъ, который доступенъ при кавалерійской бивуачной жизни въ военное время—все же таки это начальство, имѣющее множество вѣстовыхъ; но всего этого я ожидалъ до тѣхъ поръ, пока любезный хозяинъ не зажегъ какой-то сальный огарокъ—теперь уже нечего было ожидать. Внутри дворца, гдѣ повидимому помѣщалось нѣсколько человѣкъ, не было никакихъ признаковъ офицерскаго жилища:—на грязномъ сыромъ полу, кое гдѣ накидана была смятая солома, скорѣе сухой навозъ, тутъ же валялись разбросанныя шинели, попоны и разный хламъ; хозяева не стѣснялись, на этотъ-же полъ плевали, бросали всякіе обрѣзки отъ ѣды, сливали не нужную жидкость изъ стакановъ—словомъ дѣлали все, что при обыкновенной обстановкѣ жизни дѣлается въ нѣсколькихъ, предназначенныхъ для этого помѣщеніяхъ. Увидя такую грязь въ гостепріимномъ дворцѣ, вовсе не зависящую отъ бивуачной жизни, потому что и здѣсь возможно было устроиться сносно, я не рассчитывалъ оставаться ночевать съ ними, предпочитая спать подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ такой кучѣ, гдѣ вѣроятно не трудно запастись какими-нибудь солидными животными.

— Да вы батюшка устраивайтесь, а то негдѣ будетъ вамъ спать, обратился ко мнѣ г-нъ В.

— Благодарю васъ, я на дворѣ лягу.

— Э-э! видно вы избалованы комфортомъ, а здѣсь его не найдете.

— Нѣтъ, я просто не хочу васъ стѣснять.

— Какъ знаете, всежъ таки посидите съ нами, вмѣстѣ закусимъ и братъ пожалуй скоро подойдетъ.

— Это съ большимъ удовольствіемъ. Я не понимаю, куда

онъ дѣвался; уѣхалъ часомъ раньше меня съ предпоследней станціи и до сихъ поръ его нѣтъ.

— Должно быть тутъ гдѣ нибудь въ штабѣ болтается.

Во время нашего разговора, скрипучая дверь дворца пріотворилась и одинъ за другимъ вошло нѣсколько офицеровъ, а позади и братъ г-на В. На одномъ изъ нихъ красовалась медаль „за храбрость“ въ которомъ мнѣ все казалось особеннымъ. Въ медаль-то онъ заслужилъ не даромъ, подумалъ я, совѣмъ упустивъ изъ виду то, что мнѣ говорили въ Бѣлградѣ про награды. Ну да и хорошо, что забылъ дурное, будетъ еще время испытать.

Вошедшій братецъ никакъ не ожидалъ меня здѣсь встрѣтить; онъ какъ будто сконфузился, но нашелся, хотя и поздно.

— А-а-а! Здравствуйте! я-то васъ на перевязочномъ ищу, куда, думаю, дѣвался. Какими судьбами къ намъ-то вы попали?

— Да благодаря вашему брату, случайно встрѣтились и какъ нельзя болѣе кстати.—Выручилъ меня батюшка изъ канавы, куда я залѣзъ по милости слѣпного ямщика, а послѣ разговорились, ну и оказалось, что вещи-то я везу брата своего избавителя, который пригласилъ вотъ сюда, спасибо!

— Отлично, что такъ случилось! — А ящикъ мой довели благополучно?

— Привезъ въ цѣлости, вонъ онъ, можете получить.

— Великое-же вамъ спасибо за аккуратность.

— Что у тебя въ томъ ящикѣ, послушай, не закуска ли?

— А чему-же больше быть? я зналъ, что вы здѣсь голодаете; накупилъ разной разности въ Бѣлградѣ.

— Вотъ такъ молодчина! угощай-же насъ голубчикъ, а то мы, дня три уже, какъ ѣли сносное мясо; эта проклятая баранина надоѣла хуже горькой рѣдьки, а въ кафанѣ поѣсть не на что; денегъ тоже тонко, проговорился эскадронный командиръ.

— Да распоряжайтесь ящикомъ сами; тамъ все найдете, я усталъ ужасно, отказываюсь отъ роли хозяина.

Офицерство съ яростью принялось за добычу; въ минуту, ящикъ былъ отворенъ, откуда съ радостными возгласами алчныхъ участниковъ добывалось все, что было.—Вотъ какъ! и очищенная есть! батюшки, кусище-то сала какой, смотрите! сыръ даже нашелся, да ты братецъ душка настоящая!

Судя по этимъ голоднымъ манерамъ эскадроннаго командира, оставалось заключить, что остальное офицерство по цѣлымъ недѣлямъ на пищѣ св. Антонія. Нѣтъ, думаю, должно быть мой партнеръ ради краснаго словца назвалъ своего братца командиромъ—да еще эскадроннымъ—переспрошу-ка самъ.

— Вы должно быть только притворяетесь такимъ истощеннымъ, а на самомъ дѣлѣ я не повѣрю, чтобы командиру отдѣльной части по три дня приходилось голодать, другое дѣло во время сраженія, но вѣдь не всякій-же день оно бываетъ! обратился я къ мнимому начальству.

— Командиры можетъ быть и не голодаютъ, а намъ, грѣшнымъ подчиненнымъ, часто приходится ощущать непріятную игру въ желудкѣ.

— Слово „подчиненный“ весьма многозначительное и главнокомандующій арміей тоже подчиненный; я говорю объ командирахъ отдѣльныхъ частей, такихъ какъ вы.

— Если о такихъ какъ я, то вы значить говорите обо всѣхъ вообще офицерахъ, потому что я пока еще ничѣмъ не командую, не ручаюсь впрочемъ за будущее.

— Да вѣдь вашъ братъ говорилъ мнѣ, что вы командуете эскадрономъ.

— Я! эскадрономъ? да Богъ съ вами! я на лошадь сѣсть не умѣю, а вы меня вдругъ въ эскадронные командиры хватили.

— Вы лучше брата спросите, во что онъ васъ хватилъ. Я тутъ не причемъ.

— Видишь ли, я имъ говорилъ, что ты былъ въ кавалеріи ну и иногда завѣдывалъ эскадрономъ, значить командовалъ.

— Что ты сочиняешь? какимъ я завѣдывалъ эскадрономъ, скажи пожалуйста! все время съ тобою-же вмѣстѣ служу въ пѣхотѣ.

— Мнѣ казалось какъ будто ты самъ говорилъ что-то на счетъ эскадрона и вообще о кавалеріи.

— Ахъ, это опять другое дѣло! Если тебѣ казалось, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я превратился въ командиры, да еще въ эскадронные! Зачѣмъ бы тебѣ болтать такіе пустяки?

— Не ссортесь господа, стоитъ того толковать о томъ, что было да прошло,—командовалъ, не командовалъ—не все ли равно? давайте лучше закусимъ.

Братцы послушались общаго совѣта и принялись за закуску, въ которой я не принималъ участія—почему-то не лѣзло въ глотку. Ну думаю, хорошо вретъ онъ, подаетъ надежды въ будущемъ—пять съ плюсомъ за успѣхи.

— Сегодня на меня отовсюду валится несчастье: ты нападаешь, въ карты вотъ имъ проигралъ около восьмидесяти рублей, просто досадно становится, унывалъ г. В.

— Есть чѣмъ хвастаться, лучше бы молчалъ; я всю недѣлю ожидалъ, что привезешь денегъ, перебивался что называется безъ гроша, а ты вотъ въ картишки спускаешь послѣдніе, возмущался откровенный престачекъ.

— Странное дѣло! почему это у тебя могло явиться предположеніе, что я пріѣду съ деньгами? Скорѣе ты могъ получить, а мнѣ-то откуда ихъ взять? я даже рассчитывалъ здѣсь застать деньги.

— Не вѣренъ твой расчетъ; у меня братъ ни гроша въ карманѣ и получать не откуда, вотъ въ чемъ горе!

Понятно, съ кѣмъ имѣю дѣло. — Офицеръ съ медалью звалъ идти въ кафану: — пойдете господа! выпьемъ вина по стакану, услышимъ новости, а послѣ вернемся сюда-же, пожалуй въ картишки сыграемъ, упрасивалъ онъ настойчиво.

Мы всё согласились съ его предложеніемъ и пошли. Я рѣшилъ по возвращеніи не играть въ карты, развѣ бы составила новая пулъка — иначе какія-же шансы могли предвидѣться для игры съ г-мъ В.

Делиградъ.

Какъ я уже сказалъ, куча мнимаго командира В. была внизу — въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, составляющихъ группу мелкихъ построекъ у подножья главнаго укрѣпленія. Отсюда нельзя было обозрѣть мѣстность, — для этого нужно подняться на возвышенную штабную площадь, куда мы теперь и отправились. Взираясь на гору, по узкой извилистой тропинкѣ, предчувствіе какъ будто говорило, что тамъ на горѣ увижу что нибудь особенное — и въ самомъ дѣлѣ, на верху дивная картина представилась моимъ глазамъ: тысячи огней пылали вокругъ, на громадномъ окаймляющемъ пространствѣ; не смотря на такую темную ночь, зажженная иллюминація двумя враждебными арміями, ярко освѣщала всю мѣстность. Горы по правую сторону Делиграда за Моравой, были усеяны кострами; не вдалькѣ, на противоположныхъ высотахъ, занимаемыхъ турками, костры горѣли еще чаще, составляя собою правильную линію боеваго расположенія непріятеля, а все это вмѣстѣ казалось такой очаровательной картиной, которую рука самого искуснаго пылкаго художника не въ состояніи представить. Я предварительно старался кое что поразспросить у старожиловъ Делиграда, съ которыми шелъ теперь вмѣстѣ, но они, не въ укоръ имъ будь сказано — ничего не знали, за исключеніемъ дороги въ кафану. — Видно было, что эти молодые люди проводятъ время въ кафанѣ и за картами — да въ сущности, чѣмъ-же другимъ и заниматься, когда войска бездѣйствовали уже больше

недѣли—турки и сербы грѣлись у костровъ, откладывая на послѣ осуществленіе своихъ плановъ. Спутники на мои вопросы объ одномъ и томъ-же отвѣчали чрезвычайно разнорѣчиво: одинъ утверждалъ, что непріятель находится въ пяти верстахъ, другой въ восьми, третій протестовалъ и доказывалъ, что турецкіе аванпосты по ту сторону Моравы, лишь въ тридцати шагахъ отъ берега,—одно въ чемъ ихъ показанія соглашались—это въ какомъ именно пунктѣ находится кафана—еще издали указывали на огонекъ.—Вонъ онъ, нашъ Борэль. Издали видѣнь былъ небольшой ярко освѣщенный домикъ, занимаемый Черняевымъ и его штабомъ. Смотри на это маленькое помѣщеніе, гдѣ жилъ главнокомандующій, я невольно подумалъ: „тамъ вотъ, въ этомъ крошечномъ зданіи, живетъ Черняевъ, интересующій всю Европу своей ролью“. Я даже не воображалъ его обыкновеннымъ человѣкомъ,—а какимъ-то новымъ гениемъ въ родѣ Наполеона перваго;—такъ и хотѣлось поскорѣе видѣться, говорить съ нимъ и большинство, я думаю, въ то время согласилось-бы со мною.

Наконецъ мы достигли какого-то шалаша изъ листьевъ, гдѣ подъ навѣсомъ было разставлено нѣсколько столовъ, имѣющихъ видъ грязныхъ скамей въ провинціальной бойнѣ; освѣщеніе составляли полуразбитые фонари съ тускло догорающими салными свѣчными огарками. Не смотря на такую незатѣливую обстановку ресторана, посѣтителей было множество — все это поочередно восклицало:— „молимъ черно вино“, „молимъ ракіе“, „молимъ рому“, а грязный до отвращенія кафанщикъ (сербъ), такъ называемый „Симонъ“, крайне не торопливо исполняя требованія своихъ гостей, позволялъ себѣ даже нѣкоторую фамиллярность въ обращеніи съ ними, такъ напр. онъ менѣе трезвыхъ офицеровъ, поднося имъ желаемую ракію — потрепывалъ слегка по шеѣ, приговаривая — „лепо господине“ (т. е. хорошо).

Я ожидалъ встрѣтить въ сербахъ что нибудь похожее на насъ, но и это ожиданіе, казалось-бы такое натуральное, — не

оправдалось: по всюду восточная грязь, лѣнь, безпечность и дикость, кафаны такія-же, какія можно встрѣтить въ грязныхъ переулкахъ Константинополя, ихъ обитатели просиживающіе по нѣсколько часовъ съ подобранными подъ себя ногами, за кофе, ничуть не уступали туркамъ, словомъ—та-же Турція. Не менѣе интересно и то, что сербы, говоря о войнѣ, никогда не высказались враждебно къ туркамъ, обнаруживая этимъ какъ-бы нѣкоторую нравственную связь съ ними. Для нихъ, какъ они называютъ „турцы“ казались какими-то пріятелями, истиннѣе русскихъ.

Здѣсь, въ числѣ пирующей полупьяной военной компаніи, было двое статскихъ—вѣроятно корреспондентовъ. Они возмущались рассказомъ офицера, передававшего подробности наказанія розгами волонтера, принадлежащаго будто-бы къ привилегированному сословію, за дерзость своему начальнику. Мы, отчасти заинтересованные такимъ любопытнымъ сообщеніемъ, усѣлись тутъ-же возлѣ нихъ.

— Помилуйте, что это за произволь—наказывать дворянина розгами! Кто имѣетъ право? возмущался корреспондентъ.

— Видите-ли, многое то, что бываетъ невозможнымъ въ мирное время, становится необходимымъ въ военное. Вы согласитесь, что война есть явленіе не нормальное, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое, ради достиженія благихъ цѣлей народовъ и государствъ, слѣдовательно и законы ея строги, исключительны и рѣзки; того-же дворянина, котораго сегодня наказали розгами за дерзость своему бригадному командиру—должны были разстрѣлять, онъ долженъ быть обязанъ только снисхожденію полковника Мепрерадовича, который, не предавая дѣло гласности, приказалъ выпороть.

— Однако вы хорошо разсуждаете, послѣ того никто изъ дворянъ не можетъ быть гарантированъ отъ тѣлеснаго наказанія.

— Вы забудьте слово „дворяне“, здѣсь нѣтъ ихъ. — Есть русскіе волонтеры, обязанные подчиняться, какъ рядовые всѣмъ

взысканіямъ, въ особенности за дерзость во фронтѣ. Жаль только, что мало взыскиваютъ, это первый случай рѣзкаго наказанія; благодаря этимъ порядкамъ у насъ нѣтъ никакой дисциплины, каждый дѣлаетъ, что хочетъ — ни наказанія ни награды! Я первый разъ въ жизни вижу такой произволъ въ арміи, а еще писали, что Черняевъ организаторъ — упаси Боже отъ такой организаціи!

Офицеръ былъ правъ, что наказаніе розгами солдата, за дерзость начальнику во фронтѣ, можетъ даже считаться смягчительной мѣрой, въ особенности въ военное время. Онъ доказывалъ это очень горячо, настаивая на взысканіяхъ, какъ на необходимыхъ пріемахъ въ средѣ буйнаго закала подчиненныхъ, съ чѣмъ и статскій отчасти соглашался, хотя не уступалъ въ самомъ принципѣ наказанія дворянъ розгами.

— Да гдѣ вы тамъ на позиціи будете разбирать его документы, когда поступокъ требуетъ немедленнаго взысканія? спрашивалъ офицеръ.

— Какъ гдѣ? Я думаю можно предать суду, а не самому распоряжаться!

— Какому-же суду? посоветуйте ради Бога! у насъ ихъ не имѣется, кромѣ такъ называемаго Черняевского, которымъ виновные приговариваются къ высылкѣ въ Россію, т. е. не къ наказанію, а наградѣ.

— Неужто-же нѣтъ суда за преступленія?

— Пока вотъ нѣтъ, развѣ въ будущемъ откроется.

Хороша, думаю, организація арміи. Твори что вздумается, отвѣтственности никакой, развѣ произвольная, въ родѣ высылки въ Россію или наказанія розгами. Споръ кончился побѣдой надъ статскимъ. Мы опомнились зачѣмъ пришли и потребовали „черно вино“. Намъ подалъ тотъ-же неряшливый, замазанный сербъ графинъ краснаго вина, похожего скорѣе на мутный, выдохнувшійся квасъ, и нѣсколько немытыхъ стакановъ, съ недопитой еще разной

жидкостью, оставшейся от пресыщенных ушедших уже посетителей. Меня взорвало такое неряшество.

— Какіе ты стаканы подаль, какъ будто помои въ нихъ были.—Эй, Симонъ, молимъ други чаши!

— Скажите батюшка спасибо, что грязные скоро дали, других не дожидетесь.

— Захотѣли вы здѣсь чистоту соблюдать, послѣ не то еще
будетъ—попривыкнете.

— Никогда я не стану привыкать къ грязи, хотя бы мнѣ годы пришлось быть на бивуакѣ. Вѣдь этотъ-же стаканъ можно вымыть и подать чистый.

— Такъ-то такъ, но мы ужъ знаете привыкли ко всему.

— Я и не спорю о ваших привычках, а говорю только, что пить изъ грязныхъ стакановъ не есть неизбѣжность въ нашей жизни, и вообще въ военное время: воду можно всюду найти.

Я не удовольствовался однимъ виномъ, которымъ удовлетворить голодь не представлялось возможности, а потребовалъ что-нибудь мясное, но грязный кафаныщикъ, всемогущій здѣсь по части питательности, довольно хладнокровно отвѣтилъ— „нема господине“!

— Вот видите, ругайте его сколько угодно, ничего не подѣ-
ете, „нема“ и кончено.

— Ну, да чертъ его возьми совѣтъ, нема и не надо.

Послѣ такоу неудачнаго ужина, наша компанія вернулась въ бучу г. В. съ цѣлью играть въ карты. Я собственно принужденъ былъ идти обратно, потому что тамъ оставилъ свои вещи, которыя, по слухамъ, легко могли быть украдены кѣмъ нибудь изъ делиградскихъ обитателей, не признающихъ правъ чужой собственности. Хотя игра въ карты и не требовала особенныхъ условій для исполненія, но на дѣлѣ оказалась нѣсколько затруднительной, во первыхъ—не доставало стола, во вторыхъ, бумаги и карандашей—какъ же записывать ремизы, въ такомъ случаѣ—оставалось отложить до другаго раза, но любезный хозяинъ съ цѣлью отыгаться

помогъ горю: бумагу и карандашъ розыскалъ гдѣ-то въ общемъ хламѣ, а столъ замѣнилъ деревяннымъ ящикомъ, въ которомъ еще такъ недавно хранились драгоцѣнное сало, сыръ и очищенная. Вотъ мы въ четверомъ составили пульку въ проферансъ, а остальная компанія занялась болѣе азартной игрой (банкомъ), если не ошибаюсь на шерметьевскій счетъ, потому что слышны были восклицанія какихъ-то ужасныхъ ставокъ, въ родѣ: „сто рублей очко и двадцать пять абцугъ!“ банкометъ протестовалъ, кричалъ „откройте карту“! ему отвѣчали „десятка“, потомъ слышалось „ваша карта бита“ и затѣмъ общій хохотъ, что ясно доказывало присутствіе замѣчательнаго хладнокровія въ игрѣ, такъ рѣдко встрѣчающагося у людей, играющихъ такими кушами на наличныя деньги. Ну да это и понятно, молодежь играла ради развлеченія, а вотъ жаль, что наша пулька принимала грандіозныя размѣры по милости г. В., желающаго отыграться. Не попросить ли снова отсрочки до завтра, за неимѣніемъ съ собою крупнаго куша, впрочемъ онъ-же дома у себя, слѣдовательно и касса здѣсь, подумалъ я. Ему карта не везла по прежнему, игры если и составлялись, то только ремизныя, словомъ шансовъ на отыгрышъ предвидилось мало; въ концѣ пульки минусъ доходилъ до ста рублей. На этотъ разъ г. В. нашелся: онъ, оставшись кажется на червяхъ безъ трехъ, не находя вѣроятно удобнымъ прибѣгнуть къ чупрійскому разсчету, возмущился такимъ ремизомъ и бросилъ карты, высказавъ нежеланіе продолжать игру.—Помилуйте, да это Богъ знаетъ на что похоже, безъ двухъ, да безъ трехъ! только и знаешь, что курицу ставишь; не дадутъ одну игру сыграть какъ слѣдуетъ. Вы видно задались цѣлью меня ремизить.

— Да, именно, не одного васъ, а каждого, кого будетъ возможно, отвѣтилъ я хладнокровно.

Такая обдуманная выходка произвела на меня отталкивающее впечатлѣніе; я понялъ съ кѣмъ имѣю дѣло, что приличное внушеніе здѣсь неумѣстно и что слѣдуетъ, отказавшись отъ выигрыша, вы-

сказать г-ну В. неблаговидность его поступка въ присутствіи всего общества. На скоро опредѣливъ свою роль, я обратился съ вопросомъ—желаетъ ли онъ окончить игру и рассчитаться?

— Ни въ какомъ случаѣ! я не намѣренъ быть общей жертвой проферанса, и рассчитывать вовсе не нахожу нужнымъ.

— Теперь вотъ кстати скажите, когда намѣреваетесь заплатить мнѣ тѣ восемьдесятъ рублей, которые вы проиграли въ Чупріи?

— Никогда! стану я платить подобный проигрышъ, вотъ еще новость!

— Вы на мои вопросы отвѣчаете серьезно—да?

— Самымъ серьезнымъ тономъ, если угодно, то еще разъ повторяю, что расплачиваться не буду.

— Ну такъ позвольте вамъ заявить, тоже серьезно, въ присутствіи вашихъ товарищей, что вы безчестный человѣкъ, нагло залѣзающій въ чужой карманъ. Теперь я считаю себя вполне удовлетвореннымъ вами.

Не дожидаясь дальнѣйшихъ возраженій со стороны бывшего измайловца В., я собралъ свои вещи и простившись съ остальной компаніей, вышелъ изъ гостепріемной кучи. Хороши, думаю, субъекты, дѣломъ промышляютъ. Не зная вовсе Делиграда, въ такую темную ночь некуда было отправляться искать ночлега, я тутъ-же во дворѣ раскинулъ шинельку, вытащилъ изъ своего походнаго узла подушку и не раздѣваясь улегся на воздухъ. И хорошо, что не въ гостепріемномъ дворцѣ—тамъ отдаетъ какимъ-то убійственнымъ запахомъ, а здѣсь такъ много простора и свободы пользоваться чистымъ воздухомъ.

Всегда обыкновенно первыя впечатлѣнія при новой обстановкѣ жизни составляютъ живой интересъ для мечтателя, — такъ и теперь — незнакомый уголокъ міра, впервые мною обитаемый, множество новыхъ личностей, съ которыми въ эти два три часа довелось уже повстрѣчаться, доносящіеся голоса отдаленнаго пѣнія, говора, крика и лая собакъ, издали виднѣющіеся огни, то поту-

хающіе, то снова ярко мерцающіе, и весь этотъ хаосъ заставлялъ обращать на себя вниманіе, призадумываться, угадывать, предполагать, а въ концѣ утомиться и уснуть крѣпкимъ сномъ. Проснувшись довольно рано, моимъ глазамъ представилась чрезвычайно интересная картина. Кругомъ высокія горы, покрытыя кустарниками, кое гдѣ виднѣлись батареи, выдѣляющіяся своими глиняными брустверами, внизу протекающая Морава съ плоскими берегами, составляющими въ сложности долину, въ которую съ такими усиліями турки пытаются ворваться. Я съ любопытствомъ глядѣлъ на этотъ историческій пейзажъ. Скоро я замѣтилъ, что пунктъ, моей наблюдательности — въ оврагѣ, правѣ главныхъ укрѣпленій не совсѣмъ удобенъ; отсюда не было видно ни расположеніе штаба, ни противоположныхъ высотъ, занимаемыхъ турками, ни общаго вида мѣстности Делиграда. Я собралъ свои пожитки и отправился въ сосѣднюю кучу, занимаемую выходцами изъ Алексинца сербами, въ которой занялся туалетомъ. Хозяйка согласилась приберечь мои вещи, пока найду гдѣ пріютиться и даже взялась выстирать бѣлье, а я одѣлся въ болѣе опрятный костюмъ и отправился въ штабъ.

Взойдя на гору, съ которой вчера любовался иллюминаціей, сегодня увидѣлъ болѣе интересное вообще. Большая площадь, прорѣзываемая почтовой дорогой на Алексинацъ, вся была покрыта наскоро построенными камышевыми бараками, занимаемыми разными штабными канцеляріями, офицерскими помѣщеніями, конюшнями конвоя главнокомандующаго и т. д. Множество подводъ, стоящихъ бивуакомъ съ привязанными къ нимъ лошадьми большею частью обывательскими, пригнанными сюда для разныхъ транспортовъ, покрывали ее, изображая настоящую ярмарку; масса солдатъ, русскихъ и сербовъ, въ большинствѣ пьяныхъ, составляли пестрыя группы бушующаго воинства. Нѣсколько собравшихся торговцевъ, продающихъ кое-что съѣстное и цѣлыя стада барановъ, пригнанныхъ на продажу, занимали часть площади, а въ заключеніе по-

падалось офицерство въ возбужденномъ состояніи, разнообразно вооруженное, увѣшанное пистолетами, одѣтое во что попало, въ жалкомъ и оборванномъ платьѣ. Всѣ эти защитники угнетенныхъ славянъ походили скорѣе на башибузуковъ, чѣмъ на офицеровъ, хотя немного организованной арміи.

Площадь представляла общую картину движущейся массы людей и животныхъ. Въ дали, на болѣе свободномъ пространствѣ, виденъ былъ бѣлый домикъ, занимаемый Черняевымъ, въ лѣво перевязочный пунктъ, помѣщающійся въ бывшей гостиницѣ, а противъ квартиры главнокомандующаго, на чистой нейтральной полянѣ — походная русская церковь. Вокругъ виднѣлись позиціи, занятые непріателемъ и нами, на которыхъ хотя и располагались цѣлыя двѣ арміи, но ничего живаго не было замѣтно, кромѣ густыхъ кустарниковъ. Делиградъ не представляетъ собою правильно построенной крѣпости, — это сильная гористая позиція, раздвоенная Моравой, протекающей у подножья параллельно прилегающихъ высотъ.

Главная квартира располагалась на плоской мѣстности, по сю сторону рѣки — въ центрѣ делиградскихъ укрѣпленій, имѣя назади командующую гору съ нѣсколькими батареями; а по ту сторону Моравы на высокихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ именующихся: Бобовиштами, Шильеговцемъ, Крветомъ и Дюнишемъ, располагалась сербская дѣйствующая армія, лицомъ къ непріятелю.

День былъ свѣтлый, теплый, не уступающій нашимъ майскимъ днямъ; немного познакомившись съ новой мѣстностью, я пошелъ въ кафану. Здѣсь цировало уже множество офицеровъ, громко о чемъ-то спорившихъ. За общимъ со мною столомъ сидѣли два мальчика лѣтъ по четырнадцать, оба одѣтые въ сербскую военную форму, одинъ изъ нихъ похожій на русскаго, очень хорошенькій съ подвязанной рукой, а другой сухощавый, представлялъ скорѣе типъ черногорца или серба. Я, заинтересовавшись этими субъектами, началъ разспрашивать кто они, зачѣмъ пріѣхали и откуда?

— Я съ отцемъ прїѣхалъ изъ Новгорода, а онъ черногорецъ, отвѣтилъ юный рыцарь.

— Чтожь ты уже побывалъ въ сраженіи?

— Нѣтъ, вотъ съ рукой вожусь давно, нельзя идти на позицію!

— А въ руку-то, развѣ не на позиціи раненъ?

— Въ томъ-то и горе, что безъ толку раненъ! офицеръ нашей партіи, тамъ еще на воксалѣ сталъ заряжать револьверъ, а я въ это время стоялъ рядомъ съ нимъ — курокъ какъ-то нечаянно соскочилъ, да и выстрѣлилъ прямо въ руку, такъ вотъ навзлетъ и пронизала! отвѣтилъ мальчикъ со слезами.

Мнѣ его бѣдняжку раненаго стало отъ души жалъ, онъ, не смотря на рану, горѣлъ желаніемъ поскорѣе выздоровѣть и пойти въ дѣло и желалъ этого сознательно, высказывая свою злобу къ туркамъ, преслѣдующимъ вѣру и христіанъ. Вотъ патріотизмъ, подумалъ я, ужъ можно сказать безкорыстный. Жалъ было его юности невинной, этой свѣтлой не испорченной еще крови, которую онъ собирался пролить бесполезно.

— Гдѣ же твой отецъ теперь находится? спросилъ я его, снова.

— На позиціи уже двѣ недѣли.

— Живъ ли онъ еще, не знаешь?

— Не знаю, вотъ поправлюсь и я пойду съ турками драться!

— Какъ тебя матушка согласилась отпустить сюда, не пожалѣла?

— Ее у меня нѣтъ давно уже, съ однимъ только батюшкой остался, да и того должно быть скоро убьютъ!

— Почему-же ты думаешь, что его убьютъ непременно?

— Да такъ мнѣ кажется, — грустно отвѣчалъ мальчикъ.

Съ черногорцемъ я не вступалъ въ разговоръ, полагая что онъ не знаетъ русскаго языка. Офицеры рассказывали, что на дняхъ этотъ герой принесъ въ штабъ отрубленную турецкую голову, имѣ

самимъ или просто найденную — неизвѣстно, и очень обидѣлся на начальство, не наградившее его медалью за „храбрость“.

Мальчики ушли, а я присоединился къ ораторамъ, горячо спорившимъ о подвигѣ какого-то полковника Месвѣдовскаго.

— Да ты что его защищаешь? развѣ не знаешь, какъ онъ исчезъ во мракѣ ночи во время боя?

— Я вовсе не защищаю, а говорю только, что всякій начальникъ позиціи во время боя не долженъ подвергаться явной опасности. На немъ вѣдь большая отвѣтственность, онъ по неволѣ долженъ находиться внѣ выстрѣловъ, на такой мѣстности, съ которой удобно слѣдить за ходомъ сраженія.

— Ты слышалъ звонъ, да не знаешь гдѣ онъ. Ну, скажите Бога ради, какая тамъ мѣстность, съ которой видно сраженіе, когда онъ просто на просто сидѣлъ въ оврагѣ за кустомъ, предоставивъ случаю весь исходъ дѣла, и только послѣ прекращенія огня показался на земной поверхности.

— Да вѣдь я не утверждаю, а повторяю то, что мнѣ говорили другіе.

— Такъ бы ты и сказалъ сначала. Значить подробностей не знаешь?

— Нѣтъ.

— Ну, это дѣло десятое. Послушайте, господа, я вамъ расскажу, ха, ха, ха, — ей Богу, это интересно. — Ну, слушайте-же, чего орете! Надо вамъ сказать, что полковникъ Месвѣдовскій...

— Какой полковникъ?

— Да Месвѣдовскій-же, бывшій гвардеецъ.

— А, а, а, знаю.

— Ну вотъ, слава Богу, понялъ. Вотъ этотъ самый Месвѣдовскій, командующій отрядомъ на Криветѣ, передъ боемъ 16-го сентября, обратился къ своимъ баталіонамъ съ такой рѣчью:

„Ребята! для того чтобы вы могли отличить меня въ бою, я одѣну бѣлую шапку; — на нее смотрите и дружно идите впередъ!“

— А когда началась сильная перестрѣлка, то Месвѣдовскій исчезъ куда-то и не показывался все время. Солдаты-же, не видя бѣлой шапки впереди, изъ наступленія обратились въ поспѣшное бѣгство и потерпѣли полное пораженіе. Послѣ пріятели Месвѣдовскаго рассказывали будто онъ не говорилъ ничего подобнаго своему отряду, но я въ этомъ случаѣ больше вѣрю собственнымъ ушамъ и глазамъ.

— Вотъ каковы полководцы здѣшніе. Я представился офицерамъ, которые принявъ меня вѣроятно за штабнаго, прекратили разговоръ, и тотъ-же ораторъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, называя капитаномъ,— не знаю уже по какому случаю *).

— Вы капитанъ при штабѣ состоите?

— Нѣтъ, я только вчера пріѣхалъ изъ Бѣлграда, въ штабъ еще и не являлся.

— Такъ вы значить изъ Россіи? Ну что тамъ новенькаго? Скоро-ли будутъ здѣсь русскія войска?

— Ничего особеннаго. Всѣ ожидаютъ войны, приготовляются къ ней; что-же касается движенія русскихъ войскъ въ Сербію, то ничего не слышно. Вотъ скажите лучше, что у васъ новенькаго?

— У насъ много кое чего, всего и не вспомнишь, а поживете сами увидите. Одно горе, что турки насъ крѣпко вздуваютъ.

— А развѣ очень бьютъ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Да, очень! только жаль, что больше бьютъ исключительно русскихъ.

— Почему-же только русскихъ? вѣдь сербы составляютъ главную массу.

— Сербь-то сербы, но они трусы, какъ только опасность, такъ сейчасъ удираютъ натрагъ.

*) Въ Делиградѣ только штабные одѣвались болѣе опрятно—всѣ-же остальные походили на нищихъ, такъ что каждаго новаго человѣка, одѣтаго прилично, принимали за штабнаго.

— На какой трагъ удирають?

— Да вы кажется капитанъ не знакомы еще съ сербскимъ языкомъ? „Натрагъ“ — значить назадъ.

— Помилуйте, развѣ они такіе трусы, вѣдь это воинственный народъ, про нихъ пишутъ русскія газеты какъ про героев.

— Я не знаю, что тамъ у васъ пишутъ. Самъ я команду ротой, а подъ часъ и баталіономъ, вожу впередъ и они идутъ подъ пулями, пока не увидятъ турокъ. Чуть фески показались — конечно, все удираетъ натрагъ еле силъ и ихъ ничѣмъ не оставишь, ни командой, ни угрозою, бѣгутъ безъ оглядки.

— Скажите пожалуйста, какимъ же образомъ воевать съ такими солдатами?

— Я бы самъ просилъ васъ отвѣтить на этотъ вопросъ. — Вотъ еще что имѣйте въ виду, — если хотите миновать сербскую пулю, то какъ только повернули натрагъ, такъ и вы давай Богъ ноги за командой, а то они подчасъ и отстрѣливаются, того и смотри, что своя задѣнетъ.

— Помилуйте, вѣдь существуетъ дисциплина, приказаніе начальника, за неисполненіе котораго въ военное время солдатъ разстрѣливаютъ.

— Да, существуетъ! только не здѣсь, а въ организованныхъ арміяхъ.

— Ну, да! Здѣсь вѣдь армія организована, насколько возможно, — почему-же не существуетъ наказаній за побѣги?

— Потому и не существуетъ, что она неорганизована — все предоставлено случаю, который, какъ вамъ извѣстно, не всегда удается; тамъ гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни указаній, откуда-же взяться дисциплинѣ — посудите.

— Я не зналъ, что у васъ ни правилъ, ни указаній. Но во всякомъ случаѣ, если, какъ вы говорите, войска бѣгаютъ натрагъ, то почему-же русскихъ бьютъ много?

— По очень простой причинѣ. Русскіе большею частью рас-
предѣляются въ перемежку съ сербами. Они въ бою стойки, идутъ
съ своими офицерами впередъ одни, безъ всякаго подкрѣпленія,
ну и бьютъ ихъ бесполезно.

— Въ такомъ случаѣ почему-же не дѣйствуютъ отдѣльными
русскими частями. Вѣдь есть-же два баталіона: Черняевскій и
княгини Наталіи.

— Вы, капитанъ, прекрасно возражаете, а вотъ увидите Богъ
дастъ на дѣлѣ, тогда другое скажете.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите пожалуйста, — русскіе стойки въ
огнѣ? хорошо дерутся?

— Они-то и перебиты на половину 16-го сентября; теперь
вотъ новенькими пополняютъ. — Видно не трусы, жаль только, что
гибнуть бесполезно.

— Васъ просто не поймешь! прежде доказывали, что русскіе
храбро идутъ впередъ, что отлично дерутся, что гибнетъ ихъ
немало, а потомъ вдругъ утверждаете, что бесполезно.

— Если вы не понимаете такихъ простыхъ вещей, то из-
вольте, я вамъ объясню еще яснѣе. Русскихъ сравнительно здѣсь
немного, ихъ въ разное время прибыло около восьми тысячъ, зна-
чить, одновременно участвуетъ въ бою какихъ нибудь двѣ ты-
сячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, ну двѣ съ половиною самое
большое; и этой горсти приходится подъ часъ отстаивать почти
всю боевую линію, драться нѣсколько часовъ противъ въ двадцать
разъ сильнѣйшаго непріятеля: понятно, что изъ строя выбываетъ
большая часть. Вотъ, наприм. хотя-бы 16-го, убилъ русскихъ
больше половины. Теперь-то и наши стали умнѣе, за частую по-
чище сербовъ удираютъ натрагъ.

Мой собесѣдникъ, по наружности офицеръ весьма солидный и

преданный дѣлу, составлялъ живой интересъ для всякаго новичка, вѣдающаго истину лишь по газетамъ, но мнѣ пора было идти къ начальству — не до разговоровъ, когда нужно являться главнокомандующему.

Штабъ и эскадронъ.

Какъ и всегда передъ представленіемъ кому нибудь изъ высшихъ властей, овладѣваетъ какое-то безпокойное чувство человѣкомъ, такъ и мною теперь. Я безпокоился, предполагалъ, воображалъ и не замѣчая, приближался къ штабу. Штабный домикъ, огражденный деревяннымъ заборомъ съ двумя сквозными воротами, обвитыми листьями, а на верху ихъ съ изображеніемъ вензеля князя Милана, казался очень привлекательнымъ издали. У воротъ стояли парные часовые. Судя по этимъ представителямъ сербской арміи, можно было составить объ ней самое жалкое понятіе. Часовые были одѣты въ истрепанныя, безъ подкладки, синія шинели, бѣлыя холщевыя штанишки (вмѣстѣ исполняющія назначеніе и невыразимыхъ, потому что были лишь однѣ), подпоясанныя ремнемъ, на которомъ небрежно болтался патронташъ, на подобіе стараго коженнаго кисета, обутые въ лапти, подвязанные старой веревкой, концы которой болтались вмѣстѣ съ высунувшимися онучьями, вооруженные ружьями древней системы, заряжающимися съ дула (въ сербской арміи одна четвертая часть имѣютъ ружья, заряжающіяся съ казенной части и то передѣланныя изъ гладкоствольныхъ), въ складныхъ суконныхъ сербскихъ шапочкахъ, на подобіе гарибальди. Сквозь не застегнутыя на всѣ пуговицы шинели, проглядывала грязная изорванная рубаха, такъ что при физически изнуренномъ видѣ и какомъ-то апатичномъ взглядѣ, они походили на нищихъ, выпрашивающихъ у воротъ кусокъ хлѣба; однѣ только

ружья въ ихъ рукахъ нѣсколько разубѣждали въ такомъ предположеніи. Эта почетная стража не обращала никакого вниманія на мимо проходящихъ офицеровъ, а только изрѣдка брала ружья на плечо, передъ знакомымъ въ лице начальствомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, можно было заключить. Если отдають воинскую честь одному изъ десяти проходящихъ, то значить знаютъ этого десятого — не иначе. Впрочемъ эти десятые, на сколько могъ я замѣтить, были сербы.

Вокругъ забора и на воротахъ красовалось множество развѣвующихся флаговъ, трехцвѣтныхъ, славянскихъ, а на домикѣ штаба, какъ разъ на срединѣ, изображенъ былъ сербскій королевскій гербъ. Войдя во дворъ, я замѣтилъ на крыльцѣ нѣсколькихъ стоящихъ офицеровъ, передъ которыми одинъ сидѣлъ на стулѣ. Этотъ молодой человѣкъ въ очкахъ, въ сербской военной формѣ съ кавказской пашкой черезъ плечо и серебряной медалью за храбрость, по моему предположенію былъ вѣроятно дежурный ординарецъ главнокомандующаго, къ которому я и обратился съ вопросомъ:

— Вы дежурный офицеръ г-ла Черняева?

— Да, къ вашимъ услугамъ, что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ волонтеромъ изъ Россіи, желаю представиться генералу.

— Онъ теперь занятъ и не скоро будетъ свободенъ, доложить объ васъ никакъ не могу. Вы вѣроятно будете представляться въ четыре часа, вмѣстѣ съ прибывшими добровольцами.

— Я пріѣхалъ внѣ партіи, зачѣмъ же мнѣ съ ними представляться? Лучше скажите, когда удобнѣе одному представиться.

— Не знаю! Впрочемъ навѣдайтесь часа въ четыре.

Во время нашего разговора изъ корридора выглянулъ какой-то штабъ-офицеръ съ длинными рыжими усами и весьма важной фізіономіей; при его появленіи ординарецъ всталъ, а остальное офицерство, вытянувшись въ струнку и состроивъ заискивающія лица, почтительно поклонилось; штабъ-офицеръ начальнически взгля-

нувъ на своихъ подчиненныхъ, кивнулъ слегка головою, потомъ обратившись съ какимъ-то вопросомъ къ ординарцу, крикнулъ „кавалериста спросите“ и исчезъ. Послѣ я узналъ, что это былъ помощникъ начальника штаба, полковникъ Монтеверде.

Многимъ вѣроятно извѣстна прежняя біографія этого дѣятеля, выгнаннаго изъ русскаго гусарскаго полка за картежную продѣлку еще въ молодости, а потому ограничусь высказаннымъ. — Во всякомъ случаѣ, что было — то прошло, — здѣсь онъ исправляющій должность начальника штаба дѣйствующей моравской арміи, такъ сказать правая рука Черняева и главный кассиръ славянскихъ крохъ. Не добившись свиданія съ главнокомандующимъ, я отправился къ начальнику штаба, которымъ былъ тогда Комаровъ.

Онъ помѣщался въ маленькомъ деревянномъ баракѣ позади штаба, рядомъ съ телеграфомъ. Въ крошечной передней встрѣтилъ меня дежурный офицеръ (сербъ). Тутъ-же дожидались еще другіе два офицера, очень недовольные томленіемъ. Я первый обратился къ сербу.

— Доложите пожалуйста обо мнѣ г-лу Комарову.

— Вы есте русскій?

— Да, русскій доброволецъ, желаю представиться начальнику штаба.

— Онъ теперь ручаетъ (обѣдаетъ) съ генераломъ Дандевилемъ. Молимъ васъ, почекайте господине.

Я усѣлся. — Вотъ, чертъ его возьми, обратился ко мнѣ ожидающій офицеръ: приходится два часа ожидать этого кукольнаго представленія! то кушаетъ, то занимается, то отдыхаетъ. Хорошо нуждаются въ офицерахъ, нечего сказать. Вотъ три недѣли болтаюсь голодный по Делиграду безъ назначенія и безъ денегъ, а тутъ еще эти дурачкія представленія, очень они нужны!

Вотъ, думаю, безцеремонность какая! Я предполагалъ въ немъ кавалериста по костюму. — Вы кавалеристъ? обратился я съ вопросомъ.

— Да! кавалеристъ, верхомъ на палкѣ.

— То есть какъ это верхомъ на палкѣ? Я васъ спрашиваю кавалерійскій ли вы офицеръ?

— Да, кавалерійскій, въ Россіи, а здѣсь кавалеристъ верхомъ на палкѣ, потому что не на чемъ больше ѣздить!

Признаюсь, такая ѣзда мнѣ не совсѣмъ понравилась.

— А вы развѣ кавалеристъ? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Боюсь сознаваться, чтобы не очутиться въ вашемъ положеніи.

— Э, батюшка, здѣсь кавалеріи много. Вотъ пробудете недѣльки двѣ на позиціи, у васъ она заведется цѣлыми эскадронами!

Во время нашего комичнаго разговора, изъ комнаты вышла сухощавая маленькаго роста рыжая фигурка, одѣтая въ коричневую блузу съ золотымъ воротникомъ и, не обращая на насъ вниманія, спросивъ что то у сербскаго офицера, обратно вернулась въ комнату. Это былъ Комаровъ. Намъ наконецъ надобло ожиданіе—мы общими силами пристали къ сербу.

— Да доложите-же пожалуйста начальнику штаба, неужели мы должны тутъ сидѣть цѣлый день?

— Онъ ручаетъ, не можемъ ему казати объ васъ! отвѣчалъ сербъ хладнокровно.

— Вы только доложите, а тамъ ручаетъ ли онъ, или нѣтъ, это предоставте ему самому.

Офицеръ записалъ на клочекъ бумаги наши фамиліи и, осторожно пріотворивъ дверь, вошелъ въ комнату, а чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ приглашеніемъ войти и намъ.

Мы плавно, одинъ за другимъ, вошли въ пріемную и выстроились въ одну шеренгу.

Ко мнѣ первому подошелъ начальникъ штаба, спросилъ фамилію и поздоровавшись съ остальными, обратился съ вопросомъ ко мнѣ-же.

— Вы куда желаете поступить на службу—въ пѣхоту или кавалерію?

— Если здѣсь существуетъ регулярная кавалерія, то я, какъ кавалеристъ, желалъ-бы служить въ ней, ваше превосходительство!

— Въ такомъ случаѣ явитесь къ командиру полка полковнику Шевичу и скажите что я васъ прислалъ въ его распоряженіе. У него уже сформированъ одинъ эскадронъ королевы Натальи, въ который васъ и зачислятъ.

Пожавъ на прощанье превосходительную руку, я отправился розыскивать командира не существующаго полка, который тутъ-же возлѣ штаба помѣщался въ одномъ изъ бараковъ, — кстати онъ былъ дома.

— Начальникъ главнаго штаба прислалъ меня въ ваше распоряженіе, г-нъ полковникъ, — имѣю честь представиться — такой-то. Отрапортовалъ я форменно.

— Очень пріятно познакомиться, милости просимъ садитесь. Вы знаете, что я въ своемъ положеніи поставленъ въ невыносимую роль, просто не знаю, что дѣлать: считаюсь командиромъ не существующаго полка; въ мое распоряженіе присылаютъ множество офицеровъ, которыхъ я положительно не знаю, куда дѣвать. Ну, напримѣръ — хотя бы съ вами, вы вѣдь рьяный кавалеристъ, не имѣющій ни лошади, ни сѣдла, желаете служить въ кавалеріи. Въ какой же? сами посудите! положимъ, что вамъ выдадутъ все это казенное, но будете-ли вы довольны не выѣзженной лошадію и пресквернымъ сѣдломъ, на которомъ десяти верстъ не проѣдешь безъ приключеній. Того и гляди, что подируга или стремя оборвется.

— Чтожъ дѣлать, полковникъ, нужно хотя относительно опредѣлить свое положеніе, а тамъ какъ нибудь устроюсь.

— Г-нъ адъютантъ, потрудитесь написать имъ записку въ эскадронъ на полученіе лошади и сѣдла, и отдать сегодня въ полковомъ приказѣ объ ихъ зачисленіи.

— Слушаю-сь!

— Позвольте узнать вашъ чинъ?

— Отставной юнкеръ.

— Какъ-же это? здѣсь юнкеровъ нѣтъ.

— Все равно, перебилъ полковникъ, пишите подпоручикъ.

— Какимъ-же образомъ, полковникъ? вѣдь они не офицеръ!

— Да знаетъ службу, все равно!

— Слушаю-съ!

Адъютантъ поспѣшно написалъ записку и вручилъ мнѣ.

— Вотъ съ этой запиской явитесь вы къ эскадронному командиру капитану Машкевичу, который вамъ устроить, что будетъ нужно.

— А позвольте узнать, гдѣ расположенъ эскадронъ?

— Развѣ вы не знаете?—Когда выйдете за триумфальныя ворота, то по лѣвую сторону шоссе, въ лѣсу, на горѣ увидите бараки и лошадей; тамъ вотъ и располагается эскадронъ.

Противившись съ начальствомъ, довольный производствомъ въ офицеры, да еще сразу въ подпоручики, я отправился по назначенію. Проходя между штабными бараками, я встрѣтилъ Комарова. Кстати, думаю, спрошу-ка у него на счетъ представленія Черняеву, можетъ быть можно обойтись и безъ того.

— Позвольте узнать, ваше превосходительство, нужно-ли представляться главнокомандующему?

— Конечно нужно!

— Когда же это удобнѣе?

— Такъ послѣ обѣда, часа въ четыре.

Должно быть, это свободный часъ Черняева — что всѣ совѣтуютъ въ четыре.

Я ускоренными шагами отправился пока въ эскадронъ. Дойдя до перевязочнаго пункта, вижу, что поближе къ лѣсу на самомъ шоссе сооружены какія то высокія зеленныя ворота, въ родѣ триумфальныхъ, обвитыя листьями, съ надписями на верху, большими выкрашенными буквами; тутъ же стояли двое дремлющихъ часовыхъ. Подойдя ближе, читаю слѣдующія три надписи, по сре-

динѣ, „живіо сръбски краль“, съ лѣвой стороны, „живила сръбска войска“, съ правой, „живіо сръбски народъ“ и на оборотной сторонѣ такіа же три, только другаго содержанія: въ честь королевы, королевича и королевства. Изъ этого я понялъ, что ворота сооружены въ день провозглашенія королемъ князя Милана. Въ запискѣ, которую мнѣ выдалъ полковникъ Ш. значилось, что зачисляюсь подпоручикомъ въ эскадронъ Ея Величества, королевы Наталіи. Словомъ, въ Делиградѣ королевство существовало не на шутку — ну, да и въ подпоручики произведенъ я то же вѣдь не на шутку.

Долго блуждая по лѣсу, наконецъ нашелъ эскадронъ. Здѣсь, у разбитыхъ коновязей, солдаты убирали и сѣдлали лошадей, собираясь вѣроятно выступить на ученіе. Споры, крики и ругань нижнихъ чиновъ сливались въ общее нѣчто похожее на бушующую орду башибозуковъ. Одинъ вырывалъ изъ рукъ у другаго какой то ремень, доказывая свои право имъ владѣть, другой снималъ у чужой лошади мундштукъ и надѣвалъ на свою, а та, засѣдланная, мчалась „одна въ поле далеко“, третій снималъ съ дерева висѣвшую чужую аммуницію, и застигнутый въ расплохъ вступалъ въ отчаянную драку съ законнымъ ея собственникомъ, четвертый (юноша) рыдая съ вьюкомъ въ рукахъ ходилъ кругомъ своей лошади, не допускающей себя засѣдлать, пятый, вѣроятно пѣхотинецъ, возился съ мундштукомъ, не находя возможности вдѣть въ ротъ упрямой, стиснувшей зубы лошади и, удерживаясь лѣвой рукой за загривокъ ее, бѣгалъ въ различныхъ направленіяхъ, увлекаемый рѣзкими вздергиваніями головы капризнаго животнаго. Словомъ орда настоящая, названная эскадрономъ королевы Наталіи.

— Послушай-ка, братецъ, гдѣ у васъ здѣсь баракъ эскадроннаго командира? обратился я къ солдату.

— Здѣсь, пожалуйста ваше благородіе! Вотъ ихній вѣстовой васъ доведетъ.

— Они еще изволятъ отдыхать, ваше благородіе.

— Ничего, пускай отдыхаютъ, я подожду.

— Спиридонъ, живо! закричалъ кто-то въ баракъ охриплымъ голосомъ и деньщикъ опрометью бросился бѣжать на зовъ. Спустя нѣсколько минутъ, тотъ-же Спиридонъ вернулся съ приглашеніемъ: ваше благородіе, пожалуйте къ маіору! Я вошелъ въ баракъ, посреди котораго стоялъ въ выжидающей позѣ высокій, лѣтъ сорока пяти мужчина, съ длинной бородой, краснымъ багроваго цвѣта лицомъ, въ грязной разтегнутой рубашкѣ, сѣрыхъ панталонахъ и длинныхъ со шпорами сапогахъ, передъ нимъ на маленькомъ сундукѣ, замѣняющемъ столъ, помѣщалась бутылка съ недопитымъ ромомъ, полуисохшій кусокъ бѣлаго хлѣба и небольшой кусокъ холодной баранины.

— Зачисленный во вѣранный вамъ эскадронъ, имѣю честь рекомендоваться, подпоручикъ такой-то — отчеканилъ я безъ запинки.

— Очень пріятно съ вами познакомиться. Я вамъ батюшка доложу, здѣсь такіа сплетни и гадости, что просто не знаешь, что дѣлать! Начальства масса, а толку никакого; составили эскадронъ въ Бѣлградѣ изъ мальчишекъ, ничего незнающихъ, да какихъ-то старыхъ отставныхъ пьяницъ, посадили на молодыхъ, неѣзженныхъ лошадей и привели сюда. Ни правъ, ни обязанностей нижнихъ чиновъ, ни дисциплины, ничего не знаютъ. Теперъ чуть чѣмъ кто-нибудь недоволенъ, бросаетъ во фронтъ все и уходитъ, дѣлай что хочешь, — чертъ васъ, говоритъ, побери! Я волонтеръ, дворянинъ, нѣтъ вамъ дѣла до меня: хочу служу по своей волѣ, а не захочу — не заставите. Посудите сами, развѣ это возможно? Что вы подѣлаете съ такимъ войскомъ.

— Вѣдь вы маіоръ сами можете завести нѣкоторую дисциплину! Ваши права въ военное время гораздо шире, наконецъ можно жаловаться начальству и требовать суда за неповиновеніе!

— Какое тамъ шире! Видите-ли, я иногда люблю выпить, нѣкоторые офицеры тоже не прочь, выпьемъ и пошла катавасія, споры да ссоры, а солдаты себѣ на умъ, — начальство, говорятъ

пьянствуетъ, ну и намъ значить можно, такъ вотъ весь эскадронъ перепьется и что ни приказывай—никакихъ....

— Въ такомъ случаѣ, извините за откровенность, но по моему, вы главный виновникъ безпорядковъ въ эскадронѣ, съ васъ берутъ примѣръ всѣ подчиненные.

— Виновать, голубчикъ, это правда, да что же дѣлать? грѣшный человѣкъ!—Выпьемъ-ка по рюмочкѣ, пока судъ да дѣло.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ нужно еще представляться главнокомандующему.

— А не хотите-ли полюбоваться нашимъ ученьемъ. Я вамъ прикажу засѣдлатъ лошадку.

— Если возмете, то съ большимъ удовольствіемъ.

— Тамъ изъ заводныхъ, которая понравится, ту и прикажите засѣдлатъ.

Я выбралъ повидимому шуструю лошадку, но совсѣмъ еще дикую, которую съ большимъ трудомъ засѣдлали. Лошадь оказалась до того упряма, что не смотря даже на мои кавалерійскіе приемы, съ ней трудно было сладить и только послѣ вынужденнаго участія шпоръ и хлыста, пошла наконецъ впередъ, вздернувъ при этомъ нѣсколько разъ головою такъ сильно и неожиданно, что я съ трудомъ удержался на этой австрійской клячѣ.

Жара была страшная. Эскадронъ, выступившій на ученье съ права—по три, представлялъ собою какъ будто-бы организованную часть, но когда на учебномъ плацу эскадронный командиръ скомандовалъ „строй—взводы“, то изъ эскадрона по три образовался скученный табунъ лошадей, перепуганныхъ приближающейся стаею голодныхъ волковъ. Весь онъ спутался, всадники дергали поводьями, шпорили коней, кричали—„ну“, лошади ржали, фыркали, дрались одна съ другой, выбивая изъ сѣдла удалыхъ наѣздниковъ, взвизгивающихъ отъ страха при паденіи.

— Ахъ вы мерзавцы, ослы! стройте-же взводы мммаршъ!

Неучи!... Г-да офицеры! на что это похоже? постройте ваши взводы!

Все эти крики эскадронного командира оставались голосомъ вопиющаго въ пустынь, офицерство, служившее до сего времени Богъ знаетъ въ какихъ вѣдомствахъ, незнающіе вовсе кавалерійскаго строя, не могло помочь горю въ данную минуту — при томъ оно было бессильно посреди спутанныхъ полудикихъ лошадей, метавшихся въ разныя стороны.

— Да не стойте-же вы, каналы! — Строй взводы, мимаршъ!

Но ничего не выходило. Еще крики и ругань, наконецъ благо-разумная команда „слѣзай“ и „разводи по мѣстамъ“. — Кое какъ выстроили фронтъ и снова раздалась команда „садись“.

Командиръ, потерявшій голову отъ выпитаго рому передъ ученіемъ, неслишкомъ свѣдушій по части устава, путалъ все ученіе, придерживаясь преимущественно пѣшаго строя, потому что въ конномъ, какъ онъ выражался, — никакихъ....

Я признаюсь, смотря на эту команду и едва справляясь съ упрямою лошадью, какихъ было большинство въ эскадронѣ, вывелъ заключеніе, что идти въ дѣло съ такою лейбъ-кавалеріей, по меньшей мѣрѣ неблагоприятно. Непріятель однимъ взводомъ башибозуковъ или черкесовъ опрокинетъ такой фронтъ, въ отдѣльных-же разъѣздахъ и рекогносцировкахъ подобная орда тоже не пригодна; чтобы обучить ее и приготовить къ бою, нужно время и дѣльные офицеры, а тутъ-то въ этомъ и затрудненіе. Командиръ потерялъ голосъ и ученіе само собою прекратилось, лейбъ-кавалерія уже не по три, а въ разбродъ — партизанскимъ фронтомъ возвращалась къ своимъ баракамъ, множество всадниковъ, потерявшихъ равновѣсіе, тянулось пѣшкомъ позади этого комичнаго войска, протирая глаза и ротъ, отъ чрезмѣрнаго количества земли, попавшей туда во время неудачнаго паденія съ коня.

— Назначте мнѣ пожалуйста какую нибудь постоянную лошадь — я постараюсь ее выѣздить къ походу на сколько возможно, а то вѣдь во фронтѣ ничего не подѣлаешь на полудикой клячѣ, обратился я къ ѣхавшему рядомъ командиру.

— Сдѣлайте одолженіе, я вамъ назначу какую хотите. — Ну что, какъ эскадронъ то мой учился?

— Вы мнѣ позволите отвѣтить откровенно?

— Потому-то я васъ и спрашиваю, что надѣюсь на откровенность.

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь вашему риску брать на себя отвѣтственность вести его въ дѣло въ такомъ видѣ.

— Здѣсь, батюшка, чертъ толку не добьется, ни въ чемъ. Я пишу рапорты, отношенія, требованія и на все никакого отвѣта; управляйся какъ знаешь, а тутъ еще пьянство поголовное завелось — махнешь рукой на все и самъ за одно налижешься! вотъ нехотите-ли теперь завернемъ ко мнѣ на минутку — пропустимъ съ горя по одной. Ну ихъ совсѣмъ, не стоитъ принимать близко къ сердцу.

— Благодарю васъ за любезность, но мнѣ теперь нѣкогда — нужно еще въ штабъ явиться.

Раскланявшись съ командиромъ и передавъ вѣстовому свою лошадь, я подошелъ къ офицерскому шалашу, у котораго собралась вся эскадронная семья и, какъ вновь прибывшій со, служивецъ, представился каждому изъ офицеровъ.

— Ну что, каковъ нашъ эскадронный командиръ?

— Да я имъ господа просто очарованъ — любезенъ какъ нельзя больше.

— Вы давно-ли его знаете?

— Пока только, первый день.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины, такъ и теперь, — любезенъ, потому что мы всѣ заявили полковому командиру нежеланіе оставаться подъ командой этого пьяницы, что конечно не пройдетъ безслѣдно,

вотъ онъ и любезенъ, а то посмотрѣли-бы вы его прежде, пока держался покрѣпче, тогда пожалуй и въ первый разъ онъ бы васъ принялъ не такъ любезно. Это выгнанный маіоръ за пьянство изъ пограничной стражи, долженъ всему эскадрону, кому дукать, кому два, почти каждому солдату, о службѣ понятія не имѣть и кромѣ того вѣчно пьянъ—на ногахъ чуть держится.

— А кого-же вы думаете лучшаго вамъ дадутъ?

— Мы желаемъ, чтобы назначили нашего сослуживца ротмистра Таля, онъ кажется отставной гродненскій гусарь, отличный малый—хотите я васъ съ нимъ познакомлю.

— Отчего-же, съ большимъ удовольствіемъ.

Меня представили будущему командиру, который симпатичной наружностью, хотя и располагалъ въ свою пользу, но какъ офицеръ, казался не богатой находкой для молодого эскадрона—деликатный, съ свѣтскими манерами, обращающійся съ солдатами также, какъ съ дамами въ гостиной, далеко не удовлетворялъ тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ боевого офицера въ военное время. Онъ, проходя съ ними по эскадрону, и толкнувъ нечаянно ногой убивающаго лошадь солдата, извинился словами—„ахъ, виновать, простите“, правда, что вѣжливость есть коренная черта всякаго образованнаго человѣка, но не всегда въ одинаковой формѣ она выражается, а здѣсь именно и требовалось выразить ее въ другой формѣ.

Не много ознакомившись съ эскадрономъ, я раскланялся съ офицерствомъ съ цѣлю заняться устройствомъ остальныхъ дѣлишекъ.

— Пойдите, куда вы! еще успѣете, останьтесь вмѣстѣ отобѣдаемъ.

— Нѣтъ благодарю васъ, я уже въ штабъ чѣмъ нибудь питаюсь, а пока до свиданья.

— Являйтесь же батюшка поскорѣе, мы вѣдь уходимъ кажется къ Зайчару.

— Какъ только явлюсь начальству, такъ сейчасъ-же къ вамъ на службу.

Въ штабѣ я засталъ того-же ординарца.

— Позвольте узнать, что теперь можно обо мнѣ доложить главнокомандующему?

— Нѣтъ, нельзя, только что отобѣдали. Вамъ придется дожидаться, пока подадутъ ему коляску ѣхать на позицію, когда онъ выйдетъ, тогда и представитесь. Кстати и донцовъ будетъ смотрѣть въ тоже время.

— Много-ли ихъ сюда прибыло?

— Какое тамъ много! говорятъ семьдесятъ человѣкъ всего!

— Только, это слабая поддержка для кавалеріи!

— Вы давно-ли изъ Россіи?

— Около трехъ недѣль уже.

— А я батюшка два мѣсяца здѣсь прозябаю.

— Вы, кажется, личнымъ ординарцемъ у генерала?

— Да! я съ тѣмъ и ѣхалъ.

Офицеры безпрестанно шныряли за разными дѣлами, нѣкоторые изъ нихъ обращались къ штабнымъ съ вопросами, подобными мнѣ, когда можно видѣться съ генераломъ — то съ начальникомъ штаба, а свободные отъ службы ординарцы старались казаться начальствомъ. Одинъ изъ нихъ обратился къ ожидающему офицеру.

— Вамъ что угодно?

— Я желаю видѣть главнокомандующаго.

— По какому дѣлу?

— Имѣю личную къ нему просьбу.

— Генераль теперь занятъ, а докладывать я не стану.

— Помилуйте, неужели же онъ вѣчно занятъ, я уже третій день хожу и не могу добиться свиданія. Вѣдь не могу-же я обращаться къ кому попало, онъ главнокомандующій, обязанъ входить въ наши нужды, на позиціи ѣсть нѣчего, за два мѣсяца гроша доманого не получилъ въ счетъ жалованья, и тутъ еще не смѣи

обращаться ни къ кому, отовсюду гоняють какъ собаку, произволь да и только!

— Вы не позволяйте себѣ разсуждать много, а то я обращусь къ полковнику Монтеверде, онъ васъ скоро уйметъ.

— Эка испугали, ну обращайтесь!

Ординарецъ ускользнулъ куда-то, а чрезъ нѣсколько минутъ выскочилъ Монтеверде.

— Какъ вы смѣете здѣсь разсуждать! я васъ арестую! закричалъ онъ на офицера.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, куда угодно.

— Отправить его сейчасъ-же въ крѣпость! *) и посадить въ блиндажъ!

Усердные исполнители предложили виновнику идти на казенную квартиру.

— Съ удовольствіемъ, очень радъ! по крайней мѣрѣ голодать не буду, все таки лучше чѣмъ на позиціи.

Я не совсѣмъ остался доволенъ такимъ обращеніемъ съ офицерами и вывелъ заключеніе, что вѣроятно не особенно нуждаются въ послѣднихъ. Если-же не нуждаются, жалованья имъ не платять, чрезъ два дня въ третій питають холодной бараниной, словомъ не входятъ въ ихъ положеніе, то куда-же въ такомъ случаѣ расходуются русскіе милліоны, пожертвованные для этой благой цѣли?

Въ небольшомъ штабномъ дворикѣ собралось множество ординарцевъ верхами и разнаго свитскаго офицерства, между которыми былъ и герой Пушкинъ, гарцующій на конѣ передъ увядшей уже розой, м-мъ Монтеверде, сидящей у раствореннаго окна, не-

*) Крѣпостью здѣсь считалась главная батарея названная «укрѣпленіемъ Милана», которая предназначалась для обстрѣливанія моравской долины, въ случаѣ вторженія турокъ со стороны Бобовишть. Вотъ на ней были выстроены землянки, такъ называемые «блиндажи», куда помѣщали арестованныхъ офицеровъ и пленныхъ турокъ, не выѣсть—а врознь.

менѣе отважный Шахъ-Назаровъ, изрубившій недавно въ одной изъ нашихъ газетъ пятнадцать черкесовъ безпощадно, при чемъ отбилъ цѣлый турецкій транспортъ съ провіантомъ, и какой-то статскій съ бородой, охриплымъ, вернѣе потеряннмъ отъ пьянства голосомъ, стаканами выпивающій коньякъ, передаваемый чрезъ окно любезной ручкой Г-жи М. Вся эта пестрая кавалькада собралась сюда съ цѣлью сопровождать главнокомандующаго на позицію.

— Кто этотъ статскій? спросилъ я у офицера.

— А это любитель приключеній московскій купецъ Лудовъ.

— Не тотъ-ли самый, про котораго такъ много писали въ газетахъ.

— Да, да!

— Что онъ здѣсь дѣлаетъ, скажите пожалуйста?

— Все что хотите. Вылазки устраиваетъ, заканчивающіяся преимущественно пьянствомъ, сопровождаетъ Черняева на позицію, поетъ, словомъ всюду и повсюду онъ. Безъ него ничего не обойдется, по моему это просто русскій самодуръ, подъ часъ играющій роль шута горохового.

— Что-же онъ храбрый?

— Когда напьется, то съ дуру храбрый. Я вамъ послѣ расскажу про его алексинацкую вылазку, — вотъ потѣха!

Во время нашего разговора къ подъѣзду подкатила удалая русская тройка, а за ней прискакалъ козакъ, съ какимъ-то бѣлымъ флагомъ въ рукахъ.

— Кому эту тройку подали?

— Черняеву — онъ вѣдь иначе, какъ въ коляскѣ не ѣздитъ на позицію.

— А козакъ-то съ флагомъ, что собой изображаетъ?

— Не съ флагомъ, а со значкомъ, который прислали генералу кievскія институтки, козакъ съ нимъ скачетъ всегда впереди экипажа главнокомандующаго.

Гарцующая свита по двору мирно выстроилась передъ воротами, прибывшимъ донскимъ козакамъ скомандовали „смирно“, стало замѣтно, что скоро выйдетъ Черняевъ.

Я подошелъ къ самому подъѣзду въ ожиданіи его появленія. Черезъ нѣсколько минутъ вмѣстѣ съ Монтеверде, что-то на ходу докладывающимъ, вышелъ Черняевъ и не вдалекѣ отъ меня остановился выслушать доводы подчиненнаго, а послѣ направился къ экипажу.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на него имѣющаго мало сходства съ портретами. Въ натурѣ онъ казался старѣе, какимъ-то задумчивымъ, какъ-бы сознающимъ критическое положеніе дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занятымъ окружающей обстановкой.

Я, вытянувшись въ струнку, отрекомендовался генералу.

— Честъ имѣю представиться вашему высокопревосходительству, вновь прибывшій волонтеръ изъ Россіи.

— Изъ какого города вы пріѣхали? спросилъ онъ ласково.

— Изъ Петербурга.

— Очень радъ васъ видѣть, и пожимая руку благодарилъ за пріѣздъ.

— Куда-же вы зачислены?

— Въ эскадронъ королевы Наталіи в-в-п-ство; мнѣ показалось немного страннымъ видѣть главнокомандующаго въ такой простой формѣ. Онъ былъ въ коричневой сербской блузѣ съ золотымъ воротникомъ, узенькихъ красныхъ штанахъ, гусарскихъ ботикахъ, съ кавказкой шашкой чрезъ плечо, русскимъ георгіемъ на шеѣ и орденомъ „такова“ первой степени.

Покончивъ разговоръ со мною, генералъ подошелъ къ козакамъ.

— Здравствуйте, братцы! спасибо вамъ за помощь. Я на васъ крѣпко надѣюсь!

— Рады стараться ваше высокопревосходительство.

— Козаки просятъ позволенія сопровождать ваше высокопревосходительство на позицію, обратился къ нему командирь.

— Если они желаютъ, то могутъ присоединиться къ конвою, отвѣтилъ генералъ, и пригласивъ козачьяго командира съ собою въ коляску, приказалъ кучеру трогать. Многочисленная скачущая свита за коляской, сербскій конвойный полу-эскадронъ, и козаки вытянувшіеся по три, а впереди развѣвающееся бѣлое знамя, уносимое ретивымъ конемъ, составляли весьма эффектный выѣздъ главнокомандующаго, даже не подходящій при такомъ положеніи арміи.

Не много-бы по скромнѣе слѣдовало, здѣсь нужна безукоризненная простота и дѣло, а не шикъ, ни къ чему не ведущій.

— Видите, мой совѣтъ оказался вѣдь полезнымъ, обратился ко мнѣ оставшійся ординарецъ.

— Какой совѣтъ?

— Я вамъ посовѣтовалъ-же представиться главнокомандующему у подъѣзда.

— Ахъ, да, очень вамъ благодаренъ. Почему вы не сопровождаете генерала на позицію?

— Такъ, что-то нездоровится сегодня, тамъ и безъ насъ много.

— А сколько приблизительно личныхъ ординарцевъ у генерала?

— Насъ собственно двѣнадцать человѣкъ, кромѣ того есть еще личный адъютантъ, два секретаря и прикомандированныхъ къ штабу человѣкъ тридцать офицеровъ. Вообще если считать общій составъ штаба, то наберется человѣкъ пятьдесятъ.

— Однако у васъ много офицеровъ при штабѣ.

— Подъ часъ и этихъ не хватаетъ, а вы говорите много.

— Къ чему-же ихъ не хватаетъ, скажите пожалуйста? вѣдь здѣсь не миліонная армія, въ которой требовались-бы курьеры развозить приказанія, а какія нибудь нѣсколько десятковъ тысячъ войска, собраннаго въ одномъ пунктѣ, въ которомъ всѣ распо-

ряженія могутъ быть передаваемы двумя лицами, вмѣсто десяти, слѣдовательно и число штабныхъ должно быть меньше.

— Все таки подъ часъ дѣла много — понятно не всегда — что говорить, но случаются горячія минуты.

— Но это вѣроятно все люди, побывавшіе уже въ дѣлахъ, опытные, потому что у большинства изъ нихъ есть знаки отличія, спросилъ я съ любопытствомъ.

— Дда! конечно, все народъ отборный, годный куда хотите.

— Много ли они жалованья получаютъ?

— Нѣтъ, не особенно, оберъ-офицеры по двадцати дукатовъ въ мѣсяцъ, ну а штабъ-офицеры, секретари и вообще болѣе высокіе штабные чины получаютъ больше; вотъ на примѣръ какъ помощникъ начальника штаба получаетъ около двухъ сотъ дукатовъ, а Комаровъ еще больше. Содержаніе все таки не особенно большое, но удобно то, что здѣсь обѣдаемъ.

— Какъ, развѣ кромѣ жалованья и обѣдъ полагается?

— Да, мы всѣ обѣдаемъ за общимъ столомъ.

— Неужели, на чей же это счетъ?

— На счетъ штаба, а то на чей-же больше.

— Ну и сносно васъ питаютъ?

— Видите ли, даютъ все, что можно найти лучшаго, но это лучшее, составляетъ среднее у насъ въ Петербургѣ.

— Я думаю не дешево оно здѣсь обходится?

— Нинѣтъ! ну въ общей сложности какихъ нибудь двадцать пять дукатовъ въ день, а тридцать самое большое.

— Въ переводѣ на русскія деньги это составитъ сто двадцать рублей въ сутки, — три тысячи шестьсотъ въ мѣсяцъ, — а съ жалованьемъ мѣсячное содержаніе штаба обойдется тысячь пятнадцать — до двадцати, развѣ подобная цифра по вашему ничтожна?

— На то война, не стѣсняться же здѣсь изъ за грошей.

— Конечно, лишь бы она имѣла успѣхъ, а на содержаніе

штаба русскихъ пожертвованій хватить. Скажите пожалуйста, а тѣмъ, которые на позиціи, даютъ какое нибудь жалованье?

— Какъ же, оберъ-офицерамъ по семи дукатовъ въ мѣсяцъ, а начиная съ маіора по четырнадцать.

— Акуратно ли выдаютъ имъ это содержаніе?

— Дѣда!

— Мнѣ сегодня попадались офицеры, претендующіе на неполученіе жалованія, кромѣ того совершенно голодные, чтобы это значило?

— Они прокучиваютъ все, что попадется въ руки, оттого и нищіе.

— Кутятъ положимъ многіе, я съ вами согласенъ, но и трезвые жалуются на неисправный платежъ содержанія; однако пора мнѣ уже идти—до свиданія!

— Куда вы?

— Да пойду въ кафану утолять голодь, а то знаете послѣ представленія начальству аппетитъ удвоился, кстати, который у васъ часъ?

— Скоро пять.

— Благодарю васъ,—до свиданія.

— До пріятнаго.

Бесѣда въ интересномъ обществѣ.

Прямо изъ штаба я отправился въ знакомую уже кафану, въ которой, по обыкновенію, засталъ множество пирующаго люда, преимущественно русскихъ офицеровъ. Громкіе разговоры, споры и упреки грязному кафанщику, сливались въ общій оглушительный шумъ, рѣзко дѣйствующій на самые закаленные нервы.

— Какую ты гадость подаешь! Эй, Симонъ, убери эту мерзость, ѣсть невозможно, кричалъ одинъ изъ посѣтителей.

— Хороша паприка, господине! хладнокровно увѣрялъ кафанщикъ.

— Ужь съ вашей паприкой, ну ее къ черту, уברי вонь! при-
дешь разъ въ недѣлю и поѣсть нечего.

— Прикомандируйся къ штабу, тамъ отлично, совѣтоваль
товарищъ.

— Да, легко сказать прикомандируйся, — поди-ка, попробуй.
Я сегодня пошелъ въ штабъ, такъ чуть въ кутузку не попалъ,
одинъ, другой, все турятъ, спрашиваютъ что вамъ угодно, зачѣмъ,
слово промолвить страшно, я и ушелъ. Лучше по дальше отъ грѣха.
И набралось же тамъ повыгнаннаго народу отовсюду кутить на
славянскія деньги. Въ Россіи бѣдняки послѣдніе гроши жертвуютъ,
а здѣсь вотъ пируютъ, да воруютъ отдѣльныя личности въ свои кар-
маны про черный день. И почему бы русскимъ-то уже не опом-
ниться, по ближе виикнуть въ дѣло; да впрочемъ и узнать то
имъ не откуда: газеты врутъ, а частнымъ слухамъ не довѣряютъ.

— Не нападай ты на штабъ, чѣмъ онъ виноватъ, что у насъ
съ тобою денегъ нѣтъ?

— Какъ, чѣмъ виноватъ? я думаю онъ, а не кто иной вино-
ватъ. Насъ увѣряли въ славянскомъ комитетѣ, что на позиціи
будутъ платить пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ жалованья, здѣсь
сократили на семь дукатовъ, да и тѣхъ не даютъ уже третій
мѣсяцъ. Да какъ-же по твоему штабъ не виноватъ? Не будешь, я
думаю, питаться одной холодной бараниной, нужно чѣмъ нибудь
другимъ утѣшить голодный желудокъ, а тутъ ни копѣйки за душой.

— Да, все это правда, но виноватъ не штабъ, а самъ Чер-
няевъ. Зачѣмъ онъ окружилъ себя такими людьми, что еле двухъ,
трехъ порядочныхъ найдешь. Онъ, обязанъ входить въ нужды
офицеровъ и помогать имъ.

— Не онъ ли будетъ заботиться? Къ нему пойдешь, цѣлый
день простоишь и въ глаза не увидишь. Что это за главнокоман-
дующій, который не доступенъ своимъ офицерамъ. Онъ звалъ насъ
сюда, мы пришли ему помочь—и встрѣтили не его, главнокоман-

дующаго славянскими силами и дѣльнаго руководителя русскими волонтерами, а какого-то другаго генер. Черняева, преисполненнаго честолюбіемъ и занятаго смѣшной обстановкой почетныхъ овацій. Развѣ въ этомъ не горько убѣждаться — сами посудите!

— Ты бы братъ не особенно увлекался, а то вѣдь слушаютъ другіе, можетъ быть не однихъ съ тобою взглядовъ, замѣтилъ внушительно его товарищъ.

— Пускай ихъ слушаютъ! я знаю, что насъ русскихъ здѣсь безъ толку перебыютъ, пожертвованія перейдутъ въ собственность штабныхъ воротилъ, да разныхъ господъ Токасовыхъ, а толку все-таки не будетъ, придется новой славянской кровью рѣшать завѣтный вопросъ. Зачѣмъ-же Черняевъ вызвалъ эти жертвы—къ чему онѣ были ему нужны? доказывалъ горячо юноша.

— Пошелъ ты философствовать на счетъ политики! Экой дипломатъ, вотъ лучше выпьемъ, — Симонъ, молимъ ракіе!

— Я вовсе не философствую, а такъ себѣ, расуждаю на сколько понимаю. Впрочемъ не долго и до конца, Богъ дастъ увидимъ, что сіе значить.

— Лучше объясни мнѣ, чего турки притихли? Погода теплая, только бы и драться, а они не пошевелиятся, какъ будто нѣтъ ни одного на позиціи.

— Молчать они братъ будутъ не долго, видно имѣютъ свои причины не наступать, а только мнѣ кажется, что это затишье передъ грозой.

— Какая тамъ гроза, когда турки трусы. Будь они немного по храбрѣе, то до сихъ поръ давно были-бы въ Вѣлградѣ. Трусы, да еще гадкіе трусы, только и знаютъ, что сожигать нашихъ раненыхъ. Сегодня мы нашли двухъ раненыхъ съ отрѣзанными носами, ушами и руками, просто страшно смотрѣть.

— Гдѣ-же это вы нашли?

— Недалеко отъ Шильеговца, а обгорѣлыхъ нѣсколько разъ находили. Варвары этакіе, ихъ бы также слѣдовало!

— Знаешь, какъ подумаешь, что нужно сражаться съ такими солдатами какъ сербы, такъ просто морозъ по кожѣ идетъ. Они мало того, что замѣчательные трусы, сейчасъ натрагъ, но раненыхъ бросаютъ, да еще офицеровъ. Ни за что шельмы не подберутъ своего начальника иначе, какъ за дукаты.

— Неужели-же они берутъ за это деньги?

— Я 16-го сентября своими глазами видѣлъ, какъ отступающая сербская чета (рота) бросила раненаго своего командира, капитана В. Намъ тоже нужно было немедленно отступать, и этотъ несчастный остался безъ помощи. Потомъ вдругъ вижу его въ больницѣ. Вы какимъ образомъ сюда попали, капитанъ, вѣдь васъ оставили? спрашиваю его. Да, батюшка, было оставили, а послѣ я увидѣлъ, что плохо, дамъ говорю пять дукатовъ, возьмите ради Бога, ну и взяли. Донесли до перевязочнаго пункта, деньги получили и удрали. Я хотѣлъ было заявить доктору объ этомъ, да не удалось — удрали безъ оглядки. Вотъ каковы наши единовѣрцы, за которыхъ русскіе пріѣхали жертвовать собой, гдѣ-же возмется храбрость у такихъ людей или патріотизмъ? Я бы ихъ разстрѣливалъ за такіе поступки. За деньги онъ тебѣ все готовъ сдѣлать, мнѣ кажется, если-бы Черняевъ посыпалъ дукатами у самыхъ турецкихъ шанцевъ, то сербы навѣрное подъ перекрестнымъ огнемъ взяли-бы ихъ штурмомъ изъ за денегъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же сыпать Черняеву? лучше-бы турки это сдѣлали и живьемъ взяли всю сербскую армію.

— У нихъ денегъ мало, а англичане не дадутъ на такую побѣду, это народъ разумный.

— Пожалуй что такъ.

Я никакъ не могъ согласиться съ общимъ отзывомъ о трусости и низости сербовъ. Мнѣ все-таки казалось, что говорить о нихъ преувеличено. — Ну, да это еще впереди, пока что, потолкую съ интересной компаніей.

— Вы господа давно уже на позиціи? спрашиваю у одного изъ нихъ.

— Второй мѣсяцъ прозябаемъ!

— Почему вы говорите прозябаемъ? Вы-же уѣзжая изъ Россіи знали, что ѣдете на войну, гдѣ ожидаетъ васъ рядъ лишеній, слѣдовательно готовились ко всему дурному?

— Это все такъ, я самъ военный, испытавшій горе и знаю, что война имѣетъ свои дурныя стороны, не такъ чувствительно отражающіяся на офицерѣ, когда она обусловлена другими необходимыми началами въ арміи, какъ напримѣръ, храбростью солдатъ, военной дисциплиной, порядкомъ, дѣльной распорядительностью начальства, но гдѣ всего этого нѣтъ, то прискорбно переносить неудобства безъ всякой военной цѣли, а въ концѣ идти единицами на вѣрную смерть.

— Почему-же единицами? вѣдь вы вѣроятно служите въ какой-нибудь ротѣ, съ которой и участвуете въ дѣлѣ.

— Чтожъ изъ того, что служу. Когда рота-то при малѣйшей опасности натрагъ удираетъ, не взирая ни на команду начальника, ни на его угрозы.

— Потомъ вы говорите, что нѣтъ хорошей распорядительности начальства. Начальство-же составляютъ русскіе офицеры, а вѣдь они по вашему хорошіе!

— Да, только не тѣ, которые составляютъ начальство; тѣ зачастую по сербски удираютъ натрагъ, вотъ какъ 16-го сентября Месвѣдовскій и Метерсонъ, ради безопасности цѣлый день въ кустахъ просидѣли. Иногда что-нибудь и нужно-бы спросить у начальства, да горе — не найдешь куда дѣвалось, распорядяйся какъ знаешь, нѣтъ тебѣ ни приказаній, ни наказаній. Понятно, какой-же можетъ выйти толкъ при такихъ условіяхъ. Хотя-бы еще солдаты хорошіе, зналъ-бы въ чьей средѣ дерешься, а то подлые трусишки, какіе-то безчеловѣчные! воды не дадутъ напиться раненому офицеру шельмы. Разъ какъ-то послѣ дѣла, не-

помню котораго числа, мнѣ ужасно захотѣлось воды, день былъ невыносимо жаркій. Обращаюсь къ сербу, дай, говорю, братецъ напиться воды, у тебя кажись есть, — нема господинь! это ракія; да неправда-же, ну я тебѣ динарь дамъ, дай только, прошу — что-же вы думаете? — даль за деньги! Вотъ каковъ народецъ! возмутительно вспоминать такія явленія, не то что испытать на себѣ, а вы еще говорите то, да другое! вотъ поживите, присмотритесь, тогда увидимъ — что запоете.

Пришлось мнѣ замолчать противъ такихъ доводовъ испытаннаго офицера, повидимому чловѣка весьма порядочнаго, передававшего эти факты съ прискорбіемъ. Остальное офицерство тоже притихло прислушиваясь къ доносящемуся звону колокольчика.

— Кто-бы это могъ ѣхать съ колокольчикомъ? спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Должно быть Черняевъ съ позицій возвращается, такъ и есть — вонъ онъ катить, смотрите, съ какой громадной свитой — точно Наполеонъ.

— Видно на эффектъ бѣть.

— Тогда лучше-бы прокатился по турецкому лагерю, а не здѣсь. Офицеры голодаютъ, безъ сапогъ ходять, а онъ на славянскія деньги пику задаетъ.

— Да не кричи ты во всю глотку, — унималъ оратора его товарищъ.

— Вотъ попадетъ въ плѣнъ, тогда и по турецкому прогуляется, предсказывалъ новый гадалщикъ.

— Козаки отстоятъ, — не дадутъ въ плѣнъ попасть; онъ вѣдь цѣлый отрядъ за собой таскаетъ.

— Какъ, развѣ и козаки уже появились?

— Какже, цѣлая сотня третьяго дня прибыла, знаешь-ли чѣмъ она замѣчательна?

— А чѣмъ?

— У нихъ не семьдесятъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, пятнадцать офицеровъ и одинъ генераль.

— Какимъ-же это образомъ? Генераль-то откуда взялся?

— Отставной какой-то пристроился къ сотнѣ командиромъ. Говорятъ, его превосходительство по части вышивки мастеръ.

— Тѣмъ лучше, съ пьянымъ командиромъ, да съ пятнадцатью офицерами, они пойдутъ въ огонь и воду.

— Это еще вопросъ, пойдутъ-ли съ такими командирами въ огонь и въ воду, по моему, съ ними-то они и натворятъ глупостей. Ты посмотри, кого тамъ у нихъ нѣтъ — одно лишь названіе, козаки.

— Эхъ скука господа какая, поскорѣе-бы въ Россію вернуться, выпьемъ съ горя ракіи! предложилъ какой-то молоденькій доброволецъ. Товарищи съ хохотомъ приняли предложеніе и пошла круговая вышивка.

Ночлегъ. — Новый эскадронъ. — Поразительная встрѣча. — Неудачная рекогносцировка и забавный рассказъ очевидца.

Уже смерклось и огни по немногу зажигались на позиціяхъ. Смотря на горы, освѣщенныя пылающими кострами, прислушиваясь къ безмолвной ночной тишинѣ и издали доносящимся напѣвамъ веселыхъ компаній, овладѣвало какое-то романтическое чувство, притакоей мирной обстановкѣ здѣшней жизни. Война, а ничего рѣзкаго пока невидно.

Скучно казалось теперь за Россіей и за родными. Нѣтъ людей, передъ которыми раскрылъ-бы душу, подѣлился впечатлѣніями. Но до того-ли теперь, когда нужно думать гдѣ ночевать. А въ самомъ дѣлѣ — шутки въ сторону, гдѣ-же ночевать? вѣдь негдѣ, въ эскадронѣ еще не пристроился, а при штабѣ не полагается. Развѣ отправиться въ козацій баракъ, козаки народъ ра-

душный, пріютятъ навѣрное. Вотъ собираю свои незатѣйливые пожитки и иду къ козакамъ; (козачьимъ офицерамъ предоставлялся отдѣльный баракъ при штабѣ).—Пріютите, господа, на сегодня пожалуйста, а то некуда дѣваться, умолялъ я плачевнымъ тономъ, у затворенной калитки барака.

— Кто это просится? выглянь-ка, ты еще обушь, слышится внутри.

— Вы чтоже, къ штабу прикомандированы? спросилъ меня встрѣтившій козакъ.

— Какое тамъ батюшка къ штабу, просто негдѣ спать.

— Сдѣлайте милость, располагайтесь, у насъ мѣста довольно, только вотъ сѣна лишняго не найдется, спать вамъ не начесть будетъ, заботился радушный хозяинъ.

— Спасибо и за это, какъ нибуду улягусь. Правда, что ночлегъ казался не заманчивымъ: твердый, неровный земляной полъ безъ соломы и масса разнородныхъ насѣкомыхъ дали себя почувствовать сразу, но дѣлать было нѣчего, спасибо и за это. Тутъ былъ и генералъ — командиръ, пристроившійся въ углу на возвышенной койкѣ, какъ подобаетъ его положенію. Козаки межъ собою болтали, вспоминая приключенія дня.

— А знаешь-ли, нашъ-то Ѳедоровъ попалъ уже подъ арестъ, въ блиндажѣ прохлаждается, отозвался кто-то изъ офицеровъ.

— Да вѣдь онъ только вчера прибылъ.

— Въ томъ-то и искусство его заключается, что вчера прибылъ, а сегодня подъ арестомъ.

— За что же?

— Напился пьянымъ и давай въ штабѣ объясняться. Ему Монтеверде говорить „уйдите“, а онъ „нѣтъ, не уйду“, тотъ его сейчасъ-же и приказалъ отвести подъ арестъ.

— За дѣломъ въ Сербію пріѣхалъ, нечего сказать. Ну что-же съ нимъ теперь будутъ дѣлать?

— Ничего особеннаго, продержатъ съ недѣлку подъ арестомъ, а послѣ въ Россію пошлютъ обратно, хотя признаться, это не наказаніемъ, а наградой можетъ считаться.

— По крайней мѣрѣ въ безопасное мѣсто попалъ отъ ту-рокъ. — А вѣдь пьяница-то горькая, нужно отдать справедливость.

— Ты братъ вѣдь тоже по части выпивки лицомъ въ грязь не ударишь, смотри не попади за одно съ Ѳедоровымъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ, вздумалъ предсказывать, насъ не испугаешь — свое дѣло крѣпко знаемъ.

— То-то и горе, что ужъ больно крѣпко знаешь, нельзя-ли по слабѣе, лучше будетъ.

— Пошелъ ты съ своими совѣтами, я спать хочу. Козакъ еще долго не унимался, подтрунивалъ надъ своимъ товарищемъ, я такъ и уснулъ подъ эту смѣшную болтовню.

Проснувшись довольно рано, я былъ удивленъ раздающимися орудійными выстрѣлами гдѣ-то на позиціяхъ — пожалуй сраженіе завязалось.

— Гдѣ это изъ орудій слышно стрѣляютъ? спрашиваю у офицера.

— Вѣрно турки соскучились, ну и пошли развлекаться, а наши должно быть тоже не отстаютъ. Такъ вотъ часъ — другой позабавятся, да и перестанутъ. Знаете турецкая стрѣльба гранатами пресмѣшная, выпустятъ двѣсти зарядовъ дураки, а еле одного — двухъ задѣнутъ. Все, то не долетаетъ, то перелетаетъ, рѣдко очень попадетъ въ цѣль, и гранаты-то ихъ изъ десяти одна рвется, большею частью такъ цѣликомъ и остаются. Вотъ посмотрите, — я привезъ два образчика послѣ 16-го, хоть сейчасъ годятся въ дѣло.

— Какъ вы думаете, почему-же онѣ не рвутся, вѣдь въ самомъ дѣлѣ гранаты цѣлехенькія еще.

— По очень простой причинѣ не рвутся, ихъ вмѣсто пороха каменнымъ углемъ начиняютъ. Мы нѣсколько гранатъ изслѣдовали,

въ которыхъ оказался каменный уголь. Мошенничаютъ батюшка, такъ увѣрялъ меня офицеръ.

— Да вы развѣ предполагали административную честность въ турецкой арміи, тамъ больше чѣмъ гдѣ нибудь воруютъ. Турки сами по себѣ народъ довольно ограниченный — пороху не выдумаютъ, а англичане на ихъ деньги воюютъ, пользуются случаемъ — надуваютъ этихъ барановъ.

Отсюда я съ тѣми-же походными вещичками, до крайности уже надобѣвшими, безъ всякаго пристанища таскать ихъ за собою, отправился въ эскадронъ ея величества, въ которомъ по спискамъ, по волѣ самовластнаго командира несуществующаго полка, полковника — гусара III. числюсь свѣжеиспеченнымъ подпоручикомъ. Тутъ по прежнему я засталъ общій безпорядокъ и хаосъ — ну, да это между прочимъ, а пока нужно довольствоваться однимъ — не существующимъ въ кавалеріи чиномъ подпоручика, грустная однако перспектива служить въ такомъ эскадронѣ, живьемъ попадешъ къ башибозукамъ, а гдѣ-же служить то больше, когда на весь полкъ одинъ только эскадронъ и есть, обо всемъ этомъ я думалъ проходя вдоль разбитыхъ коновязей бивуачнаго расположенія лейбъ кавалеріи.

— А, здравствуйте! что вы ужъ совсѣмъ собрались къ намъ на службу? спросилъ меня встрѣтившійся сослуживецъ молоденькій офицерикъ.

— Какое тамъ, батюшка, совсѣмъ, все еще блуждаю, не знаю къ какому берегу пристать — теперь-то къ вамъ направляюсь, а тамъ увидимъ — какъ быть.

— Почему такъ?

— Да что же, офицеровъ у васъ много и имъ дѣлать нечего, я въ нѣкоторомъ родѣ тоже офицеръ, хотя и не совсѣмъ прочный, чего добраго, придется унтеръ-офицеромъ отлудаться, а на это признаюсь, при вашемъ порядкѣ — можно сказать произволѣ, я не согласенъ.

— Эко вы нашъ эскадронъ порицаете, неужели такой безпорядокъ по вашему?

— Полиѣйшій! по моему просто безумно вести такой эскадронъ въ дѣло, ни команды, ни дисциплины, ни умѣнья, куда-же онъ годится? какаянибудь банда черкесовъ или бошибозуковъ цѣликомъ его доканасть, а такъ болтаться съ эскадрономъ, безъ всякой серьезной цѣли — тоже мало хорошаго.

— Такъ вотъ сейчасъ непременно и въ дѣло — понятно теперь мы не годимся. Насъ пока посылаютъ въ распоряженіе Месвѣдовскаго къ Зайчару, тамъ усовершенствуемся, а тогда не страшно будетъ помѣриться и съ черкесами.

— Тѣмъ болѣе мнѣ у васъ нечего дѣлать, инструкторовъ и безъ меня много, а въ усовершенствованіе, подъ руководствомъ Месвѣдовскаго, я не особенно вѣрю; онъ по общимъ отзывамъ отличается спеціальностью по части отступленія, которая хотя и одна изъ главныхъ знаній военной тактики, но не утѣшительна для кавалериста, какъ вамъ извѣстно болѣе выигрывающаго энергическимъ внезапнымъ наступленіемъ, чѣмъ если-бы онъ придерживался чувства самосохраненія, заблаговременнымъ отступленіемъ ради безопасности.

— Вотъ переходите лучше ко мнѣ, я вижу вы понимаете службу, а мнѣ нужно составить сводно-кавалерійскій эскадронъ — сегодня получилъ вотъ предписаніе набирать людей — я васъ назначаю эскадроннымъ вахмистромъ, если хотите заниматься, — обратился ко мнѣ какой-то не знакомый штабъ-офицеръ съ большими, такъ называемыми телячьими глазами и тонкими торчащими впередъ усами.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? спросилъ я у него.

— Подполковникъ Штосманъ, командиръ сводно-кавалерійскаго эскадрона, отвѣтилъ онъ серьезно.

Я въ свою очередь назвалъ свою фамилію. — Очень вамъ благодаренъ, подполковникъ, за лестное предложеніе сдѣлать

меня хозяиномъ будущаго эскадрона, но оно къ несчастью не примѣнимо, потому что по уставу офицеръ не можетъ исполнять обязанностей эскадроннаго вахмистра, на эту должность назначаются способные унтеръ-офицеры.

— Какъ, развѣ вы офицеръ? я васъ, по мишурнымъ звѣздочкамъ, принялъ за унтеръ-офицера!

— Мало того, что офицеръ, но даже подпоручикъ.

— Въ такомъ случаѣ за чѣмъ у васъ звѣздочки мишурныя? вѣдь офицеру полагаются серебряныя, вы не по формѣ одѣты.

— Да гдѣ же ихъ нашлешь здѣсь—когда нѣтъ портныхъ.

— Какъ будто въ Бѣлградѣ вы не успѣли, тамъ вѣдь знаютъ форму и портныхъ гибель.

— Такъ то, такъ, но дѣло въ томъ, что сюда я пріѣхалъ нижнимъ чиномъ, въ качествѣ отставнаго русскаго кавалериста, а здѣсь вотъ всего третій день по волѣ начальства состою подпоручикомъ.

— Кто же васъ здѣсь произвелъ въ офицеры?

— Командиръ полка полковникъ Ш. пожаловалъ прямо во второй пѣхотный чинъ.

— Какое же онъ имѣлъ право, помиловать? другое дѣло если-бы вы участвовали въ дѣлѣ, тогда бы могли представить васъ къ производству, а такъ, своей властью, безъ всякихъ данныхъ онъ не имѣлъ никакого права, да еще сразу въ подпоручики! (какъ будто въ корнеты имѣлъ право).

— Вотъ видите, какія могли-бы возникнуть препятствія въ моемъ производствѣ съ вашей точки зрѣнія, а полковникъ со всѣмъ иначе смотритъ на этотъ вопросъ—произвелъ безъ разговоровъ и дѣло съ концомъ, словомъ строго, щедръ и справедливъ.

— Да расскажите же пожалуйста, какъ это случилось, вѣдь подобный курьезъ составляетъ общій интересъ, спрашивалъ любопытный штабъ-офицеръ съ тонкими усами.

— Это случилось весьма просто—къ великому моему изумленію. Послѣ прїѣзда, когда я заявилъ начальнику штаба свое желаніе поступить на службу въ кавалерію, то онъ отправилъ меня къ полковнику Ш. въ его распоряженіе. — Вотъ прихожу, рекомендую и говорю, что присланъ къ нему въ полкъ. Какъ и всегда, послѣ краткихъ объясненій, кто, откуда и т. д. полковникъ обращается къ адъютанту съ предложеніемъ отправить меня съ запиской въ эскадронъ королевы Натальи; тотъ знаете принявши писать записку, затруднился какимъ званіемъ обозначить въ ней мою личность и спрашиваетъ „вашъ чинъ“, я безъ запинки отвѣчаю „отставной юнкеръ“, тутъ вотъ послѣдовала нѣкоторая пауза, а вскорѣ мое производство въ подпоручики: полковникъ говоритъ „какъ! здѣсь вѣдь юнкеровъ нѣтъ, притомъ не все ли равно чѣмъ его зачислить—пишите, что зачисляется подпоручикомъ“, адъютантъ нѣсколько возразилъ, но полковникъ былъ неумолимъ въ своемъ рѣшеніи „въ подпоручики его“ и дѣло съ концомъ. Я сначала тоже былъ какъ будто въ бреду отъ такого неожиданнаго производства, но когда получилъ записку и прочелъ ее, то нѣсколько успокоился—видно ужъ судьбѣ угодно повысить мое положеніе.

— Да вы батюшка сказку какую-то рассказываете, неужели онъ подобный фарсъ выкинулъ!

— Тамъ какъ угодно называйте — фарсомъ или чѣмъ хотите, а я все таки подпоручикъ.

— Плюньте вы на это производство, да переходите лучше ко мнѣ въ эскадронъ. Это недоразумѣніе, на которое не слѣдуетъ обращать вниманія, совѣтовалъ подполковникъ.

— Легко вамъ говорить плюньте на два чина, — вамъ конечно, какъ подполковнику, это не почемъ, а мнѣ выскочить въ подпоручики, хотя и сербской службы — весьма лестно. Наконецъ если-бы я даже и согласился съ вами разжаловать себя въ вахмистра, что бесспорно подѣйствуетъ на меня въ нравственномъ отношеніи тяжело, но если-бы я и передъ этимъ не остановился,

то рождается весьма важный вопросъ — скоро ли будетъ формироваться вашъ эскадронъ, и кто предписалъ вамъ набирать людей?

— Конечно скоро, чрезъ недѣлю все будетъ готово, а предписание я получилъ отъ командира полка, но онъ вѣдь исполнилъ приказаніе начальника штаба!

Дда, думаю, не такое ли предписание какъ записка о моемъ производствѣ.

— А лошади-то гдѣ же для вашего эскадрона? спрашиваю у штабъ-офицера съ тонкими усами.

— Какъ, гдѣ? будутъ! ихъ приведутъ.

— Въ такомъ случаѣ возьмите на себя трудъ, г-нъ подполковникъ, позаботиться о моемъ переводѣ, мнѣ лично не со всѣмъ удобно хлопотать объ этомъ, обратился я къ новому командиру.

— Какіе вы тамъ переводы затѣваете, какъ будто здѣсь порядки существуютъ, просто будетъ вамъ и мнѣ извѣстно, а тамъ кому еще больше нужно?—составимъ эскадронъ, тогда и узнаютъ, что служите у меня.

— Нѣтъ, на такой переводъ я не согласенъ—это скорѣе похоже на произволъ, который хотя здѣсь и существуетъ, но я лично имъ не воспользуюсь.

— Молодцомъ, службу значить знаете. Хорошо-же, сегодня я устрою въ полковомъ штабѣ все, что нужно, и такъ господа начало сдѣлано—эскадронный вахмистръ на лицо, теперь только не достаётъ людей, лошадей и хорошихъ офицеровъ.—Ну, да это все найдется, а вотъ вахмистръ то,—вахмистръ, уже есть. Вѣдь это правая рука командира—не забудьте, восхищался новый мой начальникъ.

Теперь снова съ тѣми же узлами предстояло обратное шествіе, потому что до сформированія эскадрона нужно было оставаться при штабѣ (иначе сказать, жить на штабной площади). И понесло же меня въ Сербію за тѣмъ, чтобы съ узлами блуждать по Делиграду безъ всякаго дѣла и толка. Удивлялись, что горсть сер-

бовъ такъ долго держится противъ цѣлой турецкой арміи—поневоѣ продержутся, когда по недѣлямъ ни одного выстрѣла съ обѣихъ сторонъ. Вообще это не война, а чертъ знаетъ, что такое.—Какая то комедія разыгрывается честолюбивыми единицами. Простившись съ кратковременными сослуживцами, я собрался уже уходить отсюда.

— Пойдите, куда вы торопитесь, выпьемъ вмѣстѣ и закусимъ, а послѣ съ Богомъ, удерживало офицерство.

— По части выпивки не общаюсь поддержать компанію, а что касается съѣстнаго, то съ удовольствіемъ, голодъ не на шутку донимаетъ. Ну что вашъ старый командиръ Машкевичъ, сдалъ уже эскадронъ, или продолжаетъ еще начальствовать?

— Какая тамъ сдача. Ему я думаю не выйти отсюда съ честью—всему эскадрону долженъ. Солдаты ругаютъ его пьяницей въ глаза безъ церемоніи. Слава Богу, что избавились отъ такого командира.

— Неужели до этого доходило?

— Мало-ли до чего еще доходило! Иногда бывало и хуже—подчасъ и перетасовка случалась; да развѣ подчиненные могутъ его уважать, вѣчно пьянаго, сами посудите. Положимъ и эскадронъ то нашъ сокровище хорошее, но все же онъ какъ командиръ кругомъ виноватъ.

— И новый то вашъ командиръ не важный, слишкомъ ужъ деликатенъ; васъ бы въ руки прибрать покороче, тогда пожалуй вышло-бы что нибудь путное, а онъ — то по моему на это и не способенъ.

— Какъ нибудь обойдется.

Я наскоро закусилъ какого-то подозрительнаго холоднаго мяса, выпилъ отвратительной такъ называемой ракии (виноградной водки), — поблагодарилъ хозяевъ за любезность и отправился въ штабъ.

Въ этомъ эскадронѣ мнѣ очень понравился молодой гусаръ Зиминскій, весьма порядочный юноша. Тихій, еще неиспорченный; съ нимъ мы какъ бы сошлись и разстались не охотно. Остальное офицерство казалось не важнымъ какимъ-то, ужъ очень падкимъ къ ракіи, хотя при подобной жизненной обстановкѣ только и оставалось, что не отказывать въ ней своему организму.

Какъ на зло, во время моего путешествія, начался дождь, да такой, что пока я добрался до штаба, то весь промокъ до ниточки, а тутъ еще и переодѣться не во что, въ мокромъ прохладяйся пока не высохнуть. Въ такомъ непріятномъ положеніи пробираюсь между штабными бараками, пріискивая пристанища, какъ вдругъ вижу на встрѣчу мнѣ идетъ кто-то знакомый, маленькій, вертлявый въ сербской формѣ генеральнаго штаба — смотреть и улыбается. Подойдя ближе, узнаю, но кого — глазамъ своимъ не вѣрю. — Если не ошибаюсь, то вижу г-на Дулацеля? заговорилъ я съ маленькой фигуркой.

— А-а-а; здравствуйте, вы какими судьбами здѣсь?

— Да я то очень простыми, а вотъ вы какими? Я думалъ вы вѣчно будете на попеченіи прекраснаго пола, а въ средѣ борцовъ за славянъ ужъ никакъ не полагалъ васъ встрѣтить.

— Вотъ она „за храбрость“, не даромъ заслужили, указывалъ онъ на серебряную медаль на груди.

— Откровенно сказать, сомнѣваюсь, за храбрость ли вы ее получили?

— А вотъ видите, получилъ-же.

— Вижу-то вижу, только сомнѣваюсь въ храбрости. Какое-же вы здѣсь занимаете положеніе, сражаетесь въ качествѣ простаго волонтера или въ ординарцы попали? — впрочемъ вы маленькаго роста, въ ординарцы не годитесь, да тамъ вѣдь и верхомъ ѣздить надо, а это для васъ задача довольно трудная.

— Ни то, ни другое. Я начальникомъ штаба въ отрядѣ полковника Меженинова, сказалъ онъ обидчивымъ тономъ.

— Начальникомъ штаба!!! да не можетъ же быть, не шутите-ли? скажите правду голубчикъ.

— Я вамъ говорю серьезно и крайне удивляюсь такому вопросу.

— Ну, какъ хотите, а я не повѣрю, чтобы вы были здѣсь начальникомъ штаба, тогда что-же будетъ съ отрядомъ, въ которомъ такой начальникъ штаба? помилуйте! Наконецъ кому-же пришло въ голову дать вамъ такое назначеніе! какія-же есть на это данныя? Не обижайтесь пожалуйста за откровенность, но я пораженъ—простите; вдругъ вы начальникъ штаба! потѣха да и только.

— Послушайте, милостивый государь, закричалъ грозно маленькій Дулацель, я потребую отъ васъ серьезнаго удовлетворенія за подобный тонъ разговора.

— Что хотите требуйте, только не теперь, дайте прійти въ себя, опомниться, вдругъ вы начальникъ штаба!

И не на шутку было чему изумиться. Этотъ маленькій Дулацель, прокутившій крохи довѣрчивыхъ благодѣтелей (потому что своихъ, по волѣ Божіей, не было), молодымъ офицерикомъ давно вышедшій въ отставку изъ какого-то пѣхотнаго полка, жилъ въ Питерѣ статскимъ франтикомъ, пользующимся не особенно серьезной репутаціей. Надушенный, завитой, напудренный франтишка, способный скорѣе на самоубійство изъ за недостатка духовъ или перчатокъ, чѣмъ сражаться за идею,—вдругъ онъ-же формируетъ въ газетахъ самостоятельный отрядъ изъ тысячи двухъ сотъ волонтеровъ, помощью громкой статьи одной изъ нихъ, приводитъ его благополучно въ Сербію и тутъ, благодаря своимъ заслугамъ, получаетъ назначеніе начальника штаба резервнаго русскаго отряда, существующаго не по газетамъ, а на самомъ дѣлѣ, подъ командой полковника Меженинова. Развѣ это не чудо?

Правда, что люди мѣняются, и часто изъ дурныхъ дѣлаются хорошіе, но рѣдко дѣлаются изъ надушенныхъ мелкихъ фатишекъ

дѣльные начальники штаба, гдѣ нуженъ умъ, энергія, характеръ и толковая распорядительность.

Только что я разстался съ этимъ изумительнымъ начальникомъ штаба, какъ встрѣчаю одного изъ ординарцевъ главнокомандующаго.

— Какъ однако легко составить у васъ блестящую военную карьеру всякому бездарному прищельцу, говорю я удивленному ординарцу.

— Почему вы думаете, что легко?

— А вотъ почему: я только что встрѣтилъ — не знаю знакомаго ли вамъ — г-на Дулацеля, котораго знаю по Петербургу за очень сомнительнаго франта, а тутъ онъ начальникомъ штаба въ отрядѣ Меженинова.

— Слушайте вы его, онъ просто тамъ на посылкахъ. Межениновъ слишкомъ самостоятеленъ, чтобъ Дулацель могъ играть роль.

— Помилуйте, онъ вѣдь въ формѣ генеральнаго штаба, не самозванцемъ-же одѣлся въ самомъ дѣлѣ. Кромѣ того награжденъ медалью за храбрость, — все это что-нибудь да значить!

— Ровно ничего не значить. Мало ли какія формы здѣсь одѣваютъ, или медали, кому ихъ только не даютъ зря.

— Какимъ-же это образомъ? вѣдь сербская медаль за храбрость равняется русскому солдатскому георгіевскому кресту, ихъ должны давать за дѣло, а не зря.

— Это и я знаю, что должны давать за дѣло, но тутъ батюшка не разбираютъ, за что награждаютъ. Я знаю людей, получившихъ медали и кресты „Такова“ не участвовавшихъ ни въ одномъ сраженіи, а такъ изъ за нахальства; знаю и очень дѣльныхъ, отказавшихся отъ наградъ, какъ наприм., саперный офицеръ Коноваловъ, изъ за того именно, что даютъ ихъ чертъ знаетъ какимъ субъектамъ.

Я самъ этого-же Дулацеля фактически уличилъ въ неправдѣ, относительно того отряда, который онъ будто-бы составилъ на свой счетъ, и что-же, какъ съ гуся вода. Щеголяетъ въ формѣ гене-

рального штаба преспокойно, не обращая никакого вниманія на то, что надъ нимъ всё хохочутъ.

— Значить здѣсь твори что угодно, все сойdetъ. На кой же чертъ тогда эти штабы? Гдѣ же организація и порядки, воспѣтые газетами, когда кругомъ произволь и безпорядки.

— Э-э-э! поживете, увидите еще не то, утѣшалъ меня ординарецъ.

Во время нашего разговора раздалось нѣсколько артиллерійскихъ выстрѣловъ съ турецкой и съ нашей стороны. Это было около 5-ти часовъ по полудни.

— Это что-же за пальба?

— Обыкновенная, вѣроятно турки стрѣляютъ по нашимъ лошадямъ на водопоѣ, они часто это дѣлаютъ.

Къ намъ подошло еще нѣсколько штабныхъ офицеровъ.

— Нѣтъ, видно что нибудь посерьезнѣе завязалось, не наступать-ли они вздумали? тревожно спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Но какъ-же такъ поздно? а впрочемъ дѣйствительно что-то часто стрѣляютъ, усомнился другой.

— Я вамъ, господа, скажу въ чемъ дѣло. Сегодня Рузьминскій (ташкентскій герой), съ разрѣшенія Комарова отправился произвести рекогносцировку, должно быть потревожилъ не много турокъ,—они съ дуру и открыли огонь.

— Какой Рузьминскій?

— Развѣ не знаете ташкентскаго героя, который въ Петербургѣ ходилъ на костыляхъ долго, такой красивый. Онъ сегодня только пріѣхалъ изъ Бѣлграда, съ цѣлью составить партизанскій отрядъ, а для начала отправился на рекогносцировку.

— А, а, а! знаю, знаю. Это тотъ, который былъ въ штабѣ въ поддевки съ георгіевскимъ крестомъ, въ малороссійской баньей шапкѣ.

— Да, да, тотъ самый.

— Про него странныя вещи рассказываютъ. Онъ говорятъ въ Россіи побилъ кого-то изъ своего начальства, полковаго командира или начальника дивизіи, и преданъ будто-бы военному суду за это. Кажется, что въ Варшавѣ была съ нимъ эта исторія.

— Въ такомъ случаѣ, почему-же его отпустили въ Сербію?

— Въ томъ-то и дѣло, что не отпустили, а самъ онъ уѣхалъ, безъ всякаго разрѣшенія — даже безъ паспорта.

— Э-э-э, Богъ съ нимъ, мало-ли кого здѣсь нѣтъ! Онъ все-таки порядочный малый, только шальной не много, отозвался кто-то изъ офицеровъ.

— Интересно, съ какой-же онъ командой отправился сегодня на рекогносцировку?

— Съ небольшой, Лудовъ, баронъ Остенъ-Лакенъ, да еще нѣсколько нижнихъ чиновъ, — всего человѣкъ восемь въ его отрядѣ.

— Какой баронъ Остенъ-Лакенъ?

— Не знаю его совсѣмъ, а такъ довольно симпатичной наружности. Мнѣ рассказывали, что онъ служилъ въ пограничной стражѣ, откуда его турнули за что-то. Можетъ быть вы замѣтили утромъ въ штабѣ былъ такой старый, рыжій офицеръ съ георгіемъ, въ фуражкѣ съ зелеными кантами?

— Видѣлъ, видѣлъ, плохо по русски говорить, да неужели это баронъ Остенъ-Лакенъ?

— Да, да, онъ самый.

— Помилуйте, вѣдь на видъ это просто оборванецъ, сегодня въ штабѣ онъ на ногахъ не могъ держаться — совершенно пьянъ. А еще съ двумя георгіями — просто страмъ.

— Что-жъ изъ этого, что съ двумя георгіями, прежде могъ быть прославленнымъ героемъ, а теперь сдѣлаться отчаяннымъ пьяницей. Мало-ли что случается съ людьми въ жизни, я ни чему не удивляюсь.

— Мнѣ кажется, что эта перестрѣлка чѣмъ нибудь дурнымъ окончится, — замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Ничего не случится, не беспокойтесь.

— Ну вотъ увидимъ.

Часъ спустя артиллерійскій огонь прекратился и всѣ какъ будто забыли объ этомъ, штабъ собрался ужинать, а я отправился въ кафану, но послѣ снова вернулся въ штабъ — интересуясь результатомъ рекогносцировки. Здѣсь уже были получены грустные вѣсти, офицерство передавало другъ другу ихъ содержаніе.

— Знаете, что случилось? спросилъ меня штабной.

— Нѣтъ, не знаю, а что?

— Да какъ-же, убили двухъ нашихъ офицеровъ на повалъ гранатой и четырехъ человѣкъ ранили. Генераль просто возмущенъ, приказалъ арестовать всѣхъ участниковъ въ рекогносцировкѣ.

— Когда-же это убили и гдѣ? спросилъ я въ недоумѣніи.

— По милости рекогносцировки Рузминскаго. Онъ собралъ компанію, какъ вамъ извѣстно, и отправился на нашу батарею къ Метерсену, котораго уговорили пустить гранату въ турецкія шанцы, тотъ съ дуру послушался, а турки отвѣтили съ двухъ батарей нѣсколькими залпами, да такъ удачно, что на повалъ убили нашихъ двухъ офицеровъ и нѣсколькихъ солдатъ, одного говорятъ разорвало пополамъ, граната попала какъ разъ въ поясицу несчастному.

— Что-же Черняевъ сказалъ на это?

— Приказалъ арестовать этихъ господъ. Онъ ничего не зналъ, что имъ разрѣшилъ начальникъ штаба.

— Нечего сказать, позабавились! Комаровъ замѣчательно несчастливъ по части рекогносцировокъ. Прошлый разъ самъ произвелъ и донесъ главнокомандующему, что турокъ вблизи нѣтъ, а ихъ оказалось какъ разъ цѣлый корпусъ подъ носомъ, а теперь вотъ тоже устроилъ спектакль, стоившій жизни четыремъ человѣкамъ, безъ всякой пользы. Это просто скандалъ съ такимъ на-

чальникомъ штаба, знаете, жаль отъ души Черняева, вѣдь за все это падаетъ на него главная отвѣтственность, а между тѣмъ онъ не виноватъ, увѣрялъ штабной.

— Да такъ-то такъ, но почему-же онъ кого слѣдуетъ не турнуть къ черту?

— Вѣрно скоро этимъ кончится, увидите.

— Поздно уже теперь, если же такъ и кончится, то послѣ столькихъ не простительныхъ глупостей.

На другой день Рузминскому предложено оставить Делиградъ, а Лудову произвели такую головомойку, отъ которой онъ долго лечился коньякомъ. Слѣдовало-бы предать военному суду всѣхъ виновниковъ такого несчастнаго событія, но главнокомандующій очень гуманный и добрый человѣкъ, не желалъ брать на свою совѣсть отвѣтственности за ихъ участь, и ограничился только мѣрами болѣе снисходительными.

— Неудачные партизаны Рузминскаго плохо отличились — не оправдали славу ташкентскихъ героевъ.

— А Лудовъ-то, Лудовъ, вѣчно вѣдь накуралесить, помните какую онъ вылазку устроилъ въ Алексинцѣ въ августѣ, обратился одинъ изъ офицеровъ къ высокому смуглому брюнету — русскому добровольцу.

— Какже, я самъ въ ней участвовалъ, про нее интересно рассказывалъ Данчинъ, онъ тоже въ качествѣ охотника былъ съ нами.

— Какой это Данчинъ?

— Весьма оригинальная личность — чиновникъ какого-то министерства, чуть-ли не статскій совѣтникъ, сражается здѣсь въ качествѣ простаго волонтера, получилъ уже медаль „за храбрость“. А вотъ и онъ кстати тутъ, погодите я его позову, пускай расскажетъ про эту комедію — преинтересно! — Послушайте, Федоръ Васильевичъ, куда вы? закричалъ офицеръ.

— А въ чемъ дѣло? спросилъ озадаченный маленькій, сухощавый съ бородой Федоръ Васильевичъ.

— Заверните голубчикъ сюда на минутку, — у меня къ вамъ важное дѣло.

— Ну говорите, что у васъ тамъ нужнаго? спросилъ, неохотно подошедшій участникъ вылазки.

— Расскажите, какъ вы съ Лудовымъ въ августъ въ Алексинацѣ сражались, присталь къ нему ординарецъ.

— Ну, да Богъ съ нимъ! я уже забылъ про эту чепуху.

— Нѣтъ, расскажите голубчикъ! вотъ мой товарищъ интересуется, упрасивалъ онъ его.

— Неужели вы не знаете про нашу вылазку?

— Не знаю — я вѣдь не давно пріѣхалъ.

— Да мнѣ просто совѣстно сознаться, что самъ былъ участникомъ такой комедіи, стѣснялся Федоръ Васильевичъ.

— Чего тамъ совѣстно, — расскажите, пожалуйста!

Долго не рѣшавшійся участникъ, приступилъ наконецъ къ забавному рассказу. — Знаете, какъ-то въ началѣ августа, началъ онъ, Лудовъ съ разрѣшенія начальника штаба вздумалъ собрать охотниковъ и произвести въ Алексинцѣ вылазку. Вотъ набралось человѣкъ двадцать пять — тридцать, ну и я туда пристроился, отправляемся, такъ уже передъ вечеромъ, подъ предводительствомъ Лудова, пѣшкомъ въ Алексинацъ. Кто-же начальникъ нашего отряда, спрашиваю я у Лудова, — неужели вы сами?

— Нѣтъ — говорить — какое тамъ, я не берусь быть начальникомъ — куда мнѣ. Я только такъ, ради удовольствія, а у насъ тутъ есть старый кавказскій капитанъ — онъ будетъ заправлять всѣмъ дѣломъ.

— Гдѣ-же онъ? спрашиваю.

— Видите, вотъ тотъ, съ большими усами.

— Ну, думаю, мало надежды на успѣхъ. Нашъ командующій кавказецъ оказался пьянымъ до такой степени, что поддер-

живаемый подъ руки двумя охотниками изъ команды, съ трудомъ тянулся за отрядомъ — что ни шагъ спотыкался на гладкой дорогѣ, вскрикивая при этомъ, что онъ здѣсь начальникъ, что разнесетъ весь лагерь у турокъ, и что за неповиновеніе будетъ разстрѣливать.

— И вы не испугались такой участи? спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Да не мѣшайте-же рассказывать своими вопросами. Я и то безъ смѣху не могу вспомнить, а вы еще съ шутками пристаєте. Ну вотъ идемъ, знаете ордою, продолжалъ онъ, наконецъ я первый заявляю, что пѣшкомъ идти не могу — усталъ и желаю ѣхать въ коло (повозкѣ).

— Въ какомъ коло? снова пристали къ нему съ вопросомъ.

— Да позади нашего отряда ѣхала вѣдь подвода, въ которой везлось сѣбное и разные напитки; знаете вѣдь, что Лудовъ не обойдется безъ запаса коньяку, тѣмъ болѣе въ такомъ отчаянномъ предпріятіи, сердито отвѣтилъ ораторъ. На чемъ я остановился, позвольте... ахъ да! говорю имъ, что желаю ѣхать въ коло.

— Въ какія говорятъ вы кола собираетесь ѣхать? Оно и безъ васъ уже наполнено сѣдоками, — совсѣмъ нѣтъ свободного мѣста.

— Какъ? спрашиваю.

— Откуда-же оно возмется, когда кавказскаго капитана и еще нѣсколькихъ пьяныхъ туда уложили — лошадь отказывается везти, сообщаетъ мнѣ одинъ изъ охотниковъ. Хорошъ, думаю предводитель, — нечего сказать.

— А Лудовъ куда же дѣвался? спрашиваю у него.

— Онъ тоже въ коло путешествуетъ, мертвецки пьянъ.

— Отрядъ повидимому весь усталъ и отказался идти дальше; — помочь горю — возстановить дисциплину было нѣкому, — командиры составляли предметы не одушевленные, до такой степени были оба пьяны, — между тѣмъ уже смеркалось, а до Алексинца оставалось еще верстъ восемь....

— Вы лучше скажите, что весь отрядъ перепили, а не усталъ, это будетъ правдоподобнѣе, перебилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Да замолчите-же, наконецъ, возмущился рассказчикъ, если хотите узнать результатъ, ну, перепили или усталъ, не все ли вамъ равно? я податливъ, пусть будетъ по вашему — отрядъ перепили....

— Теперь то именно и будетъ по вашему, потому что въ то время вы всѣ были пьяны, снова отозвался офицеръ.

— Перестань ты ему надоѣдать, послушай! ты вѣдь тамъ не былъ, за чѣмъ же навязываешь свои заключенія, онъ и самъ расскажетъ какъ дѣло было, возразилъ товарищъ шутника-офицера.

— Вотъ мы общимъ совѣтомъ, продолжалъ Федоръ Васильевичъ, рѣшили остановить ѣдущія какія то по дорогѣ подводы и заставить ихъ везти насъ въ Алексиннацъ. Тѣ было сначала отказывались, но когда замѣтили, что шутить мы не намѣрены, то размѣстили полупьяную нашу компанію и повезли. Ночью, часовъ около одиннадцати мы добрались наконецъ до Алексинца, но безъ начальства — оно далеко отстало позади и понятно почему отстало — ихъ тамъ на одной лошади везлось шесть человекъ мертвецки пьяныхъ, которая еле двигалась съ такой поклажей. Гдѣ, думаю, остановиться, въ гостиницѣ лучше всего. Хорошо еще, что ночью пріѣхали, по крайней мѣрѣ не будетъ свидѣтелей этого триумфальнаго въѣзда охотничьяго отряда. Кое какъ добрались мы и до гостиницы, а начальства все таки нѣтъ, за нимъ я выслалъ серба на встрѣчу. Что, спрашиваю, есть номера?

— Има господине (есть).

Ну слава Богу, давай я будить сотоварищей; будиль — будиль ничего не подѣлаешь, ни одинъ не просыпается, а тутъ еще сербы протестовать стали, „домой, говорятъ, ѣхать нужно“, принялись мы втроемъ ихъ будить — та же исторія, всѣ какъ будто мертвые — и не пошевеливаются. Нечего дѣлать, оставляю, думаю, ихъ ночевать на подводахъ, утромъ сами проснутся. Я самъ уже собирался идти

спать, какъ вижу ѣдетъ остатокъ обоза—начальство, но и оно осталось глухимъ къ моимъ толчкамъ въ различныя части тѣла съ цѣлю пробудиться; оставалось одному отправиться въ номеръ спать, чему я сейчасъ же и послѣдовалъ, потому что чувствовалъ ужасную усталость, послѣ такого богатаго приключеніями перехода.

Утромъ еще не успѣлъ одѣться, слышу какіе то крики возлѣ гостиницы, на скоро накинувъ на себя платье, выхожу и вижу—весь отрядъ уже всталъ, начальство тоже проснулось въ недоумѣніи. Я еще не успѣлъ имъ объяснить въ чемъ дѣло, какъ все это на меня накинuloсь съ упреками.

— Да что же мнѣ съ вами нужно было дѣлать, когда вы пьянешеньки—не просыпаетесь! говорю имъ.

— Какъ это! за чѣмъ вы насъ оставили на подводахъ! на что это похоже! шутить съ нами вздумали, что-ли? закричалъ на меня кавказскій капитанъ. Я васъ сейчасъ-же прикажу разстрѣлывать!

— Успокойтесь, говорю, не горячитесь, дѣлайте лучше распоряженія—на счетъ вечерней вылазки, а то бесполезными криками меня не испугаете, а сами утомитесь. Видя такое мое хладнокровіе, капитанъ успокоился, но совѣтъ мой дѣлать распоряженія на счетъ вылазки не увѣнчался успѣхомъ. Они, представьте, по номерамъ размѣстились и давай опохмѣляться снова. Лудовъ приказалъ заколоть свинью на всю команду и пошелъ пиръ горою.

Такъ пропьянствовали до вечера. Что-же, вылазка состоится-ли? спрашиваю у кавказскаго капитана. Въ амбицію представьте вломился, „не ваше, говоритъ, дѣло въ мои распоряженія вмѣшиваться! прежде нужно отдохнуть, да обсудить хорошенько, а не зря надѣлать глупостей по вашему, я и самъ знаю, что нужно дѣлать!“ пришлось замолчать передъ начальствомъ, ну ихъ думаю къ черту, не задумаются пожалуй и выпоротъ за возраженія—поди потомъ, ищи удовлетворенія.

Такъ мы пропировали до вечера, все перешилось по вчерашнему, а вечеромъ на военномъ совѣтѣ, подѣ председательствомъ

Лудова было рѣшено „сегодня не предпринимать ни чего“.—Ну понятно, все это мертвецки пьяное и утомленное продолжительными преніями въ военномъ совѣтѣ, улеглось спать.

На третій день, спасибо коменданту, насъ собрали и объявили, что если мы дольше будемъ оставаться въ городѣ и пьянствовать, то онъ всѣхъ арестуетъ и отправитъ подъ конвоемъ въ Делиградъ. Вотъ тутъ-то команда взбунтовалась и пристала къ Лудову.

— Вы, говорятъ, затѣяли вылазку, собрали охотниковъ, а теперь отпѣкиваете — пьянствомъ угощаете! нѣтъ-съ, извините, пьянство своей дорогой, а если сегодня-же не поведете насъ въ дѣло, то мы съ вами и съ капитаномъ раздѣлаемся по своему, какъ угодно! противъ такихъ настойчивыхъ требованій начальство наконецъ уступило. Снова то же пьянство до вечера (ну теперь, положимъ, для большей храбрости), а вечеромъ, такъ часовъ въ семь, подъ главнымъ начальствомъ Лудова, отправились мы на вылазку. Повѣрите-ли, что весь отрядъ, начиная съ предводителей, былъ до того пьянъ, что многихъ приходилось поддерживать въ пѣшемъ строѣ, а нѣсколькихъ, потерявшихъ всякое равновѣсіе, пришлось оставить на дорогѣ. Я, какъ не пьющій, чувствовалъ себя совсѣмъ чуждымъ въ этой средѣ, и сказать откровенно не много трусилъ.

Ночь была ужасно темна. Мы потихоньку стали подбираться къ турецкому лагерю, съ цѣлю напасть и поднять войска на ноги, чѣмъ должны были воспользоваться наши отряды и кинуться въ распахъ на турокъ—словомъ планъ былъ хорошій. А надо вамъ сказать, что жители Алексинца сообщили намъ, что турки ради безопасности, впереди, на нѣкоторомъ разстояніи отъ своего лагеря, зажигаютъ огни и возлѣ нихъ оставляютъ только собакъ, а сами уходятъ назадъ (собакъ въ турецкомъ лагерѣ масса). Словомъ устраиваютъ этимъ что-то въ родѣ передовыхъ постовъ, кромѣ цѣпи. Къ этимъ то огнямъ мы и стали подбираться. Но не подо-

шли мы еще шаговъ на сто, какъ собаки подняли оглушительный лай и въ это-же время впереди насъ раздался глухой выстрѣлъ (увлекаясь сообщилъ Ф. В.), я какъ то машинально оглянулся — о, ужасъ! никого нѣтъ, изъ тридцати человѣкъ осталось пять — не больше съ Лудовымъ, храбраго капитана какъ не бывало — улизнулъ заранѣе. Вотъ тебѣ, думаю, и охотники, вопросъ — не надо-ли и самому натрагъ собираться. — Я еще не рѣшилъ, что дѣлать, какъ снова раздалось нѣсколько выстрѣловъ, уже отъ насъ подальше. (Въ послѣдствіи оказалось, что первый выстрѣлъ, произведенъ былъ Лудовымъ на огонекъ.) — Ну, знаете, какъ только мы услышали еще нѣсколько новыхъ выстрѣловъ, такъ и порѣшили, что лучше удеремъ, а то того и смотри, что въ плѣнъ попадешь, или шальная пуля въ потьмахъ задѣнетъ; какъ только рѣшили, сейчасъ же повернули на лѣво кругомъ, да скорѣе борзыхъ на перегонку давай удирать, а Лудовъ, впереди, скорѣе всѣхъ. Что значить „у страха глаза велики“, днемъ идешь по тротуару въ благоустроенномъ городѣ и смотришь, какъ бы не оступиться, а тутъ-то, батюшка! канавы ни почему — откуда сила эта берется, просто не понятно. Спасибо вамъ голубчикъ за вылазку, говорю Лудову, молодцомъ распорядились — не ожидалъ! — Пожалуйста, говорить, никому не сознавайтесь. Но расчеты оказались не вѣрны, мы еще не успѣли вернуться въ Де-лиградъ, какъ уже въ штабѣ обо всемъ было извѣстно. Вотъ вамъ батюшка и вылазка, потѣха да и только! закончилъ онъ разсказъ.

— А медаль то за какую же храбрость получили?

— Это, батюшка, за 16-е сентября, почище Алексинацкой вылазки.

— То-то, а я думалъ не дали-ли вамъ заурядъ съ другими героями, за что нибудь подобное вашей вылазкѣ, сказалъ серьезнымъ тономъ все время молчавшій офицеръ.

Вотъ одна изъ тѣхъ побѣдоносныхъ вылазокъ и рекогносцировокъ, которыя нѣкоторыми нашими газетами воспѣвались чуть-ли не за генеральныя сраженія.

Красивая картинка. — Пожаръ. — Оригинальный флигель-адъютантъ. — Два слова о сербахъ и нашихъ. — Мочлеги съ козаками. — Новый бивуакъ. — Выступленіе эскадрона королевы Наталіи. — Отъѣздъ неудачнаго начальника штаба. — Организациа арміи. — Волонтеры. — Новый начальникъ штаба.

Мнѣ наконецъ надоѣла эта цыганская жизнь, безъ пищи, пристанища и цѣли въ будущемъ, — одни толки о перемиріи — а при такой постановкѣ вопроса тѣмъ болѣе становилось труднымъ переносить рядъ лишеній и неудобствъ.

Такъ проходили дни за днями, вселяя самое тяжелое впечатленіе и заставляя томиться выжиданіемъ чего то рѣзкаго, неизвѣстнаго въ будущемъ — какъ будто событіе, долженствующее сразить всѣхъ одинаково, висѣло надъ головою. Въ началѣ октября, не помню котораго именно числа, такъ часовъ въ шесть вечера турки открыли сильный артиллерійскій огонь.

— Чтобы это такое значило? спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Дураятъ какъ и всегда, даромъ снаряды теряютъ; знали-бы, что намъ этимъ удовольствіе дѣлаютъ, перестали-бы навѣрное. Смотрите какая красивая картина, каждый выстрѣлъ отчетливо виденъ.

И правда, въ сумерки каждый выстрѣлъ составлялъ собою отдѣльно красивую картину. Внезапное появленіе бѣлаго дыма изъ орудія, сопровождаемаго огненнымъ языкомъ пламени, а черезъ секунду оглушительнымъ громомъ, во мракѣ темной ночи, состав-

ляли весьма красивое явленіе, тѣмъ болѣе интересное, что это было явленіе войны, заставлявшее содрагаться при воспоминаніи возможныхъ его послѣдствій.

— Мы любуемся картиной, а другимъ это жизни стоитъ, сказалъ кто изъ офицеровъ.

— Неизвѣстно, можетъ быть и нѣтъ. Смотрите! что это? пожаръ въ штабѣ, бараки горятъ!

Всѣ мы кинулись бѣжать къ баракамъ, которые пламя охватило сразу одинъ за другимъ; какъ спички зажигались эти камышевые шалаши, во множествѣ выстроенные вокругъ штаба. Тутъ же рядомъ разныя конюшни, кафаны, приготовленный матеріалъ для зимнихъ построекъ и весь, такъ называемый, застроенный Делиградъ, въ какойнибудь часъ времени могъ быть уничтоженъ пожаромъ, въ случаѣ, если-бы не были приняты энергичныя мѣры. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ постигли общую опасность и принялись тушить самыми рѣшительными пріемами. Я вернулся спасать свои вещи въ козачьемъ баракѣ, который на половину уже горѣлъ; отсюда раньше подошедшее офицерство тащило все безъ разбора и отбрасывало къ штабному забору, куда не досягаль огонь, а только ручки, падкія къ чужому имуществу. Своихъ вещей я уже не нашелъ, спасъ только револьверъ, валявшійся въ огнѣ и патроны, уроненные вѣроятно въ общей суматохѣ кѣмънибудь изъ козаковъ. Вслѣдствіи порывистаго вѣтра въ разныя стороны, пламя обжигало до того сильно, что не было возможности розыскивать остальные вещи—мы ихъ оставили въ огнѣ. Хуже всего то, что тамъ же осталось нѣсколько сотъ офицерскихъ патроновъ, которые накалившись—взрывались и отлетали на нѣсколько шаговъ по разнымъ направленіямъ, мѣшая этимъ тушить, не рискуя быть раненымъ. Но дѣлать было нечего, мы что могли, то спасли, а послѣ обратили свою дѣятельность на болѣе опасный пунктъ—на правый флангъ, гдѣ пожаръ принималъ серьезные размѣры. Теперь снова рѣдкая по сюжету картина, пожаръ въ темную ночь, раздуваемый

сильнымъ вѣтромъ, освѣщаль почти всю площадь, покрытую разными шалашами, палатками, бивуаками; крикъ людей, бѣгающихъ въ огнь съ испуганными лицами, ржанье лошадей, метавшихся въ разныя стороны, лай собакъ и продолжающіеся отдаленные выстрѣлы — развѣ не интересное явленіе? даже мало увлекающаяся натура могла бы теперь переродиться въ художника съ самымъ пылкимъ воображеніемъ.

— Господи, доски уже горятъ, убирайте ради Бога, а то все пойдетъ! кричалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Всѣ силы на правый флангъ! господа офицеры, на правый флангъ! командовалъ Монтеверде.

Вѣтеръ такъ сильно раздувалъ огонь и закидывалъ пламя на далекое разстояніе отъ самого центра пожара, что тушить оказывалось болѣе чѣмъ затруднительнымъ; огонь обжигалъ страшно. Сюда нужно было петербургскую пожарную команду, а не насъ съ голыми руками.

— Помилуйте, полковникъ, что-же вы сербовъ не заставляете тушить, ихъ цѣлый баталіонъ собрался зрителей и не принимаютъ никакого участія, протестовалъ загнанный и обожженный русскій.

— Вы еще разсуждаете, накинулся на него бѣднаго Монтеверде, я васъ арестую, впередъ! закончилъ онъ повелительно.

Смотря на собравшихся здѣсь сербовъ около двухъ сотъ чело-вѣкъ, не принимавшихъ почти никакого участія въ тушеніи, за исключеніемъ нѣсколькихъ, заставленныхъ силою, становилось обиднымъ такое обращеніе г. Монтеверде, который придирался исключительно къ русскимъ. Не менѣе казалось страннымъ и то, что главнокомандующій не поинтересовался взглянуть по ближе на опасное явленіе, гдѣ его присутствіе заставило-бы многихъ приняться за дѣло, а тамъ гдѣ-то, изъ окна кабинета или съ балкона, окруженный многочисленной свитой, въ длинномъ сюртукѣ, смотрѣлъ онъ на пылающее пламя, какъ подъ Москвой Наполеонъ І, передъ своимъ паденіемъ.

— Заставляйте сербовъ тушить пожаръ, кричалъ кто-то изъ толпы.

— Какъ-же заставите вы ихъ? развѣ клинкомъ угостить—привыкли шельмы натрагъ удирать.

— Ахъ славяне, за васъ ли мы пріѣхали сражаться? Да это хуже всякихъ турокъ! раздавались возгласы въ общей массѣ. Офицерство лѣзло изъ кожи, тушило и пожаръ въ скоромъ времени сталъ уменьшаться.

— Вотъ вамъ примѣръ, обратился ко мнѣ какой-то офицеръ, такъ и въ сраженіи. Приложишь дуло къ груди, то какъ будто и идетъ впередъ, а чуть отсталъ, сейчасъ-же натрагъ. Съ такимъ вотъ войскомъ сражаться не угодно ли! Жаль насъ русскихъ, перебьютъ, какъ телятъ перерѣжутъ, а толку никакого.

Кое какъ пожаръ наконецъ потушили. Бараки всѣ почти, за исключеніемъ двухъ, трехъ, сгорѣли. Ночной сырой холодъ сталъ не выносимъ, а ночевать негдѣ и вещей тоже нѣтъ. Повидимому перспектива не утѣшительная, тѣмъ болѣе, что если-бы даже были и деньги, то купить необходимыя вещи негдѣ,—теперь впрочемъ и денегъ ни копѣйки.

Всѣ мы, потерпѣвшіе отъ пожара (главнымъ образомъ козаки и я), собрались группой и не знали какъ намъ быть? ни вещей, ни денегъ, ни квартиры, ни надежды помочь горю—положеніе болѣе чѣмъ отчаянное. Фонаря даже нѣтъ—разглядѣть, не валяются ли гдѣ нибудь вещишки.

— Ну что-же господа, рѣшайте большинствомъ голосовъ, гдѣ ночевать.

— Что тутъ рѣшать! Вотъ ляжемъ, гдѣ стоимъ, больше вѣдь негдѣ; станешь рѣшать, когда и безъ того усталъ какъ почтовая лошадь, подалъ разумный совѣтъ офицеръ.

— А вещи-то какъ-же, бросимъ? За ночь вѣдь перекрадутъ все; если и осталось что нибудь, то добрые люди воспользуются случаемъ.

— Возьмите фонарь вот у того солдатика въ конюшнѣ, поищемъ, не найдемъ ли что нибудь изъ вещей.

Офицеръ отправился въ уцѣлѣвшій сарай за фонаремъ, слышенъ былъ споръ съ сербомъ, что-то возражающимъ довольно рѣзко.

— Вотъ животное этакое! не уступилъ фонаря, пока я силой изъ рукъ не вырвалъ; побѣждалъ жаловаться на меня своему начальству.

— Какому начальству?

— Къ Цвѣтко-Павловичу, говоритъ, пойду „я самъ србинъ, не смете мене бити“. Знаете къ тому флигель-адъютанту, начальнику сербской кавалеріи,—чертъ съ нимъ, пускай жалуется.

— Охота вамъ была трогать этого осла, наживемъ пожалуй непріятность изъ за глупости—фонарь того не стоитъ.

Пока мы разсуждали, прибѣжалъ флигель-адъютантъ Цвѣтко-Павловичъ и, узнавъ отъ солдата который изъ насъ его толкнулъ, съ крикомъ и дерзкими упреками накинудся на офицера.

— Вы не кричите на меня и пальцемъ подъ носъ не тыкайте, а то я по фізіономіи съѣзжу. Я не лакей передъ вами, а русскій офицеръ!

— Вы не смете бити сербина, не для того сте пріѣхали; вы въ Србіи, а не у Русіи, продолжалъ доказывать флигель-адъютантъ, нѣсколько смягчившись аргументальнымъ предупрежденіемъ козака. Главное то, что этотъ защитникъ, обмѣниваясь рѣзкими фразами съ козакомъ, все время пытался вырвать изъ его рукъ фонарь и когда наконецъ достигъ своей цѣли, то какъ бы ужаленный кинулся бѣжать отсюда, произнося, въ заключеніе, разныя ругательныя выраженія, далеко не соотвѣтствующія его званію, какъ напр. „діаволь“ и другую, не удобную въ печати, площадную брань.

Непріятно было смотрѣть на эту некрасивую сцену, ясно доказывающую не дружелюбныя отношенія русскихъ къ сербамъ. Невольно рождался вопросъ—зачѣмъ сюда пріѣхали русскіе и навя-

зываютъ свою помощь, когда сербы ее вовсе не желаютъ. Ахъ да, они вѣдь прѣхали не въ Сербію (большинство такъ разумѣло), а къ Черняеву.

Такъ я думалъ про себя, не говоря ни слова, но было много данныхъ, что и другіе думали такъ же, что только тѣ, которымъ некуда дѣваться въ Россіи, люди потерянные безвозвратно, приносящіе собою лишь одинъ вредъ странѣ, въ которую прѣхали, эти только не анализировали себя въ своихъ дѣйствіяхъ. Они рады были случаю поскандальничать безнаказанно, пожить, хотя какъ ни-будь, на чужой счетъ, напиться и сломя голову пойти въ бой, въ надеждѣ покончить съ жизнью, надоѣвшей имъ до крайности. Такіе люди и въ бою могли принести пользу лишь какъ солдаты, но организовать ими милиціонную армію было не возможно, которая съ наплывомъ неумѣлыхъ дѣятелей, со всякимъ днемъ становилась хуже—успѣшно достигая деморализаціи.

При такомъ систематическомъ ухудшеніи войскъ и хорошіе, дѣльные русскіе офицеры не могли осуществить свою задачу — поддержать павшую дисциплину, вселить духъ солдату и возстановить хотя какой нибудь порядокъ.

Опытомъ дознано, что сербы трусы, дерутся не съ охотой, война ведется не народная, народъ не понимаетъ ее цѣли и чуть не открыто отказывается сражаться, все это правда но правда и то, что по отзывамъ самихъ-же русскихъ офицеровъ, командующихъ частями, дѣльное вліяніе на солдатъ и внушеніе необходимости повиноваться приказаніямъ своего начальства, всегда увѣнчивалось успѣхомъ—четы и баталіоны слушались, въ огнѣ были стойки, отступали правильно и если этимъ были обязаны дѣльной распорядительности русскаго начальника, то тѣмъ больше высказывали къ нему уваженіе, слѣдовательно, обвиняя безусловно сербовъ, нужно сознаться, что орудіемъ къ окончательному упадку арміи были тѣ же наѣхавшіе изъ Россіи волонтеры, которымъ Сербія представлялась единственно подходящимъ исходомъ, на ряду

съ другими, менѣ пріятными неизбѣжными послѣдствіями, словомъ Сербія, хотя на время, замѣнила имъ толстое одѣяло, согрѣвшее отъ рѣзкаго холода въ нетопленной комнатѣ.

По уходѣ курьзнаго флигель-адъютанта съ фонаремъ, мы долго еще искали свои вещи, но какъ ихъ найти, когда зги не видать, такая ночь темная, такъ безъ постели, въ однѣхъ холодныхъ шинелишкахъ и улеглись на площади.

— Экій холодъ невыносимый, хуже зимы, всего пробираетъ, отозвался кто-то изъ потерпѣвшихъ.

— Да, батюшка, бивуакъ плохой, хотя бы ночь то скорѣе прошла, а то замерзнуть не трудно.

— Къ штабнымъ-бы пойти въ бараки, авось пріютятъ какъ-нибудь, хотя положимъ и имъ теперь тѣснѣе пришлось.

— Ну, нѣтъ-съ, я напрашиваться не стану! здѣсь вотъ всю ночь буду прозябать, а къ нимъ не пойду.

— Вотъ еще выдумалъ къ штабнымъ идти проситься, чего не доставало, какъ будто здѣсь мало удобства!

— Довольствуйся имъ, посмотримъ, что утромъ скажешь, коль отморозишь ноги.

— Ничего, братъ, ночь не велика, а завтра ромомъ будемъ лечиться!

Меня этотъ разговоръ хотя и ободрялъ нѣсколько, но холодъ одерживалъ побѣду. Я по неопытности снялъ сапоги и ноги просто околѣбли, а обути ихъ снова не было возможности — отсырѣли, оставалось терпѣть добровольную пытку. Всѣ притихли, какъ будто уснули, но не надолго; опять кто-то заговорилъ.

— Господа, вы спите?

— А вы, спите?

— Нѣтъ, не сплю, да и спать-то мудрено, когда холодъ насквозь пробираетъ!

— Да вы чѣмъ покрыты, что васъ пробираетъ?

— То есть какъ это чѣмъ, — развѣ вамъ тепло?

— И очень, гораздо теплѣе, чѣмъ въ бараки!

— Ну ужъ извините, а врете на славу. Вамъ холоднѣе моего, потому что я подъ полушубкомъ, а вы подъ одной шинелькой прохладаетесь! хотя-бы въ дѣло поскорѣе попасть, зналъ бы по крайней мѣрѣ изъ за чего терпѣть, а то вотъ здѣсь возлѣ штаба болтаешься безъ толку, скачешь за начальствомъ на позицію, чертъ знаетъ, для какой надобности—просто тоска одолеваетъ.

— Сегодня я слышалъ, что ваша сотня завтра утромъ выступаетъ къ Бобовиштамъ, произвести рекогносцировку.

— Въ самомъ дѣлѣ? вотъ далъ бы Богъ. Интересно-бы ту-рокъ подразнить, наши козаки молодцы! обрадовался офицеръ.

— Такъ говорили мнѣ въ штабѣ, а вѣрно-ли это — я не ручаюсь.

— Вѣрно, вѣрно! отозвался кто то изъ проснувшихся.

— Вы откуда же знаете, что вѣрно?

— Знаю, если говорю. Нашъ генералъ получилъ приказаніе еще съ вечера.

— Значитъ нужно по раньше вставать.

— Да, часовъ въ 5-ть отправимся.

— Куда-же, и съ какой цѣлью пойдѣмъ?

— Отыщемъ бродъ, перейдемъ на ту сторону Моравы, ну и если можно будетъ, то нападѣмъ на ихъ аванпосты, а нѣтъ—другое что нибудь затѣмъ, тамъ смотря по обстоятельствамъ.

— Ухъ, турка бы мнѣ въ руки! пополамъ-бы его анафему! скрежеталъ козакъ.

— Эка вы счастливы, господа, сядете завтра на лихихъ коней и помчитесь доказать свою удалъ, — а я то числюсь въ не существующемъ эскадронѣ и болтаюсь, не принося никому ни какой пользы, просто досадно.

— Въ какомъ-же вы эскадронѣ?

— Въ сводно-кавалерійскомъ, въ которомъ нѣтъ ни людей, ни лошадей—все еще въ будущемъ, когда сформируютъ.

— Да, при такихъ условіяхъ не весело считаться кавалеристомъ. Впрочемъ и въ вашемъ положеніи можно принести пользу, конечно при извѣстныхъ условіяхъ и данныхъ.

— Научите пожалуйста, какую?

— Помилуйте, въ теченіи дня столько интересныхъ фактовъ, стоитъ только записывать, составитъ цѣлая книга богатаго матеріала, посовѣтоваль козакъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, хорошую вы мысль подали—не дурно-бы ею воспользоваться. Экій холодъ невыносимый! хотя бы вздремнуть не много, и сонъ то не одолѣваетъ.

— Да, батюшка, ночлегъ будемъ помнить—не забудемъ.

На развѣстѣ козаки поднялись и ушли по назначенію, а я отыскавъ кое какія свои вещи, отправился блуждать по Делиграду—гдѣ бы пріютиться. Не дурно-бы и чайкомъ согрѣться, ну да гдѣ же его возмешь—роскошь на послѣ, а пока забота болѣе существенная—ѣсть нечего и спать негдѣ. Вотъ иду съ поникшей головою и думаю, что дѣлать, куда дѣваться, какъ встрѣчаюсь съ начальствомъ.

— Куда вы путешествуете? у васъ тамъ пожаръ, что-ли было? спрашиваетъ меня командиръ съ тонкими усами.

— Къ несчастью былъ и вещишки мои сгорѣли, вотъ иду искать куда бы пріютиться, а то околѣть на холодѣ придется. А вы, подполковникъ, гдѣ помѣщаетесь?

— Я пока въ эскадронѣ.

— Въ какомъ?

— Да въ томъ-же—королевы Натальи, онъ сегодня выступаетъ, а мнѣ начальникъ штаба, въ виду формировація эскадрона, предоставилъ занять мѣсто его расположенія. Совѣтую и вамъ туда перейти, тамъ остались пустыя бараки, ну и обѣдать будемъ вмѣстѣ.

— А готовить-то кто же будетъ?

— Какъ кто — кашеваръ, вѣдь тамъ остается цѣлое хозяй-ство — цейхгаузъ, люди и лошади, — переходите — проживемъ на славу! предложилъ командиръ.

— Съ великимъ удовольствіемъ, ужь если и не на славу, то пристанище хотя будетъ — и то находка.

— Пока до свиданья, а что Комаровъ еще не уѣхалъ?

— Нѣтъ, мнѣ говорили въ штабѣ, что сегодня вечеромъ уѣзжаетъ, штабное офицерство собирается провожать. Не знаю правда-ли, но говорятъ Дохтуровъ на его мѣсто поступить.

— И слава Богу, что Дохтуровъ, это дѣльная и благород-ная личность!

— По вашему всѣ отзываются — видно не безъ причины. Я собственно его знаю очень мало, но общій отзывъ въ его пользу.

— Никто не ошибется, если видитъ въ немъ дѣльнаго че-ловѣка — повѣрьте! ну до свиданья, мнѣ нужно въ штабъ, зато-ропился командиръ.

Я радъ былъ приглашенію переселиться и сейчасъ же съ остав-шимися вещами отправился въ эскадронъ. Здѣсь уже сѣдлали лошадей, собираясь въ походъ. Солдаты суетились, офицерство укладывалось, одѣвалось, заряжало револьверы въ ожиданіи пред-стоящихъ случайностей, новый командиръ бѣгалъ, распоряжался и хлопоталъ. Вся суeta вмѣстѣ походила не сборы эскадрона въ дальній походъ.

— А, а, а! здравствуйте, встрѣтилъ меня офицеръ, вы не въ нашихъ-ли палатахъ пришли располагаться? сдѣлайте одолженіе унаслѣдуйте, вотъ хотя-бы мой баракъ — просторный и теплый.

— Именно, спасибо, что уходите, а то некуда дѣваться — штабные бараки погорѣли, а другихъ нѣтъ, приходится скитаться хуже собаки. — Васъ куда-же поведутъ — къ Зайчару?

— Да, въ распоряженіе полковника Месвѣдовскаго!

— И ваша то участь батюшка не завидная, наткнетесь если

на турецкую кавалерію, которая какъ вамъ извѣстно превосходна—погибнете ни за грошъ!

— Будемъ избѣгать наткнуться, пока усовершенствуемся и приобрѣтемъ кавалерійскую лихость — тогда ужъ помѣряемся съ ними. Во всякомъ случаѣ походъ дѣло полезное для молодаго эскадрона.

— Конечно, противъ этого ни слова, помогай вамъ Богъ остаться побѣдителями, только я что-то сомнѣваюсь, чтобы при вашихъ кадрахъ въ такое короткое время можно было создать не то что лихой, а даже сносный эскадронъ, это труднѣе чѣмъ вы думаете.

— Ну, вы пойдете разбирать, да выводить заключенія! увидимъ каковъ вашъ будетъ—сводно-кавалерійскій.

— Я и не говорю, что будетъ лучше вашего, хотя есть данныя такъ думать, потому что командиръ будущаго эскадрона — старшій кавалеристъ, офицерство уже принятое, то же кавалеристы — отставные русскіе драгуны, тогда какъ у васъ пѣхота вѣдь преобладающій элементъ эскадрона, а это именно и составляетъ слабую вашу сторону.

Во время нашего разговора раздалась — команда „выводить“ и я, простившись съ офицеромъ, отправился располагаться въ баракъ. Здѣсь оставивъ свое несчастное имущество, выхваченное изъ огня, заключающееся въ портфель, двухъ рубашкахъ и одной парѣ старыхъ сапогъ (все остальное пропало), вернулся въ штабъ съ цѣлью присутствовать на смотру, который полагали будетъ произведенъ выступающему эскадрону самимъ главнокомандующимъ.

Спусти какіе нибудь полъ часа — не болѣе эскадронъ построенный въ колону съ права — по три, показался изъ за горы и вытянувшись на шоссе, какъ разъ противъ квартиры главнокомандующаго, остановился въ такомъ-же порядкѣ. Еще на ходу подскакалъ къ фронту командиръ не существующаго полка и поздоровавшись съ людьми, сталъ на свое мѣсто, въ ожиданіи вышаго начальства.

— Что это и полковой командиръ идетъ съ ними?

— Конечно! нельзя же отпустить не обученный эскадронъ, съ молодымъ не опытнымъ командиромъ, да еще въ отдѣльную командировку, въ которой можно предвидѣть множество серьезныхъ случайностей. Положимъ, что онъ человѣкъ весьма порядочный и знающій службу, но молодой, не опытный офицеръ, тогда, какъ командиръ полка, старый кавалеристъ — кавказецъ, бывалый уже въ дѣлахъ по чище здѣшнихъ! доказывалъ офицеръ.

— Что-же они во фронтъ не перестроились?

— Не знаю, это дѣйствительно странно, а еще два командира! Вотъ и Черняевъ уже вышелъ.

Раздалась команда „смирно, глаза на право“. Главнокомандующій приблизился къ эскадрону и принявъ почетный рапортъ отъ командира, обратился къ солдатамъ.

— Здорово братцы! съ Богомъ въ дорогу! Если придется, то отличитесь молодцами!

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство!

— Смотрите, ведите себя хорошенько, не пьянствуйте, ребята!

— Постараемся ваше ствоооо!!! *)

По знаку главнокомандующаго, скомандовали — „шагомъ маршъ“ и эскадронъ путаясь въ отдѣленіяхъ, двинулся впередъ и свернувъ на дорогу, не много лѣвѣе Алексинацкаго шоссе, вскорѣ исчезъ на горизонтѣ.

— Каковы неучи! не выстроили даже фронта для встрѣчи главнокомандующаго. Упрекалъ кто-то изъ штабныхъ.

— Должно быть боялись, что послѣ не построятся по три.

— Хорошіе же они кавалеристы, такъ пожалуй и съ двадцатью черкесами не справятся — въ плѣнъ сдадутся.

*) Отвѣтъ «постараемся» можно было истолковать разное — что не будутъ пьянствовать, а скорѣе на оборотъ, что они и оправдали впоследствии.

— Месвѣдовскій сдумѣтъ ихъ спрятать, онъ на это мастеръ.

— Пора и къ обѣду однако, ты знаешь-ли, сегодня вечеромъ Комаровъ уѣзжаетъ, ему даютъ прощальный обѣдъ въ штабѣ, а послѣ офицерство собирается провожать цѣлой кавалькадой нѣсколько верстъ.

— Какъ, совсѣмъ уѣзжаетъ?

— Говорять, будто — въ отпускъ, но мнѣ кажется, что его сплавляютъ деликатно, за неудачныя рекогносцировки.

— И къ лучшему, какой это начальникъ штаба, который не знаетъ ни мѣстности, ни состоянія своей арміи, распоряженія дѣлаетъ самыя смѣшныя, какъ напр., ту рекогносцировку, которую онъ устроилъ, помнишь, въ августѣ, и донесъ главнокомандующему, что турецкія силы находятся очень далеко, а ихъ оказалось цѣлый корпусъ подъ носомъ за Моравой, или Рузыминскаго рекогносцировка, вѣдь тоже по его распоряженію. Не спору, что онъ хорошій сотрудникъ газеты, но какъ начальникъ штаба дѣйствующей арміи, не выдерживаетъ даже снисходительной критики — чтобы не сказать болѣе.

— Мнѣ знаешь отъ души жаль Черняева. Онъ одинъ и ни кого больше, окружилъ себя чертъ знаетъ какими пришельцами и нѣтъ тебѣ выхода никакого.

— Самъ и виноватъ, что окружилъ.

— Пойми, что съ начала не изъ кого было и выбрать-то, приходилось довольствоваться тѣмъ, что было на лицо. Были-бы люди, не окружилъ-бы онъ себя такими субъектами — повѣрь.

— Тогда зачѣмъ онъ бралъ на себя такую отвѣтственность, если не признавалъ возможнымъ исполнить.

— Это братъ вопросъ весьма обширный, который пускай другіе рѣшаютъ впослѣдствіи. Я тебѣ скажу, что каждый чловѣкъ, болѣе умный, энергичный и самолюбивый беретъ на себя много, надѣясь конечно исполнить, хотя и не всегда оно удается. Являются многіе непредвидѣнныя обстоятельства, тормозящіе осу-

щественіе плановъ, что легко могло случиться и съ Черняевымъ, взявшимъ на себя отвѣтственность не по силамъ. Я тебѣ вотъ еще что скажу: Черняевъ, если хочешь, сдѣлалъ очень много, онъ съ этимъ трусливымъ и сквернымъ войскомъ продержался три мѣсяца противъ непріятельской арміи внятеро сильнѣе его. — Что не говори, а это большая заслуга. Во всякомъ случаѣ, если ты даже припишешь ее простой случайности и глупости турокъ, то нужно признать и за нимъ кое что недюжинное. Помнишь вѣдь пословицу Суворова, которому многія побѣды приписывали счастьемъ, что онъ на это сказалъ?

— Отчасти я съ тобою согласенъ, но не вполнѣ, мнѣ кажется, не къ чему-бы ему держать такое множество темныхъ личностей въ штабѣ, еще есть время измѣнить составъ, а онъ вѣдь какъ видно не особенно объ этомъ заботится, — все только и слышишь, занять, занять и занять, а чѣмъ? когда кругомъ одинъ произволъ.

— Видишь-ли, намъ вѣдь съ тобою, цѣнителямъ, куда легче его видѣть дурное, а вотъ попробуй-ка въ его кожѣ, тогда и ты скажешь другое. Конечно, во многомъ онъ виноватъ самъ, это бесспорно, но не во всемъ-же — нужно сознаться по совѣсти.

— Однако мы братъ съ тобою заговорились, пойдемъ поскорѣе, а то къ обѣду опоздаемъ.

Я внимательно слѣдилъ за разговоромъ этихъ двухъ штабныхъ офицеровъ, людей весьма порядочныхъ, высказывающихъ свое сужденіе основанное на опытѣ, почти безпристрастно — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это было возможно въ ихъ роли и доступно личному воззрѣнію на текущія событія. Они отправились въ штабъ, а я по обыкновенію въ кафану, въ которой какъ и всегда засталъ большую компанію офицеровъ.

— Что у васъ сегодня капитанъ на батарее, не экзекуція-ли производилась? я, проѣзжая мимо, замѣтилъ толпу солдатъ, откуда доносились какіе-то крики, такъ и подумалъ, что кого-нибудь порютъ на вашей батарее, спросилъ саперный капитанъ К.

— Въ которомъ часу?

— Да такъ, часу въ 3-мъ.

— Ахъ, это я приказалъ серба привязать къ дереву, на нѣсколько часовъ въ наказаніе. Можете себѣ представить какой мерзавецъ, вздумалъ костеръ разложить у самого пороха, я увидѣлъ и потерялся — такія шельмы, своихъ-же взорвать на воздухъ могутъ.

— Его-бы выпоротъ хорошенько слѣдовало.

— Мало-ли что слѣдовало, когда—нельзя, — русскихъ дуйте сколько угодно, а къ сербу прикоснитесь, цѣлая исторія выйдетъ. Вотъ только и наказанія, что къ дереву привяжемъ, но это имъ ни-почемъ, — отвязнуть, снова тотъ-же. Подобной апатіи ко всему я ни въ комъ такой не встрѣчалъ, ничтожный народишка, пропитанный какимъ-то дикимъ непонятнымъ самолюбіемъ. Съ офицерами напримѣръ здороваются и руку шельма протягиваетъ, какъ вамъ покажется! Я ему приказаніе отдаю, а онъ мнѣ руку суетъ! Ну, не оселъ-ли, скажите пожалуйста? чертъ знаетъ, какія понятія о службѣ. Я не отвергаю равенства и собственного достоинства, но не въ такихъ-же формахъ его высказывать, это ужъ слишкомъ что-то популярное выходить. Я готовъ ему протянуть руку какъ гражданину страны, но въ строю, какъ нижнему чину — никогда!

— Народъ-то ничтожный и самъ по себѣ, а съ примѣсью этого безобразнаго поведенія нашихъ, онъ сталъ еще хуже, собственно войско, когда оно офицера понимаетъ и уважаетъ, то кое какъ все идетъ, ну а тутъ какое-же уваженіе къ этимъ господамъ могутъ питать сербскіе солдаты, когда сами же они на позиціи стерегутъ подъ арестомъ, такъ сказать, своихъ начальниковъ, посаженныхъ за безобразіе. — Понятно, никакого, а въ такомъ случаѣ и повинovenію быть, нѣтъ основанія. Не разъ мнѣ приходилось видѣть — напьется неугомонный доброволецъ, да еще офицеръ и пошелъ приставать, да придирается ко всѣмъ, а то

и драться не прочь, ну, арестуютъ, стерегутъ тѣже сербы, конечно всякое уваженіе теряется, гдѣ-же тутъ подчиняться такому офицеру. Другое дѣло въ организованной арміи, тамъ дисциплина играетъ роль, а здѣсь — одно уваженіе солдатъ къ офицеру можетъ заставить исполнять его приказанія и повиноваться во всемъ безусловно.

— Ужъ не говорите, просто грустно смотрѣть на эти явленія, я положительно не понимаю, зачѣмъ славянскіе комитеты посылаютъ сюда этотъ народъ, съ какой цѣлью? вѣдь они, кромѣ существеннаго вреда, ничего другаго не приносятъ; пьянство, безобразіе, и темные поступки, вотъ явленія, которыя эти идеалисты поддерживаютъ усердно, благо сходить безнаказанно. Увидите, что по окончаніи войны, или въ случаѣ перемирія, будетъ не мало возни съ этими господами; что имъ дадутъ, то останется въ кафанахъ, а тогда пойдетъ безцеремонное попрошайство и скитаніе по дорогѣ, пока не доберутся до Бѣлграда,—а ужъ тамъ зададутъ настоящій бенефисъ. Эхъ, досадно, ей Богу, что изъ такого святаго дѣла большинство участниковъ сдѣлали мелкую и грязную житейскую аферу, сожалѣль артиллеристъ.

— Досадно и то, что люди порядочные, явившіеся сюда не изъ расчетовъ, а чисто изъ за идеи, пострадаютъ за одно съ большинствомъ. Сербскій солдатъ и вообще сербы потеряли всякое довѣріе къ русскимъ, разошлись съ ними во всемъ, и конечно всѣмъ одна честь.

— Главная причина та, что войны-то сербы не желаютъ и считая русскихъ какъ-бы виновниками ея, тѣмъ болѣе относятся къ нимъ не дружелюбно. Сколько мнѣ приходилось разсуждать съ ними объ этомъ вопросѣ, то всѣ въ одинъ голосъ высказываются не въ пользу войны. Они говорятъ: „намъ и такъ хорошо, зачѣмъ-же воевать съ Турціей“, того же положенія, что ихъ братьямъ плохо, они не постигаютъ и не хотятъ понять; сербы народъ не далекій, со-

средоточившійся на личныхъ матеріальныхъ интересахъ, отъ котораго требовать патріотизма при его ограниченности не возможно.

— Да такъ-то такъ, но не упускайте изъ виду и того, что мы сражаемся за общій славянскій вопросъ, Сербія служитъ лишь центромъ неизбѣжныхъ событій, а въ такомъ случаѣ поведение русскихъ волонтеровъ тѣмъ болѣе должно было быть безукоризненно. Всякое нарушеніе чести и приличія со стороны русскаго по отношенію къ тѣмъ, въ чей странѣ онъ сражается, становится пятномъ для насъ всѣхъ.

— Грустно, капитанъ, да что же подѣлаешь съ ними! Главная вина тѣхъ, кто ихъ сюда прислалъ, не разбирая.

Во время нашего разговора, со двора главной квартиры выходила коляска, сопровождаемая множествомъ верховыхъ офицеровъ.

— Смотрите, что это такъ поздно главнокомандующій ѣдетъ на позицію, спросилъ я съ удивленіемъ офицера.

— Куда тамъ на позицію, это Комаровъ въ отпускъ уѣзжаетъ.

— Съ нимъ вонъ и Черняевъ рядомъ въ коляскѣ.

— Ну да, это изъ вѣжливости, понятно, а въ душѣ-то я думаю главнокомандующій доволенъ, что этотъ страстный любитель рекогносцировокъ уѣзжаетъ.

— Онъ говорятъ, въ отпускъ не надолго?

— Въ отпускъ, только безвозвратный. — Довольно ужъ кровавыхъ benefices по его милости — пора и честь знать.

Общее закоренѣлое неудовольствіе офицеровъ высказывалось къ Комарову. Какъ человекъ вообще, онъ пользовался здѣсь хорошей репутаціей, но какъ начальникъ штаба безусловно скверной. Я служилъ при немъ всего два дня, почему не берусь высказывать свое сужденіе о его дѣйствіяхъ, фактически мало мнѣ извѣстныхъ. За то новымъ начальникомъ штаба — Дохтуровымъ всѣ были довольны и отзывались съ самой лучшей стороны о немъ, какъ вполне соответствующемъ своей роли. Предполагать въ

немъ военнаго дѣятеля были данныя, какъ въ дѣльномъ русскомъ офицерѣ генеральнаго штаба и такомъ-же командирѣ кавалерійскаго полка; въ неустрашимой храбрости этого человѣка здѣсь успѣли уже все убѣдиться, какъ онъ во время прошлыхъ сраженій, разтѣзая на плохой лошадекъ шагомъ впереди, стрѣлковой цѣпи и отдавая въ нѣкоторыхъ опасныхъ пунктахъ приказанія, оставался совершенно хладнокровнымъ, по среди адскаго непріятельскаго огня. Каждый былъ увѣренъ, что теперь въ особенности, когда онъ сталъ самостоятельнымъ, начальникомъ штаба, все что возможно—будетъ исполнено дорбосовѣстно и дѣльно.

Непріятная вѣсть. — Дворянское воровство. — Курьезная система стрѣльбы. — Представители сербской арміи. — Грустное предчувствіе. — Усердный защитникъ славянъ. — Номинальная кавалерія. —
Непозволительное увлеченіе.

Дни за днями проходили, а эскадронъ, въ которомъ я числился, не составлялся, подавая слабую надежду на будущее; въ арміи, которая бездѣйствовала уже цѣлыхъ двѣ недѣли, ни какихъ событій, скука одолѣвала ужасная. Только и дѣла, что въ штабъ, оттуда въ кафану, а послѣ забота о ночлегѣ. При такомъ положеніи дѣлшнихъ дѣлъ, нельзя было отдать себѣ прямого отчета въ своемъ положеніи, оставалось ожидать чего-то въ будущемъ, — но чего, не развязки-ли? да все равно, я рѣшилъ вооружиться терпѣніемъ и ожидать, чего-бы то ни было.

Какъ-то разъ послѣ обѣда прихожу въ штабъ, въ которомъ, какъ и всегда, собралось множество отовсюду офицеровъ. Думаю, не узнаю-ли что нибудь утѣшительное, конечно сейчасъ вопросы, разговоры, сплетни, истина и что хотите.

— Ну что, какъ вашъ эскадронъ, скоро-ли составитсѣя?

— А Богъ его вѣдаетъ. Вотъ вы близки къ начальству, скажите скоро-ли?

— Откровенно вамъ сказать или нѣтъ?

— Лучше ужъ откровенно, я вообще поклонникъ истины, тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ.

— Развѣ командиръ-то вашъ, ничего вамъ не сообщилъ?

— Я и не видалъ его сегодня.

— Вашъ эскадронъ, батюшка, не будетъ формироваться, потому что кавалерійскія дѣйствія признаны здѣсь не подходящими на пересѣченной мѣстности, а если когда нибудь и представится для нихъ случай, то довольно двухъ эскадроновъ, уже существующихъ.

— Не утѣшительную вы мнѣ новость сообщили.

— Да не все ли вамъ равно, перейдите въ пѣхоту, съ ней и пойдете въ дѣло.

— Легко сказать, въ пѣхоту. Во первыхъ, пѣшаго фронта я вовсе не знаю, что составляетъ большое затрудненіе принести пользу въ строю, а во вторыхъ, я кавалеристъ въ душѣ, желалъ-бы служить исключительно въ кавалеріи, въ которой хотя и не въ качествѣ командира, но какъ знающая единица, болѣе-бы пригодился чѣмъ въ пѣхотѣ, гдѣ кромѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ не окажу другой поддержки.

— Тогда выжидайте, можетъ быть и откроется вамъ поприще въ будущемъ.

— По неволѣ приходится выжидать, когда нечего больше дѣлать. Посмотрю впрочемъ, что дальше будетъ, а то уѣду въ Россію.

— О чемъ вы господа тутъ разсуждаете? спросилъ насъ подошедшій офицеръ.

— Да все на счетъ здѣшней кавалеріи.

— Нашли о чемъ. Я вамъ сообщу болѣе интересную новость.

— Какую?

— Дурную, одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ укралъ у Лудова деньги и крестъ Такова на память.

— Кто-же это отличился?

— Въ томъ-то и дѣло, что совѣстно назвать кто. Одинъ изъ офицеровъ, состоящихъ при штабѣ, весьма хорошей фамиліи, увѣщенный крестами за Ташкентъ.

— Да не можетъ-же быть, неужели укралъ?

— Серьезно! Доложили Черняеву, ну онъ, знаете, какъ добрыйшій человѣкъ, не желая предавать это гласности, посовѣтоваль ему уѣхать отсюда поскорѣе.

— Послушайте, какая-же цѣль скрывать такой грязный поступокъ? Скажите, кто? не пойду-же я наконецъ болтать передъ всѣми, — укралъ, ну и ладно! пускай его крадетъ до поры до времени.

— Развѣ вы не догадываетесь кто?

— Конечно нѣтъ, согласитесь, на кого-же я могу подумать, вѣдь это скандалъ?

— Блондинъ такой, довольно красивый, средняго роста, бывшій ташкентскій адъютантъ, ну что, узнали? вы, я вижу, не догадываетесь — Боржецкій! теперь узнали?

— Фу ты, гадость какая! да не ужели же это правда? скажите пожалуйста, приставальTheta невѣрующій.

— Серьезно, можете убѣдиться отъ другихъ. Говорять, это уже не впервые разъ, что раньше у Черняева украдены деньги тѣми-же руками. Лучше вамъ скажу — самъ въ этомъ сознался.

— Зачѣмъ-же его до сихъ поръ держать? скажите Бога ради.

— Не хотять дѣлать громкаго скандала, скоро выпроводять.

— Несбыточное желаніе, подобная исторія и сама по себѣ сдѣлается всѣмъ извѣстной въ Россіи, гдѣ навѣрное отнесутся съ должной справедливостію къ его поступку. За хорошимъ дѣломъ сюда ѣхаль — провель славянскую идею — съ честью!

Теперь оправдывалось мое заключеніе, что большинство добровольцевъ въ Сербіи искатели темныхъ приключеній, пріѣхавшіе сюда не изъ за идеи а по личному расчету, извлечь для себя пользу, хотя-бы наглѣмъ воровствомъ, безнаказаннымъ въ общей суматохѣ.

— Хорошій офицеръ въ неорганизованной арміи, который падокъ къ чужой собственности, — годится въ примѣръ подчиненнымъ! возмущался кто-то новостью дня.

— Совѣстно, братъ, даже называть офицерами подобныхъ людей. Я, признаюсь, что сколько приходилось наблюдать за все время, то всѣ почти офицеры, пріѣхавшіе сюда прямо со службы, порядочные люди и держать себя безукоризненно, а вотъ отставной народъ, оставившій службу по неудовольствію съ начальствомъ, или просто выгнанный за продѣлки, — эти-то всему зло.

— Положимъ что такъ, но все-же не легче отъ этой истины. И я соглашался съ такимъ мнѣніемъ, потому что сколько видѣлъ скандаловъ, дерзостей, различныхъ темныхъ поступковъ, всегда они производились то отставнымъ испившимся людомъ, то выгнанными изъ русской службы офицерами, то простыми волонтерами, Богъ вѣсть какими экземплярами, — но никогда почти офицерами фронта. Эти, за исключеніемъ не многихъ единицъ, вели себя безукоризненно, мирились со всѣми невзгодами боевой жизни и заслуживали отдать имъ полную справедливость въ этомъ отношеніи. Одно горе, что офицеровъ изъ фронта было здѣсь не много.

Мнѣ рѣдко приходилось видѣть сербскія войска въ составѣ цѣлаго баталіона или бригады, что-бы составить взглядъ на организацію. На позиціи если и приходилось бывать, то тамъ вѣдь они растянуты и раздроблены на мелкія команды, а сраженія, въ которомъ бы можно было видѣть армію въ массѣ, при мнѣ еще не было ни одного. Теперь слышались звуки военного оркестра, но не близко, а гдѣ-то въ отдаленіи.

— Какая-бы это музыка могла играть, скажите? Не турки ли на штурмъ идти вздумали? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, не съ той стороны слышно, я самъ не знаю, что это значить.

Звуки доносились все громче и громче.

— Да гдѣ-же это въ самомъ дѣлѣ?

— Погодите, увидимъ. Должно быть какія нибудь войска прибываютъ. Такъ оно и есть, вонъ изъ за горы показалась какая-то пѣхота, видите?

— Вижу, но не понимаю, какая-бы это могла быть пѣхота?

По направленію къ штабу двигался сербскій баталіонъ въ полувзводной колоннѣ съ трубачами впереди, довольно звучно играющими стройный маршъ. Приблизившись въ главной квартирѣ, неожиданное войско остановилось и построилось развернутымъ фронтомъ.

— Какой это баталіонъ, не знаете ли, да еще съ музыкой, откуда они ее взяли?

Подошедшій офицеръ объяснилъ намъ, что это сербскій баталіонъ третьяго призыва, сформированный въ послѣдніе три дня, будетъ представляться главнокомандующему.

— Неужели-же его пошлютъ сейчасъ въ дѣло?

— Откуда прямо на позицію. Да тамъ вѣдь фронтъ не нуженъ, а стрѣлять съумѣютъ.

— Въ особенности по сербски—навѣрное съумѣютъ, насмѣшливо замѣтилъ офицеръ.

— Какъ это по сербски, мнѣ кажется, что повсюду стрѣляютъ одинаково.

— То-то что не одинаково, сербы, сидя въ шанцахъ, стрѣляютъ не прицѣливаясь, такъ, на обумъ — положить ружье на брустверъ, самъ весь спрячется за стѣнку и пуцаетъ (стрѣляетъ) куда попало, тогда какъ во всѣхъ другихъ арміяхъ солдаты хотя приблизительно цѣлятся.

— Ну, батюшка, и турки стрѣляютъ не лучше. Одно чѣмъ они отличаются, это частымъ огнемъ. Изъ ихъ шанцевъ, во

время перестрѣлки, какъ градомъ сыпетъ огонь непрерывный, а между тѣмъ процентъ поражающихъ пуль — самый ничтожный.

— Хорошъ ничтожный, когда 16 сентября убитыхъ и раненыхъ на нашей сторонѣ около двухъ тысячъ.

— Я говорю ничтожный относительно выпущенныхъ патроновъ. Изъ этого, что 16-го потеряно двѣ тысячи человѣкъ, еще не слѣдуетъ, чтобы турки хорошо стрѣляли, они навѣрное въ теченіи дня потеряли двѣсти тысячъ патроновъ, а убили, какъ вы говорите, всего двѣ тысячи людей, значитъ изъ ста турецкихъ пуль попадаетъ одна, что далеко нельзя назвать хорошей стрѣльбой.

— Да такъ-то такъ, но вы забываете, что турки изрѣдка и штурмомъ берутъ шанцы, а сербы не дерзаютъ никогда.

— Не безусловно, бывало что и сербы турецкіе шанцы брали.

— Лучше скажите, что раньше оставленные шанцы турками, сербы занимали, а не приступомъ брали. На приступъ они идутъ пока не видятъ турокъ, а чуть издали замѣтятъ красныя фески, такъ еле духу натрагъ, только пятки мелькаютъ. Послѣ того, какіе-же вы тутъ штурмы проповѣдуете—Бога бойтесь.

— И русскіе по вашему, тоже не брали?

— Русскіе гибли и брали, кто про это говоритъ, а вотъ сербы-то далеки этой мысли.

Я желалъ поближе взглянуть на баталіонъ и вмѣстѣ съ остальнымъ офицерствомъ подошелъ къ фронту. Солдаты, преимущественно молодые, смотрѣли какъ-то жалостно, угрюмо, не по военному. Одѣтые такими же нищими оборванцами, какъ и тѣ часовые у воротъ, которыхъ я имѣлъ уже случай описать раньше, вызвали истинное сожалѣніе со стороны всякаго зрителя; вѣдь холодъ по ночамъ невыносимый, а они бѣдняги въ холщевыхъ (однѣхъ) панталонахъ, почти босые, въ истрепанныхъ, холодныхъ шинелишкахъ. Откуда-же тутъ взяться и храбрости, когда нищета, голодъ и холодъ одолеваяютъ не на шутку.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фронта стоялъ баталіонный командиръ, верхомъ на плохой лошаdkѣ, засѣдланной, вѣроятно за неимѣніемъ сѣдла, синей попоной и какъ-бы въ ожиданіи начальства внимательно смотрѣлъ не тутъ ли кто нибудь изъ тѣхъ, кому слѣдуетъ отдать подобающую воинскую почесть.

Разнообразной делиградской публики, преимущественно военной и временно промышляющей гражданской, собралось сюда не мало — все это интересовалось смотромъ. Наконецъ вышелъ состоящій при главной квартирѣ полковникъ Катарджи (родной дядя князя Милана) и поздоровавшись съ баталіономъ, принялъ на себя командованіе; ему привели красивую лошаdkу, на которую онъ сѣлъ и сталъ передъ фронтомъ въ ожиданіи главнокомандующаго, а не долго спустя со двора штаба выѣхалъ и Черняевъ, сопровождаемый полковникомъ Монтверде и двумя личными ординарцами, изъ которыхъ одинъ сопровождалъ генерала пѣшкомъ, мѣняя алюръ сообразно съ лошаdkю своего начальника.

— Здорово баталіонъ! привѣтствовалъ главнокомандующій.

— Живіо! слабо отвѣтили изнуренные милиціонеры.

Отѣхавъ отъ фронта, генераль приказалъ баталіону продѣлать ружейные приемы, которые онъ исполнилъ на столько хорошо, что лучше не было основаній требовать, тѣмъ болѣе отъ трехдневныхъ новобранцевъ, взятыхъ почти силой подъ ружье, ненавистное ихъ натурѣ.

— Смотрите какими молодцами дѣлаютъ приемы.

— А вотъ постойте, не восхищайтесь, увидите что дальше будетъ.

Баталіону приказали строиться по отдѣленіямъ на право. По этой командѣ несчастное войско спуталось окончательно; нѣкоторыя отдѣленія стояли лицомъ другъ противъ друга, другія спинами, третіи метались въ недоумѣніи, гдѣ бы отыскать свое мѣсто. Командиръ бѣгалъ, кричалъ, сердился и не зналъ, что подѣлать, какъ повернуть во фронтъ, а главнокомандующій съ

грустью смотрѣлъ на этотъ баталіонъ, можетъ быть послѣднюю поддержку жалкихъ силъ сербской арміи. Я замѣтилъ это и сочувствовалъ Черняеву въ его положеніи. Послѣ нѣкоторой суматохи, энергичный баталіонный командиръ чуть не руками развелъ ихъ по мѣстамъ и, объяснивъ предварительно каждому взводу значеніе команды, повторилъ ее снова (по сербски); кое-какъ, не безъ путаницы, зашли по отдѣленіямъ. Начался церемоніальный маршъ, шагомъ разъ, два и бѣгомъ. Продѣлавъ эти азбучныя эволюціи, баталіонъ перестроился въ прежній порядокъ и остановился въ ожиданіи дальнѣйшей команды.

— Поведите его въ атаку, обратился по французски къ командиру ген-ль Черняевъ.

— Посмотримъ, какъ они здѣсь пойдутъ въ атаку, гдѣ ужъ нѣтъ никакой опасности, съострилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Здѣсь-то они—пойдутъ молодцами—не задумаются.

— Ну не ручаюсь, смотрите, что повернуть натрагъ.

— Полноте подсмѣиваться, ошибетесь.

— По командѣ „на руку“, а послѣ „ура“ баталіонъ съ крикомъ кинулся впередъ, но вяло, не охотно, и къ тому-же перепутался до такой степени, что не смотря на опытность и знаніе службы самого командира, другаго ничего не оставалось, какъ распустить по домамъ этихъ войниковъ, какъ здѣсь ихъ называютъ.

— Вотъ видите и тутъ потерялись, а ужъ чего-же проще, и бояться нечего, турокъ не видно. Воображаю, что съ нимъ будетъ въ сраженіи.

— Да, нужно признать за заслугу Черняеву, съумѣвшему продержаться цѣлыхъ три мѣсяца, противъ напора вътрое сильнѣйшей турецкой арміи. Я увѣренъ, что другой генераль съ такими войниками въ три дня-бы сдался.

— Прибавьте, продержаться противъ арміи, которая по мѣсяцамъ не наступаетъ.

Главнокомандующій не похвалилъ баталіонъ, онъ сознавалъ его

недостатки и бесполезность посылать такимъ въ дѣло, но критическое положеніе арміи, требовало какой-нибудь поддержки и послать его, хотя-бы даже никуда негоднымъ, было необходимо. Мнѣ, постороннему зрителю, казалось непонятнымъ, почему непріятель не дѣйствуетъ болѣе рѣшительно, почему неидетъ на приступъ, чего боится? а въ душѣ жаль было и русскихъ, здѣсь сражающихся и Черняева и всю эту несчастную армію, проливающую кровь, въ трехмѣсячной, систематической послѣдовательной, бесполезной бойнѣ.

Послѣ смотра я, по обыкновенію, завернулъ въ штабъ. Первымъ на этотъ разъ мнѣ встрѣтился старичекъ полковникъ. Этотъ восьмидесятилѣтній — рыцарь, уже давно вышедшій въ отставку, на свое несчастье увлекся идеей, изаодно съ молодыми, поспѣшилъ на помощь угнетеннымъ братьямъ — не радымъ его пріѣзду. Онъ до того былъ старъ и слабъ, что съ трудомъ ходилъ, какъ спутанный передвигая ноги; подымаясь по ступенямъ подъѣзда въ штабъ, падалъ тутъ-же, казался, какъ будто заживо разваливающимся существомъ, а при такихъ данныхъ не могъ разсчитывать и на назначеніе командовать отрядомъ (это его желаніе). Главнокомандующій изъ одной деликатности причислилъ его къ штабу, куда онъ аккуратно являлся къ обѣду и ужину. Случалось на примѣръ, что погода прескверная, дождливая, холодная, все прячется, куда возможно, не мокнуть-бы только на ненастьѣ, а старичекъ полковникъ, съ крестомъ св. Владиміра на шеѣ, спотыкаясь и забѣгая въ разныя стороны, отъ сбивающаго съ ногъ сильнаго вѣтра, въ назначенный часъ направлялъ свои шаги къ штабу, опасаясь запоздать въ столовую. — Вотъ съ нимъ-то мы теперь и разговорились.

— Здравствуйте, полковникъ, ну какъ вы себя чувствуете?

— Пока держимся по немножку, съ Божіей помощью. Я вамъ батюшка новость сообщу интересную.

— Какую?

— Молодцомъ какимъ я справился, отыскалъ себѣ отличную

и теплую квартирку — а-а-а? молодежь вы — жить не умёте — „нѣкуды дѣваться“, вотъ вамъ, устроился старикъ вѣдь.

— Гдѣ-же это вы умудрились?

— Загадка — не правда-ли? — за два дуката въ мѣсяцъ, цѣлую кучу нанялъ.

— Какъ! развѣ вы зимовать въ Делиградѣ собираетесь?

— А что подѣлаешь, нужно конца дожидаться, нельзя же покидать армію въ такую минуту — сами знаете.

— Ну конечно, это долгъ cadaго изъ насъ, посвятившаго себя славянскому дѣлу. Что, не отрядъ-ли вы получили, полковникъ?

— Нѣтъ, но въ случаѣ замѣнить кого придется, нужно-же быть готовымъ, не тормозить-же дѣло въ самомъ дѣлѣ.

— Вы такъ ужъ для вѣрности и квартиру наняли, чтобы не тормозить дѣла?

— Да, вообще знаете устроился ужъ за одно. А теплая какая квартирка, если-бы вы знали — на рѣдкость — семнадцать градусовъ батюшка.

— Вотъ какъ, вы и холода боитесь — плохо-же вамъ придется съ отрядомъ на позиціи — тамъ вѣдь негдѣ будетъ согрѣться.

— Какъ нибудь перебежеся — не бѣда. Я батюшка мой въ 12-мъ году подъ Бородинымъ видывалъ виды — не такіе, тамъ хуже доставалось и то ни почему, а здѣсь-то и подавно.

— Да вѣдь вы тогда были моложе, здоровѣе, а теперь-то ужъ не то — года свое взяли.

— Какъ будто такъ давно? ну состарѣлся не много, а все еще не отстану отъ другихъ — какъ бы вы думали, сколько мнѣ лѣтъ?

— Да такъ что бы не ошибиться, по моему, вамъ лѣтъ семьдесятъ, а то и меньше пожалуй!

— Ха, ха, ха, мнѣ батюшка цѣлыхъ восемьдесятъ восемь, хотя никто ихъ не даетъ. Вы еще много сказали — семьдесятъ, а другіе на шестьдесятъ все угадываютъ — ни какъ ихъ разувѣ-

рить не могу. Видно еще молодцомъ старикашка, самодовольно улыбаясь полагалъ онъ.

— Вы-то, положимъ сохранились — что говорить.

Во время нашего разговора подошелъ еще одинъ знакомый офицеръ.

— А-а-а-а! здравствуйте полковникъ, что это вы сегодня такъ рано явились къ обѣду?

— Какъ и всегда, гдѣ-же рано?

— Ну да, теперь только двѣнадцать часовъ!

— А на моихъ часъ—позвольте пожалуйста, голубчикъ, поставить мои по вашимъ: Этакъ пожалуй всегда не во время придешь. Вчера ихъ переставилъ по штабнымъ, а сегодня врутъ по прежнему.

— Извольте, мои вѣрно идутъ.

— А знаете, какую я себѣ квартиру теплую нанялъ, просто прелесть, къ зимѣ камышемъ ее обставлю, восторгался забавный старичекъ.

— Да Богъ съ вами, неужели вы собираетесь здѣсь зимовать? Я вовсе не желаю, скорѣе-бы все это кончилось.

— Да я такъ, на всякій случай, знаете, все-же лучше раньше запасться. Я спрашивалъ генерала, онъ говоритъ „нанимайте, коли нравится“, ну я и нанялъ.

— Она вамъ развѣ нравится? интересовался офицеръ.

— Да, говорю-же просто прелесть. Тепло, покойно, какъ нельзя лучше, отвѣтилъ сердитымъ тономъ старикъ.

— А если турки къ вамъ заберутся? приставакъ офицеръ.

— Не заберутся, не безпокойтесь, а въ случаѣ будетъ опасно здѣсь оставаться, тогда уѣдемъ поскорѣе.

— Да вамъ и теперь можно-бы уѣхать, зачѣмъ-же дѣло стало?

— Теперь все бросить какъ то не ловко, мало-ли что случится непредвидѣнное, потребуютъ замѣнить и кого-нибудь изъ

командировъ, а меня нѣтъ — и пойдетъ катавасія — пожалуй суду предадутъ...

Во время нашей, важной по содержанию, бесѣды, кто-то напомнилъ старику, что уже часъ, — пора къ обѣду и мой полковникъ, не договоривъ фразу, поспѣшно улизнулъ въ столовую — мы расхохотались.

— Вотъ субъектъ интересный, съ нимъ весело ей — Богу.

— И зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? Чудакъ, кто ему посоветовалъ?

— Это случилось весьма просто, никто ему не посоветовалъ и самъ онъ не знаетъ зачѣмъ пріѣхалъ, повѣрьте. По моему дѣло было вотъ какъ. — Онъ должно быть жилъ себѣ на покой у внучатъ, получая пенсіонъ, да такъ-бы и жилъ до смерти, если-бы не война въ Сербіи. Война, ну и разговоры о побѣдахъ, о пораженіяхъ, о герояхъ. Внучаты, можетъ быть сидя съ дѣдушкой за чаемъ, или послѣ, заговорили о войнѣ, ну и онъ пошелъ рассказывать имъ про свою храбрость, про то, что и теперь еще онъ молодецъ, а тѣ, въ свою очередь, давай подшучивать, „гдѣ вамъ теперь дѣдушка сражаться, живите лучше съ нами“, того и подзадорило, „эхъ вы молокососы, вздумали шутить надо мною, поѣду въ Сербію, оставайтесь одни“, плачь конечно, просьбы, поцѣлуи, „куда вы дѣдушка, не уѣзжайте, мы будемъ скучать“, ну думаютъ, шутить, останется — не уѣдетъ, а на другой день дѣлотно вышло серьезное — старикъ собрался, да и маршъ въ Сербію: теперь вотъ вмѣсто внучатъ Черняеву приходится о немъ заботиться, заключилъ ораторъ.

— Удачную нарисовалъ картину, такъ должно быть и случилось. Иначе зачѣмъ-бы ему пріѣхать.

— Повѣрьте, что не ошибаюсь. Я когда-нибудь спрошу, есть-ли у него внуки.

— Спросите пожалуйста, только при насъ.

— Съ удовольствіемъ, отчего-же, вмѣстѣ посмѣмся. Знаете-ли господа, какое ему здѣсь мѣсто болѣе подходящее, а главное покойное.

— Какое?

— Назначить его начальникомъ сербской кавалеріи — отличное мѣсто.

— Какой тамъ кавалеріи, какъ будто ее такъ много.

— Сколько-бы ни было, а мѣсто очень покойное, сражаться не придется, а инспектировать тоже рѣдко, потому что не кого, считается лишь начальникомъ и получать жалованье.

— Почему-же не придется, ни сражаться ни инспектировать, когда-нибудь да пойдутъ-же и они въ дѣло.

— Да они и теперь въ дѣлѣ, конверты развозятъ по начальству, въ штабѣ торчатъ на посылкахъ, а большая часть, за не имѣніемъ лошадей, пѣшкомъ прогуливается, отличаясь отъ пѣхотинцевъ лишь красными рейтузами.

— Вы какъ-то насмѣшливо отвѣчаете на мои вопросы. Я говорю, что будутъ-же они когда-нибудь сражаться съ турецкой кавалеріей или пѣхотой, а вы о конвертахъ рѣчь ведете, да объ рейтузахъ, обидчиво замѣтилъ офицеръ.

— Извините, вы не говорили, что будутъ-же они когда-нибудь сражаться съ войсками, а сказали только, что будутъ въ дѣлѣ, чего я и теперь не отвергаю. Что-же касается ихъ способности сражаться съ войсками, то вамъ она вѣроятно мало извѣстна. Вы знаете-ли, изъ чего и изъ кого составлена сербская кавалерія?

— Вѣроятно, какъ и всякая другая, изъ людей и лошадей.

— Совершенно вѣрно, что изъ людей и лошадей, — но изъ какихъ? — изъ бракованныхъ старыхъ австрійскихъ художонныхъ клячъ и не обученныхъ, запуганныхъ трусишекъ людей.

— Я знаю, что сербской кавалеріи есть что-то двѣнадцать эскадроновъ, а какіе они, Богъ ихъ вѣдаетъ. По этому меня

крайне удивило ваше предназначеніе кавалеріи для доставленій конвертовъ.

— Вотъ вы не знаете, какъ оказывается, а я очень хорошо ее знаю. Командовалъ и эскадрономъ, въ чемъ совѣщусь сознаться, потому что считаясь командиромъ, я никогда не видѣлъ своей части, она вѣчно была въ разбродѣ, на посылкахъ. Да правду сказать, здѣсь ей нечего и дѣлать. Другое дѣло, если-бы драгуны, тѣ пригодились-бы, а такую, никуда не годную орду, куда ее? только на посылки и можно.

И правъ былъ офицеръ, что сербская кавалерія—кромѣ какъ на посылки, ни куда больше не годилась. Я съ ней былъ знакомъ близко и вывелъ заключеніе, вполне согласное съ только что разсуждающимъ, бывшимъ эскадроннымъ командиромъ. Лошади, за малымъ исключеніемъ, австрійскій бракъ, несравненно хуже нашего, потому что Австрія, какъ извѣстно, не располагаетъ сильными лошадьми; люди, преимущественно сербы, крайне вялы отъ природы, не имѣли и понятія о кавалерійской службѣ, сидѣли плохо, робко, аллюровъ правильныхъ не существовало, владѣть холоднымъ оружіемъ, составляющемъ главную кавалерійскую цѣль при атакѣ, не умѣли, да и не могли имъ владѣть ловко, по неспособности, а ученій не производилось, офицеровъ, знающихъ службу, не было за исключеніемъ нѣсколькихъ, составляющихъ ничтожество въ общей массѣ. Понятно, что при такой обстановкѣ, существующая сербская кавалерія, не достигая кавалерійской цѣли въ бою, служила лишь для посылокъ и мелкаго конвоя, въ случаѣ надобности, при начальствѣ. Между тѣмъ кавалерія, подобная русскимъ драгунамъ, была здѣсь необходима, и могла-бы принести большую пользу.

Единственнымъ подражаніемъ драгунскаго строя былъ здѣсь недавно сформированный въ Бѣлградѣ эскадронъ, на половину изъ сербовъ и русскихъ, англійскимъ полковникомъ Макъ-Иверомъ, которымъ командовалъ теперь бывшій гродненскій гусарь полков-

никъ Андреевъ. Этотъ эскадронъ, хорошо вооруженный огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, подъ командой такого строгаго и храбраго офицера, какъ полковникъ Андреевъ, хотя и не вполнѣ, но подготовился на столько, что дѣйствовалъ на позиціи весьма удачно, большею частью въ пѣшемъ строѣ, тревожа постоянно турокъ своими нападеніями, во фланги ихъ расположенія. Конечно, онъ не былъ такимъ, какимъ можетъ быть хорошій лихой драгунскій эскадронъ регулярной кавалеріи, но отъ него нельзя было и требовать той удали и силы. Онъ существовалъ всего какіе нибудь три мѣсяца, а въ этотъ періодъ времени невозможно создавать лихіе обученные эскадроны. Я этимъ хочу доказать, что драгуны здѣсь были необходимы и очень полезны.

Другой эскадронъ королевы Натальи, выступившій къ Зайчару въ составъ того отряда, по слухамъ бездѣйствовалъ, производя только мелкіе разѣзды, не достигающіе ни какой цѣли, чего конечно нужно было и ожидать отъ него еще прежде, мало отличавшагося отъ сербской кавалеріи. Полковникъ Шевичъ, хотя и боевой офицеръ, но не могъ-же онъ пересоздать въ двѣ недѣли то, на что требуются годы, и такъ, вся здѣшняя кавалерія, за ничтожнымъ исключеніемъ, составляла собою лишь номинальную часть арміи, непригодную для боя.

Разобравъ кавалерійскій вопросъ, снова оставалось сожалѣть о главнокомандующемъ, лишенномъ, такъ сказать, самой необходимой поддержки своей слабой арміи—отряда лихой кавалеріи, которая такимъ совершенствомъ и количествомъ превосходила у непріятеля, располагающаго въ изобиліи всѣмъ, что требуется современной войною, не говоря уже о превышающей численности, чуть-ли не вчетверо, его арміи.

Конечно, являлся тотъ-же вопросъ, почему генералъ Черняевъ, если видѣлъ раньше молодую, необученную армію, недостатокъ вооруженія, скудные средства страны на веденіе войны, по всей вѣроятности продолжительной, взялся за дѣло, когда довести его

до конца самостоятельно было болѣе чѣмъ трудно, а при такой организаціи и невозможно. Но и тутъ являлась мысль, что многіе разумные люди подъ увлеченіемъ честолюбивыхъ плановъ, на этотъ разъ не чуждыхъ можетъ быть и Черняеву, руководящіеся болѣею частью расчетами и надеждой на успѣхъ, берутся за дѣло не по силамъ.

Неопровержимый фактъ и тотъ, что не допускается руководиться личнымъ честолюбіемъ тамъ, гдѣ жертвами его могутъ быть десятки тысячъ людей безуспѣшно, но бывають-же иногда и съ гениями подобныя ошибки, не говоря уже о томъ, что бываетъ съ обыкновенными смертными.

Тоска. — Интересный фактъ и горькая истина. — Кое-что про армію. — Мочлеги и два враждебные лагеря.

Ахъ, какъ скучно! надоѣла уже эта праздная, грязная, холодная и голодная жизнь. Долго-ли будетъ такое затишье? разсуждалъ я самъ съ собою. Все то, что могло на себѣ остановить вниманіе наблюдателя, я узналъ, что-же остается? — исполнить долгъ своего призванія, оправдать себя передъ совѣстью и людьми, испить чашу, которую добровольно, безъ принужденія, наполнилъ съ этой цѣлью — да? странный вопросъ, конечно нужно быть въ бою лично и принести свою частицу пользы, если представится случай. Но въ какомъ бою, когда не воюють? да наконецъ съ кѣмъ-же идти въ бой, когда эскадронъ не сформированъ? развѣ такъ, пристроиться куда попало—подъ первую пулю? а хотя-бы и такъ, и то дѣло. Но объ этомъ послѣ, а теперь холодно, хочется согрѣться чѣмъ нибудь,—пойду-ка въ кафану, только не къ Симону, а туда подальше, за триумфальныя ворота къ маркитанту,—у него есть чай и закуска—словомъ у него есть именно то, что

въ Делиградѣ считается роскошью, не всёмъ доступной въ матеріальномъ отношеніи. Ну, да и у меня-то денегъ не Богъ вѣсть сколько — всего два франка — раскучиваться не слѣдуетъ.

За триумфальными воротами въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, въ двухъ небольшихъ комнатахъ помѣщался маркитантъ (изъ евреевъ), у котораго можно было найти жареную холодную говядину, сардинки, прескверный сыръ, чай и все то, чѣмъ, хотя за недобросовѣстныхъ цѣны, но напиться было возможно. Сюда пріѣзжало офицерство съ позицій согрѣться и поболтать съ компаніей; часто собирались сербы, въ особенности въ холодную погоду, а теперь былъ пронзительный холодъ. Вотъ къ нему теперь и я направился съ цѣлью закусить и поболтать съ публикой. Было уже около 8-ми часовъ вечера и дождь лилъ какъ изъ ведра.

Какъ и всегда, тутъ пировало множество офицеровъ, солдатъ и всякаго люду. Со мною вмѣстѣ пришелъ попавшійся на пути Мартыновъ, отставной морякъ, молодой человекъ, весьма серьезный и порядочный. Онъ послѣ тяжелой болѣзни не вполне еще оправился и видимо тяготился своимъ положеніемъ, мѣшающемъ отправиться на позицію, старался приносить собою пользу въ другомъ отношеніи. Эта чисто русская душа, пропитанная однимъ добромъ, помогала матеріальными средствами (не чужими, а своими) нуждающимся добровольцамъ и раненымъ, бывающимъ за частую безъ гроша въ карманѣ и помогала эта душа, не изъ желанія появиться благотѣлительницей на столбцахъ популярной тазеты, а изъ глубокаго христіанскаго убѣжденія помочь въ трудную минуту ближнему, и помочь такъ, чтобы передавая эту помощь правой рукой, лѣвая-бы ничего не знала. Я случайно былъ свидѣтелемъ такой помощи и потому знаю про нее.

— Ну гдѣ-же усадемся, въ той комнатѣ то же гибель народа, спросилъ я у Мартынова.

— Да вотъ попросимъ этихъ господъ потѣсниться за столомъ, кажется, что хватить мѣста.

Сербскій и русскій говоръ сливались въ общій шумъ, изъ котораго ничего нельзя было понять. Все это ёло, а главное пило, курило и разсуждало. — Атмосфера отличалась особенною удушливостью — словомъ все не душно.

Нашу просьбу уважили и дали мѣсто за столомъ, за которымъ мы усѣлись рядомъ съ унтерами — козаками и какимъ то пьянымъ, что-то доказывающимъ добровольцемъ.

— По части съѣстнаго, что-ли, какъ вы на этотъ счетъ? обратился я къ Мартынову.

— Да право не знаю, мнѣ то ѣсть не хочется, а чаю-бы лучше выпить, или вина хорошаго?

— Эй, ты, господинъ! дай-ка намъ чаю по чашкѣ, сыру, одну порцію баранины, если есть жареной, и вина, только хорошаго!

— Сами хороше вино, господине, молимъ васъ почекать!

Пьяный сосѣдъ нашъ не удержался и разразился бранью.

— Этакое животное! деретъ двойную цѣну и молить почекать. Я тебя отдую, погоди!

— Оставьте пожалуйста! вѣдь не васъ-же касается, а насъ, изъ за чего вы кричите? успокаиваль Мартыновъ.

— То есть какъ это кричите! этого мало, я его еще вздую и всю эту сербскую дрянъ! Пусть знаютъ нашихъ!

— Очень жаль, что вы заставите ихъ знать себя съ такой стороны. Лучше оставьте, а то не обойдется безъ скандала.

— Да посмотрите поручиё, или-или-или-ли, какъ васъ величать? мы зза этихъ барановъ пріѣхали сражаться, — за ииидею! мокнешь на дождѣ, а онъ молить почекать, да я ему мор... раз... сейчасъ-же — мор.....

Нашъ сосѣдъ до того расходился, что зря придрался къ слушающему разговоръ сербу и ударилъ его бутылкой въ плечо.

— Ты чччего повѣсилъ носъ! какое тттебѣ дѣло? отойди прочь, говорю, ааа, такъ ты еще раззсуждаешь? я тте... ззаад... и замахнувшись исполнилъ обѣщаніе.

Сербъ ужасно обидѣлся и всѣ они здѣсь присутствующіе под-
нялись на ноги противъ пьянаго сосѣда. Дѣло принимало серьезный
оборотъ и кончилось бы вѣроятно общимъ побоищемъ, если-бы мы
съ Мартыновымъ не принялись успокаивать. Мы пристали къ рус-
скому.

— Вы кругомъ виноваты, что ударили серба; подобнымъ по-
ступкомъ всѣхъ насъ конфузите — на что это похоже! уйдите сей-
часъ-же отсюда, а то васъ одного побьютъ тутъ сербы.

— Вы чччто за нааачальство? пшприкаазывать вздумали?
уубирайтесь..... аая самъ начальство!

— Если не уйдете, то позовемъ солдатъ и васъ выведутъ.
Да вы кто такой, позвольте узнать? спросилъ я болѣе рѣзкимъ
тономъ.

— Я—фельдшеръ, аа ввы кто так....

— Я офицеръ, и приказываю вамъ сію минуту уйти отсюда!
покривилъ я душой ради общаго блага.

Сосѣдъ повиновался, но въ дверяхъ раздраженные сербы за-
городили ему дорогу и снова затѣяли ссору съ виновникомъ скан-
дала, высказывая при этомъ разныя рѣзкости на счетъ русскихъ.
Мы и теперь не покидали посреднической роли, обратились къ
сербскимъ офицерамъ съ просьбой содѣйствовать прекращенію скан-
дала, — высказавъ имъ, что русскій, ударившій серба, никто
иной, какъ простой пьяный солдатъ, поступокъ котораго мы
вовсе не одобряемъ, а только изъ желанія потушить исторію про-
симъ ихъ внушить своимъ соотечественникамъ оставить повин-
наго фельдшера въ покоѣ. Офицеры вступились и скандалу —
конецъ.

— Ради васъ только господа оставимъ, иначе мы бы его
уничтожили,—якъ то можно! сами знаете, вы видно хороши руссы,
много руссы у насъ и намъ не добре: скандалы, бьютъ, ру-
гаютъ, то не хорошо, ломаннымъ русскимъ языкомъ доказываль
другой уже сербъ.

Изъ этого краткаго объясненія солиднаго сербскаго офицера, (какъ оказалось впоследствии, командира баталіона, а до войны, профессора великой школы въ Бѣлградѣ) видно было, что сербы не довольны русскими и не довольны основательно. По его мнѣнію русскіе добровольцы своимъ поведеніемъ дурно вліяли на сербскую милицію, потерявшую всякое уваженіе къ такимъ офицерамъ, колебавшимъ почву и тѣмъ русскимъ, которые по своему достоинству, заслуживали только одно хорошее со стороны сербовъ.

Выпроводивъ воинственнаго фельдшера, мы успѣли за одинъ столъ съ сербскими офицерами и на ту-же тему завели общій разговоръ. Наша бесѣда велась преимущественно на сербскомъ нарѣчій, дополняемая сербами, изъ деликатности вѣроятно, коверканными русскими фразами, почему ограничусь передать ее исключительно по русски.

— Какъ мы вамъ благодарны—не повѣрите, за ваше посредничество, а то не обошлось-бы безъ крупнаго скандала, обратился я къ солидному сербу.

— Я очень радъ, что мы тутъ съ вами встрѣтились и поняли другъ друга—не будь васъ, ему-бы пьяницѣ досталось не на шутку. Если-бы вы знали, какъ намъ эти добровольцы вѣлись за живое, они кромѣ безъ апелляціонной расправы, въ родѣ какъ сегодня и какого-то презрительнаго на насъ взгляда,—пока ни чѣмъ еще другимъ себя не ознаменовали. Вы не сердитесь и все, что буду говорить, не относите къ себѣ и къ порядочнымъ русскимъ, я васъ считаю другими, чѣмъ тѣ, о которыхъ веду рѣчь и потому лишь говорю съ вами откровенно. Я въ свою очередь готовъ выслушать все, что вы найдете нужнымъ сказать дурное про сербовъ...

— На такихъ лишь основаніяхъ я и соглашусь затронуть этотъ вопросъ—довольно щекотливый для насъ обоихъ, сказала я сербу.

— Отлично, значить главное порѣшили—не подеремся и слава Богу. Видите-ли, русскихъ сюда пріѣхало людей порядоч-

ныхъ очень мало, большинство сами видите, народъ потерянный, радъ случаю выказать себя какимъ онъ есть, устроить скандалъ безнаказанно, словомъ творить все то, что въ своемъ отечествѣ непозволительно и недоступно. На все это смотреть наши солдаты и безъ того скверные, упрекають русскихъ въ душѣ, тѣряють къ нимъ уваженіе и, понятно, перестаютъ для нихъ быть тѣми, чѣмъ бы они могли быть, если бы васъ пріѣхало сюда меньше, но дѣльнѣе и порядочнѣе....

— Коль пошло на откровенность, то и я вамъ скажу не меньше. Вы насъ упрекаете въ безпорядочности, т. е. русскихъ, — я и самъ пожалуй съ вами согласенъ, что наберется много такого народа—безспорно. Но безспорно и то, что всѣ русскіе безъ исключенія не говоря о двухъ-трехъ единицахъ, съ честью и безграничнымъ самоотверженіемъ сражаются въ вашихъ рядахъ, за васъ-же и за славянское дѣло льютъ свою кровь, гибнуть безъ ропота и упрековъ, тогда какъ сербы бѣгутъ натрагъ безъ оглядки, взваливая на русскихъ всю тяжесть боя—про это вы ничего не говорите—да?

— Какъ не говорю, я сознаю, что наши солдаты плохи и трусы притомъ молодые, не обученные, бѣгутъ натрагъ, но тѣмъ болѣе такимъ солдатамъ нуженъ дѣльный примѣръ, какъ въ бою, такъ и въ частности. Я вамъ даю слово, что это такъ, да вы я думаю и сами сознаете тоже. Русскіе пожертвовали много денегъ, мы имъ благодарны и никогда не забудемъ братскую помощь, но за участіе ихъ въ нашихъ рядахъ не чувствуемъ особенной признательности, потому что собственно народъ не желаетъ войны, война ведется не народная, далеко не популярная, намъ отъ нее пользы мало—вѣриѣ ни какой. Согласитесь, что при такомъ строеніи въ арміи, дурной примѣръ, подаваемый русскими въ частности и на оборотъ, безукоризненный въ бою, не можетъ расположить сербовъ (противниковъ войны) въ ихъ пользу; можетъ быть народъ нашъ не развитой, не понимаетъ и не сознаетъ бла-

гихъ результатовъ, могущихъ быть достигнутыми войною, можетъ быть въ немъ не достаетъ патріотизма, все это я допускаю. Но, какъ бы то ни было, а войны народъ не желаетъ и дерется противъ своего убѣжденія. Повѣрьте, что если-бы сербы желали войны, то цѣлыми бригадами не бѣгали-бы натрагъ; они хотя и не воинственны, а все-же и не такіе безусловные трусы. Вѣдь это же понятно и видно, какъ нельзя лучше, закончилъ онъ увѣренно.

— Если вы такъ разсуждаете и вѣрите, что народъ не желаетъ войны, то скажите пожалуйста, почему же этотъ самый народъ провозгласилъ князя королемъ и заявилъ готовность драться до послѣднихъ силъ?

— Кто-же заявилъ—кому?

— Какъ кому? депутація отъ войскъ заявила главнокомандующему.

— Плохо-же вы знаете про эту депутацію. Я, какъ командиръ баталіона, природный сербъ, близко знакомый съ дѣлами своей родины и духомъ арміи, въ чемъ вы, я думаю, не сомнѣваетесь, скажу вамъ, что депутація была не отъ войскъ, а отъ себя, войска и до сихъ поръ въ недоумѣніи отъ провозглашенія князя королемъ и сооруженій разныхъ триумфальныхъ воротъ; намъ и не снилась подобная идея никогда. Не будемъ разбирать, кто этому причиной—не время. Но между нами будь сказано, провозгласилъ ген-ль Черняевъ собственной персоной—войска тутъ ни приче́мъ.

— Позвольте, согласившись съ вами выйти, что всему этому причиной русскіе?

— Не русскіе, а русскій—теперь уже сербъ. Я вамъ говорю истину, и повѣрьте, что послѣ увидите ее больше, эта война кончится для насъ сербовъ не совсѣмъ удачно. Въ войскахъ нѣтъ военного духа, онѣ всѣ желаютъ до кучи, не понимаютъ зачѣмъ ихъ держать и въ случаѣ рѣшительнаго наступленія со стороны

турокъ общее пораженіе неизбежно. Сербская армія, безсильная теперь больше, чѣмъ когда-либо, при самыхъ дурныхъ условіяхъ.

Вотъ вамъ лучший примѣръ, продолжалъ онъ, что съ наплывомъ русскихъ, армія стала слабѣе. Подъ Алексинцемъ, пока русскихъ было очень мало, сербы сражались и держались довольно стойко, туркамъ подъ часъ приходилось трудновато, во многихъ случаяхъ наши войска штурмовали и не бѣгали натрагъ, какъ здѣсь постыдно. Передъ отступленіемъ отъ Алексинца, русскихъ явилось сравнительно съ прежнимъ много, разныхъ, какихъ попало. Наконецъ мы отступили, вашихъ погибло масса бесполезно и армія, не улучшилась, а значительно ухудшилась. Теперь, когда русскихъ очень много, составились цѣлые отдѣльные баталіоны, офицеровъ то же полно по всюду—какой результатъ? тотъ, что насъ бьютъ и бьютъ лучше прежняго, войска бѣгутъ натрагъ, уступаютъ безъ боя позиціи, вашихъ гибнетъ большая половина, а въ концѣ плачевный результатъ—нуль. И тѣхъ и другихъ бьютъ бесполезно, потому именно, что и тѣ и другіе безсильны противъ въ трое численной и организованной непріятельской арміи. Между тѣмъ какъ-бы не замѣтно, между вами и нами возстановляются непріязненные отношенія и чувствительно отзываются на каждомъ военномъ дѣлѣ. Вамъ извѣстно, что непріятелю удобнѣе всего пользоваться раздорами въ противникѣ, которые у насъ уже существенно завелись и турки скоро ими воспользуются—въ этомъ я убѣжденъ.

— Основываясь на вашемъ заключеніи, остается во всемъ безусловно винить Черняева, не сѣмѣвшего хотя отчасти организовать молодую армію и поставить на вѣрную точку русскихъ волонтеровъ, сюда пріѣхавшихъ.

— Мое заключеніе и построено на исключительномъ обвиненіи во всемъ одного лишь Черняева, человѣка, по моему, не дѣла, а цѣлаго ряда расчетовъ создать себѣ хотя-бы и не заслужен-

ный пьедесталь въ будущемъ, высказаль сербъ почти съ бѣшенствомъ.

Такая бесѣда съ сербскимъ маіоромъ, видно свѣдующимъ чело-вѣкомъ, не мало меня озадачила. Онъ говорилъ осуждая своихъ во многомъ, приводилъ мнѣ примѣры, заставлялъ опровергать, и какъ видно говорилъ одну истину съ цѣлью какъ-бы сблизиться съ нами, безъ всякой заносчивости и желанія оскорбить. За все мое пребываніе въ Делиградѣ, я перваго серба встрѣтилъ, такъ разумно разсуждающаго и взвѣшивающаго безпристрастно каждый фактъ. Я еще въ началѣ отрицалъ дѣловую пользу движенія нашихъ добровольцевъ въ Сербію, на половину, если не больше, людей окончательно потерянныхъ, или незнакомыхъ вовсе съ военной службой, способныхъ внести въ неорганизованную среду исключительно одинъ вредъ, а теперь къ несчастью пришлось еще больше убѣдиться въ этой горькой истинѣ.

Нужно отдать справедливость, что сербы хотя и не религіозны, не чистоплотны и вообще похожи скорѣе на турокъ, чѣмъ на славянъ, но нравственны, изъ нихъ мало найдется пьяницъ, разбойниковъ;—они мелочны и ничтожны въ смыслѣ гражданскомъ, падки къ деньгамъ, какъ жида, но скромны и трезвы, способны возмутиться буйствомъ, пьянствомъ и всякимъ не нормальнымъ явленіемъ въ чело-вѣкѣ, которое совершенно имъ не понятно; а такихъ явленій между нашими добровольцами встрѣчалось очень много.

При такомъ складѣ обстоятельствъ, задача слиться во едино и постоять общими силами за славянскую идею, оказывалась не осуществимой и тѣмъ, которые, руководясь увлеченіемъ и сочувствіемъ къ самому вопросу, явились сюда на помощь, готовые пожертвовать всѣмъ дорогимъ, даже жизнью — готовилось горькое разочарованіе и закулисные грустные факты. Что-же оставалось на долю главнокомандующаго, затѣявшаго кровавую войну безъ подготовки?—отвѣтственность передъ не умолимымъ и безошаднымъ судомъ общества, довѣрявшаго средства и себя, ему, ставшему до-

бровольно во главѣ славянскаго движенія, безъ данныхъ и почвы подъ собой.

Разговоръ съ сербами самъ собою прекратился, сошелъ на общій и остальная компанія, безмолвно слушавшая нашъ споръ, какъ отпущенные ученики изъ школы разомъ принялась уходить изъ кафаны.

— Ну что, господа, пора и по домамъ, торопиль мало мнѣ знакомый коренастый офицеръ.

— Куда тамъ по домамъ, когда дождь льетъ, какъ изъ ведра и темно, просто зги не видать.

— Все равно, нужно же отсюда когда нибудь уйти.

— Когда нибудь, только не сегодня, я на столъ вотъ лягу безъ постели, а въ баракъ не уйду, тамъ теперь околѣть придется отъ холода. А вы куда-же ночевать отправитесь, спросилъ я у него.

— Да на позицію, больше вѣдь нѣкуда.

— Теперь пожалуй, вмѣсто своей позиціи на непріятельскую попадете.

— Нѣтъ батюшка, дорогу-то я знаю хорошо, слава Богу — успѣлъ изучить.

— Скажите Бога ради, какъ вы тамъ устраиваетесь спать въ такую скверную погоду?

— Очень просто, состроимъ кое какой шалашикъ изъ кустарниковъ, да такъ обутые, одѣтые и спимъ.

— Ну, а солдаты то какъ-же, я думаю крѣпко бѣдствуютъ?

— Да ужъ можно сказать, что бѣдствуютъ. Мы вотъ одѣты, обуты, въ шинеляхъ, имѣемъ возможность поддерживать себя горячей пищей, хотя и за деньги, но все же лучше, и то жмемъ отъ нужды и холода, говоримъ, что плохо и на самомъ дѣлѣ живемъ вѣдь, знаете-же какъ, а они то, голодные, безъ шинелей, въ лаптяхъ и холщевыхъ дрянныхъ штанишкахъ, питаются одной тухлой бараниной и тоскливой неизвѣстностью въ будущемъ. Знаете, посмотринъ и отъ души жалъ

дѣлается, свою-бы рубашку отдать, собака безъ хозяина и та живетъ при лучшей обстановкѣ. — Пока была теплая погода, конечно, имъ легче приходилось, а теперь — мое почтеніе; вотъ въ этакую дождливую ночь проспать подъ открытымъ небомъ, промокнуть, продрогнуть въ ожиданіи утра и, въ случаѣ сраженія, быть раненымъ, а то и брошеннымъ на полѣ битвы, не правда-ли хорошая перспектива? Какъ хотите разсуждайте о сербскомъ патріотизмѣ, объ ихъ трусости, а я ничему не удивляюсь. Война при такихъ условіяхъ, да еще съ милиціонными войсками, не мыслима, не только въ Сербіи, но всюду гдѣ хотите, — даже въ Пруссіи.

— За то теперь, въ случаѣ сраженія, отъ холода лучше будутъ драться.

— Не говорите, — я такъ думаю, что они только и ждутъ благовиднаго предлога — не драться, а удрать до кучи. Я убѣжденъ, что если турки, на этихъ дняхъ вздумаютъ наступать, то не одобровать намъ русскимъ, сербы безъ сомнѣнія удерутъ на трагъ, а нашимъ достанется — будутъ помнить. И что-бы это такое заварилось — не понимаю. Э! на одну волю Господню надежда, въ Его власти руководить всею.

— Да, если такой духъ въ арміи, то я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что въ случаѣ наступленія со стороны непріятеля, за Делиградъ поручиться нельзя.

— Однако пока разстанемся съ Делиградомъ, будьте здоровы, пора и убираться, а то всю ночь философствуемъ — до свиданія.

— До пріятнаго.

— Вы все-таки тутъ остаетесь почевать — не пойдете въ эскадронъ?

— Куда тамъ, въ эскадронъ, въ такую ночь.

— Прощайте-же, да не свалитесь со стола съ просонья, а то убьетесь. Мои собесѣдники сербы тоже ушли, остались я и какой-то въ статскомъ платьѣ сербъ (одинъ изъ укротителей пья-

наго фельдшера). Сербъ, какъ-бы интересовался моимъ ночлегомъ, но не зналъ, съ чего начать.

— Неудобно-ли вамъ будетъ, господа, ко мнѣ въ зимній баракъ на ночь? Я васъ угощу жареной бараниной, ракіей, ну и спать будете въ теплѣ, обратился онъ съ ласковой фізіономіей.

— Да видите-ли, моему товарищу нужно на позицію, куда онъ я думаю уже и отправился, а я кое-какъ тутъ помѣшусь, спасибо за вашу любезность.

— Да васъ тутъ блохи заѣдятъ, пойдемъ лучше ко мнѣ, я и товарища вашего верну, онъ вѣрно еще не уѣхалъ.

Я согласился на предложеніе и вмѣстѣ съ сербомъ вышелъ изъ кафаны посмотрѣть, нѣтъ-ли еще добровольца во дворъ — въ чемъ не ошибся. Онъ почти ощупью розыскивалъ у забора свою лошадь, которую найти было не легко въ такую темную, дождливую ночь — да и кстати, что онъ ее еще не нашелъ.

— Куда вы поѣдете въ такую темь, останьтесь, насъ съ вами приглашаютъ ужинать и ночевать въ тепломъ баракѣ, соблазнялъ я своего знакомаго.

— Какой-же вы послѣ этого военный, если темную ночь считаете препятствіемъ добратся на позицію — а?

— Вотъ ужъ военщина тутъ — не причемъ. Другое дѣло если-бы вы были въ разъѣздѣ на аванпостахъ, или посланы съ приказаніемъ и темную дождливую ночь нашли-бы для себя препятствіемъ исполнить задачу — тогда, я понимаю, что было-бы основаніе васъ порицать какъ воина, неимѣющаго права въ такихъ случаяхъ взирать ни на что, а теперь, когда не заставляетъ необходимость, изъ одного упрямства ломать себѣ добровольно шею, по моему просто безразсудно.

— Развѣ согласиться съ вами? колебался доброволецъ.

— Да конечно соглашайтесь, лошадь оставьте здѣсь въ сараѣ, поручите ее сторожу, а сами пойдемъ вотъ съ ними.

— Къ кому-же пойдемъ-то, скажите пожалуйста?

— Они вотъ насъ приглашаютъ къ себѣ въ баракъ, указаль я на серба.

— А-а-а-а, отлично, ну такъ идемъ-же.

Не зная ни дороги, ни направленія, по которому слѣдовало идти къ незнакому намъ бараку, мы взяли гостепріимнаго серба съ обѣихъ сторонъ подъ руки, вполнѣ повинувась его начальству. Прошли казалось болѣе версты, а барака все еще не было.

— Куда это насъ вы ведете, говорили что близко, а оказывается цѣлый переходъ, упрекалъ нетерпѣливый доброволецъ.

— Сейчасъ, господа, придемъ, нашъ баракъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ партизанскій взводъ кн. Оболенскаго расположился.

— Ахъ тамъ, за штабомъ, по направленію къ Бобовиштамъ, знаю, знаю. Но это не совсѣмъ близко.

— Ну, послушаль-же я васъ, до сихъ поръ давно былъ-бы на позиціи, а тутъ вотъ спотыкайся носомъ въ землю — иди не-знаешь самъ куда, — все по вашей-же милости, тераль уже терпѣніе мой товарищъ.

— Вы что-же меня-то вините? я такъ-же приглашенъ, какъ и вы.

Сербъ хохоталъ, подтрунивая при этомъ надъ недовольнымъ своимъ гостемъ.

Наконецъ мы кое какъ добрались до барака.

Сербъ приподнялъ соломенную занавѣску, замѣняющую дверь и пропустивъ насъ въ маленькій баракъ, завѣсилъ такъ-же тщательно снова. Здѣсь оказался большой comfortъ, давно не виданный въ Делиградѣ. Посреди барака неугасимый костеръ, въ сторонѣ чистый столъ, уставленный разной посудой и провизіей, опрятный съ веселымъ лицомъ деньщикъ, старательно развѣшивающій мою пашку и револьверъ, и вся эта новая обстановка пріятно вліяла на насъ, лишенныхъ такого помѣщенія и всего что было. Гостепріимный хозяинъ распорядился зажечь свѣчи и подать жаренную баранину, которую доброволецъ не дожидаясь приглашенія

принялся поглощать не на шутку, запивая ракіей вдоволь. Тутъ-же хозяинъ познакомилъ насъ со своимъ сожителемъ, сербскимъ артиллерійскимъ офицеромъ.

— Однако вы, батюшка, не смотря на закуску въ кафанѣ, баранину уничтожаете изрядно.

— Отличная, знаете, я съ удовольствіемъ кушаю, отвѣчалъ онъ не застѣнчиво.

— Это я вижу — вы бы мнѣ хотя кусочекъ оставили.

— Нате вотъ, если хотите, только мяса немного — одна кость осталась.

— И въ этомъ не сомнѣваюсь, чему-же больше и остаться послѣ вашего аппетита.

— Неужели вы меня такимъ жаднымъ считаете? ее и съначала было немного.

— Какъ будто я въ претензіи, — такъ, шучу, есть о чемъ серьезныя пренія вести, съѣли и слава Богу, на здоровье, а я ракіей удовольствуюсь на сонъ грядущій.

— За одно ужъ и я составлю вамъ компанію, присоединился доброволецъ.

— Не много-ли будетъ, пожалуй напьетесь — разнести не задумаетесь насъ трезвыхъ.

— Вотъ еще чего не доставало. Налейте-ка вы мнѣ стаканчикъ, только не полный, пожалуйста.

— Нѣтъ, ужъ лучше полный — не полный пьютъ одни пьяницы, съ которыми вы ничего общаго не имѣете.

— Ну давайте какой хотите, будетъ вамъ острить — надоѣли. Доброволецъ не удовольствовался этой порціей, онъ много разъ еще справлялся съ количествомъ ракіи, пока наконецъ не пришелъ въ бушующее настроеніе. На гостепріимнаго хозяина и вообще сербовъ, посыпался цѣлый рядъ упрековъ въ ихъ неблагодарности къ русскимъ за оказанную помощь во всѣхъ отношеніяхъ.

Желчное высказываніе моего компаніона длилось-бы пожалуй еще долго, если-бы я ему не посовѣтовалъ ложиться спать.

Хозяинъ изъ любезности уступилъ мнѣ даже свою постель. — Мы васъ кажется стѣснимъ не мало, пожалуйста извините, гдѣ-же вы сами будете спать? спросилъ я у серба.

— Ничуть, я сейчасъ устрою общую постель, такъ вотъ рядомъ всѣ и помѣстимся.

Я легъ, а доброволецъ все еще продолжалъ спорить съ сербомъ, задававшимъ ему разные насмѣшливые вопросы.

— Что, скверно вамъ спится на позиціи, хуже здѣшняго, спрашивалъ сербъ у добровольца.

— Да, по хуже, чѣмъ вамъ въ тепломъ баракѣ.

— Ну, а кушать даютъ вамъ хорошо?

— Тухлой бараниной питаютъ — какъ по вашему, хорошо?

— Ха, ха, ха, ха, неужели-же тухлой?

— Подите, попробуйте, свѣжей-ли. Я бы ваши порядки скоро передѣлалъ, вамъ-бы вѣзмъ по русской затрепичѣ въ ухо, а то больно ужъ зазнались. Какъ сербъ, такъ и не дотрогивайся.

— Въ ухо, зачѣмъ въ ухо? спросилъ сербъ съ поддѣльнымъ любопытствомъ.

— Да вотъ хочешь, я тебѣ съѣзжу, узнаешь зачѣмъ.

Я видѣлъ, что доброволецъ не задумается исполнить предложеніе, въ случаѣ будутъ шутить надъ нимъ, и намекнулъ объ этомъ сербу, который все еще не унимался.

— Значитъ вамъ у насъ (въ Сербіи) дурно, не хорошо? пристаивалъ онъ къ сонному уже добровольцу съ вопросомъ.

— Конечно дурно — не у васъ-ли будетъ хорошо — такіе-же башибозуки, если не хуже.

— Зачѣмъ-же вы пріѣхали къ намъ, что вамъ нужно?

— Знали-бы раньше, не пріѣхали-бы дураками къ такимъ славянамъ: теперь ужъ не вернешься изъ одного самолюбія.

— Вы развѣ дураки? съ хохотомъ спросилъ сербъ.

— Конечно дураки, что пріѣхали!

— А медаль вы получили?

— Получилъ, искренно отвѣтилъ доброволецъ.

— За храбрость — да? чего-же вамъ больше отъ насъ нужно?

— Медаль и чинъ получилъ, хвастнулъ мой компаніонъ.

— Вотъ какъ, это хорошо. Что, у насъ останетесь или вернетесь въ Россію?

— Не знаю, отстаньте вы съ вашими вопросами, я спать хочу.

Разговоръ этотъ былъ до того комиченъ, что я не могъ казаться серьезнымъ слушателемъ и хохоталъ отъ души. Мнѣ-бы слѣдовало унять немного серба, но изъ за смѣха я не могъ этого сдѣлать. Казалось-бы, что разговоръ этотъ, имѣлъ характеръ простыхъ шутокъ съ обѣихъ сторонъ, подъ вліяніемъ выпитой ракіи, но если остаться при такомъ заключеніи, то оно будетъ ошибочнымъ. Сербъ въ формѣ простыхъ шутокъ, старался дать понять, если не своему собесѣднику, то мнѣ, каковы ихъ чувства къ русскимъ и взгляды на нашу помощь. И не одинъ онъ, а многіе не осторожные изъ высшаго класса сербы, высказывали тоже самое, хотя и не всегда такое высказываніе было позволительно и умѣстно, что въ виду многихъ грустныхъ фактовъ посреди нашихъ волонтеровъ, приходилось смиренно выслушивать.

Утромъ, поблагодаривъ сербовъ за ночлегъ и угощеніе, можно сказать горькое, мы ушли — я въ эскадронъ, а доброволецъ на позицію.

Тоска. — Первые выстрѣлы и бой 7-го Октября. — Безсильный эскадронъ. — Отрядъ Коновницына. — Грустныя вѣсти. — Раненыя жертвы и великодушіе сербовъ. — Полковникъ Межениновъ. — Эпизодъ въ столовой. — Пренія. — Скитанье. — Продолженіе боя 8-го октября. — Неслыханная ловкость. — Плѣнный турокъ. — Раненый офицеръ. — Участь Ярмолинскаго.

~~~~~

Погода началась теперь прескверная, большею частью дождливая съ холоднымъ пронизывающимъ вѣтромъ, а по ночамъ стало невыносимо холодно и сыро: вообще октябрь далъ себя почувствовать воюющимъ сторонамъ, далеко не привычнымъ и не способнымъ къ веденію зимней кампаніи. Войска, какъ наши, такъ и турецкія, и въ особенности прибывшія изъ Египта, не могли переносить продолжительную жизнь на бивуакъ въ холодную и ненастную погоду. Они тяготились этимъ, хворали и съ охотой предпочли бы перейти въ самое рискованное наступленіе, но сейчасъ, сію минуту, чѣмъ томиться и выжидать неизвѣстности. Даже сербы, эти прославившіеся трусы, и они проявляли желаніе въ пользу скорой развязки надѣвшейся имъ войны. Всѣ эти данныя доказывали, что скоро произойдетъ рѣшительный шагъ съ чьей нибудь стороны и этотъ шагъ былъ сдѣланъ турками.

Сильнѣйшій ружейный огонь, поддерживаемый артиллерійскимъ, непріатель открылъ съ 6-ти часовъ утра 7-го октября. Сербы, бездѣйствующіе въ теченіи трехъ недѣль съ лишнимъ, пострадавшіе отъ холода и голода, отвѣтили такимъ-же батальнымъ огнемъ и завязалась кровавая борьба, со всѣми ужасами, стонами, проклятіями, рыданіями и надеждами, не умолкавшая въ теченіи цѣлаго дня, пока совсѣмъ уже стемнѣло.

Офицеры нашего несуществующаго эскадрона, вмѣстѣ съ оставшимися людьми отъ эскадрона королевы Натальи, помѣщались въ уцѣлѣвшихъ еще баракахъ—на томъ-же мѣстѣ въ лѣсу,—съ ними

и я жилъ въ послѣднее время; насъ составило человѣкъ восемь, ни куда не пристроенныхъ кавалеристовъ, прозябающихъ безъ всякого дѣла, какими то чуждыми членами боевымъ силамъ арміи.

Когда началось дѣло и мы узнали, что серьезное, то офицерство засуетилось—куда-бы пристроиться, чѣмъ заняться для общей пользы? но куда-бы и чѣмъ, рѣшить было трудно—не идти-же на выстрѣлы, куда глаза глядятъ—нужно ожидать распоряженій и приказаній начальства, вѣдающаго за чѣмъ насъ собрало и поселило въ лѣсу на высокой горѣ наблюдательности. — Оставалось смириться съ несноснымъ положеніемъ и выжидать, что дальше будетъ.

Непрерывающійся перекаточный ружейный огонь и залпы обстрѣливающихъ мѣстность батарей сливались въ одно, что-то адское, неугомонное и гибельное для человѣчества.

— Пальба вѣдь не на шутку! отозвался, кто-то изъ офицеровъ.

— На то похоже, прислушайтесь, какъ изъ турецкихъ шанцевъ катаютъ, какъ по клавишамъ—не митральезами-ли они дѣйствуютъ такъ часто?

— Замѣтите, что орудійный какъ будто рѣже.

— Ну да, орудійные вѣдь заряды дороже стоятъ, потому и стрѣляютъ ими рѣже; при томъ же и цѣль ихъ совсѣмъ другая.

— Я понять не могу, какъ они умудряются такъ часто стрѣлять изъ ружей.

— У нихъ вѣдь ружья на половину магазинной системы, дѣлающіе восемнадцать выстрѣловъ меньше чѣмъ въ минуту, а остальная часть вооружена бердановками, потому и сыплютъ, какъ градомъ. Не то, что сербскія, которыя за малымъ исключеніемъ, заряжаются съ дула.

— Магазинная система непрактична, она вѣдь и не принята въ другихъ арміяхъ. Ея главный недостатокъ тотъ, что по выпускѣ изъ ружья всѣхъ патроновъ, солдату составляетъ затруд-

неніе зарядить его снова и часто отъ неумѣлаго обращенія и сложнаго устройства, портится, а въ бою съ такими ружьями не удобно.

— Это ничего не значить, что портится. Вѣдь не одинъ-же солдатъ стрѣляетъ, а десятки тысячъ, — если даже десятая часть ружей испортится, то остальные достигнутъ своей цѣли. А вотъ скажите, что они дороги очень—нужно много денегъ, чтобы ими пользоваться—съ этимъ я согласенъ.

— Не знаете-ли, Черняевъ уже на позиціи?

— Пока еще въ штабѣ: онъ къ вечеру переѣзжаетъ на позицію. Главная квартира будетъ на Криветѣ, а въ Делиградѣ за главнокомандующаго остается полковникъ Межениновъ.

— Откуда вы узнали эти подробности?

— А вотъ только что вернулся нашъ квартирмейстеръ изъ штаба, ѣздившій за получкой какихъ-то сапогъ, присланныхъ изъ Москвы комитетомъ — онъ и говорилъ, что въ штабѣ готовятся къ переѣзду на позицію.

— Сраженіе началось, а нѣтъ начальника штаба, вотъ горе — Дохтуровъ, говорятъ, уѣхалъ къ Зайчару — тамъ тоже проснулись отъ холоду, заболѣла пѣшая кавалерія.

— А у насъ-то, кто-же будетъ за начальника штаба?

— Его помощникъ, въ своемъ родѣ маленькій Мольтке, — нѣкто г-нъ Монтеверде, если знаете.

— Ну, на этого мало надежды — чего добраго, съ турками сойдется; онъ вѣдь матерьялистъ прежде всего. Идея, говорить, дѣло хорошее, бесспорно, ну, а денежки — все-же лучше.

— Вы, господа, ошибаетесь, что Дохтуровъ уѣхалъ, онъ здѣсь. Врядъ-ли и уѣдетъ до окончанія дѣла.

— И слава Богу! такихъ бы людей по больше, тогда и дѣла были-бы лучше, а то вотъ эти разные господа Монтеверде, да санитары Токаевы немного принесутъ пользы.

— Положимъ, что пользу-то они принесутъ, но кому? вотъ вопросъ первостепенной важности.

— На который я безъ запинки вамъ отвѣчу: существеннѣйшую—своему карману.

— Противъ такой истины не смѣю спорить. Но славянамъ-то отъ этого не легче.

— Вотъ ужъ грубо ошибаетесь—славянамъ-то ими и оказывается самая существенная помощь—вѣдь сами-то они кто-же?—тѣ-же славяне.

— Перестаньте вы разбирать, кто какую пользу приносить; вотъ поглядимъ лучше, что тамъ дѣлается.

Нашимъ глазамъ представилась дикая, не похожая на сраженіе картина. Отсюда хотя и не было видно всего боя, скрытаго за горами, но правый флангъ боевой линіи непріятеля, примыкающій къ Бобовиштамъ и нашъ лѣвый къ Шильеговцу были видны хорошо.

Постоянно раздающійся перекатный громъ выстрѣловъ и разстилающійся на поверхности пересѣченной мѣстности дымъ, доказывали, что тутъ есть войска, враждебныя между собою, стратегики, полководцы и мелкіе командиры, словомъ, что тутъ сражаются, плачутъ, страдаютъ, умираютъ и хохочутъ, но гдѣ, въ какомъ именно пунктѣ сражаются, когда не видно войскъ? и кто плачетъ, кто хохочетъ, когда нѣтъ ни одной живой души?—не извѣстно. Казалось, что эти выстрѣлы производятся машинально приспособленными деревьями, а не людьми, сознательно сражающимися, мыслящими, съ извѣстными цѣлями за идею, это не было похоже на сраженіе двухъ враждебныхъ армій, а на какую-то дикую комедію, стоящую жизни сотнямъ и тысячамъ ея участникамъ.

Такая картина сраженія охлаждала разгоряченное чувство въ зрителѣ; казалось, что самая пылкая натура юноши и отважная храбрость испытаннаго рыцаря, руководимыя увлеченіемъ, тутъ охлаждаются и принесутъ меньше пользы, чѣмъ-бы они принесли въ виду своего противника. Здѣсь нельзя увлечься, повести на при-

ступь, опрокинуть непріятеля и успокоиться, достигнувъ цѣли — нѣтъ! Здѣсь одни глухіе выстрѣлы и стоны раненыхъ, пораженныхъ пулей противника, скрытаго природой въ густой чащѣ дикихъ кустарниковъ. Обидно воевать при такихъ неудовлетворяющихъ внутреннее настроеніе человѣка условіяхъ, а въ особенности обидно это русскому, пришедшему сюда сражаться съ непріателемъ, а не перестрѣливаться въ шанцахъ за версту и больше другъ отъ друга, а въ концѣ за одно съ сербами удирать натрагъ, какъ только непріатель покажется на горизонтѣ. Всѣ русскіе такъ чувствовали и разсуждали; они, не смотря на опасность быть отрѣзанными, сходились въ рукопашную, брали шанцы, уступали силѣ и гибли въ неравной борбѣ бесполезно—такъ они вели себя въ прежнихъ сраженіяхъ и, я думаю, что такими-же окажутся и теперь.

— Что за безобразное сраженіе такое, гдѣ громъ выстрѣловъ, рядъ опасностей, а никого не видно. Сидятъ какъ мыши, запрятанные въ шанцахъ и перестрѣливаются; такъ можно цѣлый годъ ничего не достигнуть. Вотъ на приступъ, да въ штыки съ этими изувѣрами—другое дѣло, горячился юный доброволецъ.

— Сюда бы одну русскую дивизію и въ два дня всему бы дѣлу конецъ, подеказалъ другой.

— Ну, хотя и не въ два, а скоро бы порѣшили, это правда.

— Интересно, что черняевскій баталіонъ въ дѣлѣ?

— Нѣтъ, пока еще въ резервѣ, и баталіонъ королевы тоже. Они вѣдь въ отрядѣ Меженинова, который, какъ вамъ извѣстно, командуетъ резервными силами.

Къ вечеру пальба значительно усилилась; ружейный огонь съ непріятельскихъ шанцевъ поддерживался сильнѣйшей артиллерійской канонадой. Исполнители этой адски возмущающей душу пьесы, какъ-бы заканчивали ее съ особеннымъ увлеченіемъ.

Наша эскадронная семья, хотя далеко не согласная между собою, но теперь какъ-бы сошлась ближе, сочувствовала другъ другу. Конечно, какъ говорится, семья не безъ уroda; были и

у насъ экземпляры не безукоризненные, но гдѣ-же ихъ нѣтъ? — всюду, а въ особенности въ Сербіи, переполненной въ настоящее время самыми разнообразными созданіями природы, во всевозможныхъ видахъ и формахъ ее совершенства.

— Я завтра непременно отправлюсь на позицію, чего ради тутъ торчать, безъ всякаго дѣла, сказалъ одинъ изъ такихъ экземпляровъ.

— Въ качествѣ кого-же вы отправитесь?

— Въ качествѣ офицера, понятно.

— Да я понимаю, что въ качествѣ офицера, вы-же вѣдь поручикъ, но съ какой командой и по чьему приказанію туда отправитесь?

— Безъ всякой команды, просто явлюсь въ штабъ и предложу свою готовность исполнять приказанія.

— Какія приказанія? при штабѣ для этой цѣли есть ординарцы и адъютанты, что-же вы-то тамъ будете дѣлать съ готовностью исполнять приказанія, — интересно!

— Найдется дѣло, не беспокойтесь; я и вамъ совѣтовалъ бы послѣдовать моему примѣру.

— Что касается меня лично, то я въ штабъ съ предложеніями не пойду потому, что сочтутъ за нахала, желающаго болтаться около Черняева, а въ качествѣ зрителя тоже не намѣренъ. По моему, даже неприлично совѣтаться, куда не слѣдуетъ; этимъ ничего дѣльнаго не достигается, кромѣ риска быть убитымъ, не въ сраженіи, а шальной пулей на излетѣ, гдѣ нибудь за кустомъ, бесполезно для дѣла, что далеко не согласно съ моимъ убѣжденіемъ.

— Конечно, вы побоитесь подставить лобъ подъ пулю, по этому и не поѣдете, угадалъ экземпляръ.

— Побоюсь подставлять бесполезно для дѣла, въ этомъ даю вамъ слово; зря подставить лобъ подъ пулю—равно самоубійству—тоже самое, что положить голову на рельсы, что тоже не согласно съ моимъ убѣжденіемъ. Я не съ такой цѣлью сюда пріѣхалъ.

Тамъ, гдѣ-бы потребовалось принести себя въ жертву для общей благой цѣли, я не откажусь никогда, какъ и не соглашусь подставлять лобъ подъ пули безъ цѣли и убѣжденія. Довольно васъ одного, готового исполнять штабныя приказанія, не чуждаго желанію попасть въ ординарцы, а мнѣ позвольте не согласиться съ вашимъ мнѣніемъ и предпочесть остаться въ немъ трусомъ.

— Отправляйтесь, коли есть желаніе, кстати и новости намъ привезете, совѣтовали другіе.

— Я тоже ѣду, тамъ гдѣ нибудь и лошадку черекскую присвоимъ, отозвался другой экземпляръ, отчаянный съ виду, не хуже башибозука *).

— Ахъ и вы съ готовностью на позицію?

— Не съ вами-ли тутъ переливать изъ пустого въ порожнее? ѣдемъ послушайте вдвоемъ, я батюшка козакъ, не пропадемъ! заключилъ онъ увѣренно.

— Видите-ли, вотъ смѣются, говорятъ что не слѣдуетъ ѣхать.

— Кто-же надъ вами смѣется, ничуть—поѣзжайте; я говорю только, что нелѣпо подставлять лобъ бесполезно, но это вѣдь мое личное мнѣніе, не имѣющее ничего общаго съ вашимъ.

— Пусть ихъ смѣются, намъ-то не все ли равно—поѣдемъ, да и только.

— Я того мнѣнія, что вы, какъ прикомандированные офицеры къ эскадрону, по распоряженію высшаго начальства, не имѣете права отлучиться самовольно, да еще въ военное время. Какъ разъ въ то время, когда вы будете разтѣзжать по позиціямъ съ готовностью, васъ могутъ потребовать, назначить куда нибудь или послать съ приказаніемъ. Въ организованной арміи офицера за подобный поступокъ предали-бы суду навѣрное.

---

*) О немъ, какъ о героѣ темныхъ приключеній, мнѣ придется говорить еще въ третьей части моихъ записокъ, почему для отличія отъ другихъ не лишнимъ считаю назвать заглавную букву его фамиліи—козакъ Г.

— Мало ли что-бы сдѣлали въ организованной, да здѣсь-то ничего не сдѣлаютъ, гдѣ, какъ вы видите, на организацію не похоже.

— Оттого и не похоже, что организаторы не разнятся съ вами во взглядахъ. Повѣрьте, что если-бы каждый самъ по себѣ придерживался какихъ-нибудь правилъ и порядковъ, существующихъ въ организованныхъ арміяхъ, то результаты и здѣсь были бы другіе.

— Никакихъ результатовъ я знать не хочу! одного желаю и къ нему стремлюсь—лично участвовать въ сраженіи; вотъ почему и на позицію отправлюсь.

— Въ такомъ случаѣ чего-же проще: явиться къ начальнику штаба или Меженинову и просить зачисленія въ дѣйствующій отрядъ, куда васъ скоро пошлютъ, тѣмъ болѣе теперь, въ такое горячее время.

— Зачѣмъ-же, когда я могу отправиться прямо въ главную квартиру и предложить свои услуги самому главнокомандующему.

— То-то батюшка, вы не такъ въ сраженіе, какъ въ ординарцы попасть желаете — въ штабнаго превратиться — простымъ смертнымъ не угодно, и то дѣло.

— Да я въ пѣхотномъ дѣлѣ ничего не смыслю; что-же тамъ дѣлать въ такомъ случаѣ? сами посудите.

— Самое лучшее сидѣть тамъ, гдѣ васъ посадили и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій изъ штаба. Впрочемъ каждый судить по своему, есть охота — поѣзжайте.

Отозвавшійся вдали колокольчикъ обратилъ наше общее вниманіе, прервавъ нашъ разговоръ съ экземпляромъ.

— Не Черняевъ ли это ѣдетъ на позицію? догадывалось офицерство.

— А вотъ пойдемъ посмотримъ, онъ ли?

Мы не ошиблись въ предположеніи.—Черняевъ въ коляскѣ, сопровождаемый многочисленнымъ штабомъ верхами, собственнымъ

конвоемъ и козаками, ѣхалъ по дорогѣ, пролегающей ниже нашего эскадрона, на позицію, такъ уже часу въ шестомъ по полудни.

— Что это онъ такъ поздно собрался на позицію?

— Да вѣдь сегодня только начало—цвѣтки, а ягоды завтра будутъ, когда его присутствіе будетъ необходимымъ; потому-то съ вечера и переѣзжаетъ.

— А не знаете ли на какомъ пунктѣ будетъ главная квартира?

— Да на Криветъ-же, противъ котораго турки особенно налегаютъ. Смотрите, какой это баталіонъ собранъ внизу у Моравы?

— Должно быть потребовали резервы; видно плохо приходится.

— Неужели непріятель угрожаетъ такъ близко?

— А въ самомъ дѣлѣ, что сей сонъ значить? спросилъ растеряннымъ голосомъ экземпляръ.

— Пойдемъ туда, узнаемъ въ чемъ дѣло.

— Благодарю васъ за предложеніе, по грязи версту таскаться—не интересно.

— Какую версту? здѣсь такъ близко.

— Это такъ только кажется, что близко, а на дѣлѣ и по больше версты будетъ.

— Ну какъ знаете, я одинъ отправлюсь узнать въ чемъ дѣло.

— Да на всякій случай захватите револьверъ съ собою—мало-ли что ночью можетъ случиться, тѣмъ болѣе вы одни идете.

— За совѣтъ вотъ спасибо, револьверъ не лишній.

Торопясь, я захватилъ свой револьверъ и побѣжалъ по направленію къ Моравѣ, гдѣ виднѣлось загадочное войско. Не смотря на то, что рѣдко ошибаюсь въ глазомѣрномъ опредѣленіи расстоянія, теперь я ошибся на много, доказывая, что тутъ не болѣе версты; ихъ оказалось цѣлыхъ три съ лишнимъ. Я ускоренными шагами прошелъ болѣе получаса, пока наконецъ достигъ цѣли своего стремленія. Здѣсь, у поворота узкой дороги, ведущей къ мосту чрезъ Мораву, на позицію, стоялъ построеннымъ развернутымъ фронтомъ сербскій баталіонъ, представляющій собою войско,

достойное христіанскаго соболѣзнованія. Обутые въ изорванные лапти, солдаты-милиціонеры, а нѣкоторые почти босые, полудѣтые въ истрепанныя шинелишки, подпоясанные на половину узловатыми веревками, съ какими-то торбами за плечами, наполненными походными вещишками (Господь ихъ знаетъ какими), дрожащіе, съ красными носами и руками отъ холода, апатично поддерживающіе заржавленные, старой системы ружья, стояли они съ поникшими головами, въ ожиданіи команды, а черезъ часъ, можетъ быть и смерти. На правомъ флангѣ, не менѣе въ плачевномъ видѣ, собралось въ кучку офицерство, кутившее и о чемъ-то разсуждающее по русски; тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ группы, стоялъ молодой офицеръ верхомъ, на какой-то несчастной, еле дышащей клячѣ и не принимая участія въ разговорѣ, внимательно смотрѣлъ въ пространство, по направленію къ штабу. Я подошелъ къ офицерамъ и обратился съ вопросомъ, для какой цѣли они здѣсь собраны.

— Да не знаемъ куда поведутъ, кажется на подкрѣпленіе къ Кривету, тамъ говорятъ плохо. Черняевскій баталіонъ уже въ дѣлѣ.

— Кого-же вы ожидаете, не идете?

— Отряднаго командира, графа Коновницына.

— Онъ развѣ отряднымъ назначенъ?

— Да, вотъ этотъ баталіонъ и два орудія составляютъ его отрядъ; впрочемъ не знаю на вѣрно, можетъ быть еще усилить составъ нашего отряда тамъ уже на позиціи.

Раздалась команда „смирно“, офицеры разошлись по мѣстамъ и верхомъ подскакалъ къ баталіону толстякъ графъ Коновницынъ, поздоровавшись съ людьми и повернувъ фронтъ на право, командовалъ „ряды вдвой“.

— Что у нихъ, заряжены-ли ружья? спросилъ онъ у офицера, смотрѣвшаго до сихъ поръ внимательно въ пространство.

— Заряжены ваше сіятельство, отвѣтили тотъ съ поспѣшностью приложившись къ козырьку передъ начальникомъ.

— Ведите баталіонъ! обратился графъ къ тому-же офицеру.

Графъ Коновницынъ, бывшій до сего времени уже не разъ въ дѣлѣ, пользовался здѣсь весьма хорошей репутаціей знающаго, распорядительнаго и храбраго офицера — какъ человѣка его тоже цѣнили болѣе другихъ. Я съ нимъ встрѣчался нѣсколько разъ въ штабѣ и не бывши вовсе знакомымъ, вѣрилъ въ него, какъ въ военнаго и боеваго, гораздо больше, нежели въ другихъ героевъ того времени. Мнѣ нравились его простота и скромность, которыми онъ отличался; эти черты присущи дѣльнымъ людямъ, ненавидящимъ признаковъ фатовства. Между тѣмъ этотъ-же скромный молодой офицеръ доказалъ уже всѣмъ свою неустрашимо-хладнокровную храбрость и распорядительность въ бою. Офицеры, ругавшіе и упрекавшіе многихъ другихъ начальниковъ, о которыхъ я говорилъ раньше, любили и хвалили его. Братъ его, статскій, бывшій въ Делиградѣ въ качествѣ туриста, менѣе общалъ въ будущемъ, — ну, да это-же его братъ, а не онъ.

Дождикъ усилился, кромѣ того совсѣмъ уже стемнѣло и я съ трудомъ вернулся къ эскадрону — блуждалъ болѣе часу въ долинѣ Моравы.

— Ну что, меньше версты оказалось — какъ по вашему?

— Цѣлыхъ три батюшка, а то и больше; ну да ничего, я доволенъ путешествіемъ.

— Разскажите-же, что за войско такое тамъ собрано?

— Все войско заключается въ одномъ баталіонѣ, который посланъ на подкрѣпленіе, подъ командой Коновницына.

— Куда-же онъ ихъ повелъ?

— Туда къ Крвету! — видно плохо, если послѣдніе баталіоны требуютъ — черняевскій говорятъ тоже ушелъ на позицію.

— Неужели и черняевскій ушелъ?

— Такъ мнѣ сказали офицеры того баталіона.

— Пожалуй и насъ отсюда скоро выгонять на подкрѣпленіе.— Впрочемъ чѣмъ-же мы и подкрѣплять-то будемъ? — Развѣ тѣмъ предписаніемъ, которое хранится у командира—сформировать эскадронъ; этимъ турокъ не испугаешь.

— А вотъ увидимъ, Богъ дастъ, что завтра будетъ. Теперь пальба какъ будто прекратилась.

— Какое, слушайте, такая-же продолжается; знаете-ли, наши удалцы таки уѣхали на позицію—чисто сумашедшіе! не зная мѣстности, противъ ночи, безъ опредѣленной цѣли отправиться сломя голову—по моему нужно быть болѣе чѣмъ сумашедшимъ—просто идіотомъ.

— Вы упускаете изъ виду, что у одного изъ нихъ есть весьма опредѣленная цѣль, какъ онъ самъ даже это высказалъ—увести лошадей у черкесовъ.

— Мнѣ, знаете, кажется, что онъ, по ошибкѣ уведетъ ее у своихъ; личность довольно подозрительная по моему мнѣнію. Какъ по вашему?

— Пускай ихъ ѣдутъ! намъ-то что до этого — за нихъ отвѣчать намъ не придется. Я самъ думаю сейчасъ-же отправиться.

— Вы то куда же теперь вздумали? вѣдь дождь проливной и темно какъ, посмотрите!

— Да я не на позицію, успокойтесь; пойду въ штабъ, узнаю каковы результаты боя—тамъ вѣдь все должно быть извѣстно.

— Пойдемъ вмѣстѣ, если хотите, веселѣе будетъ возвращаться.

— Куда возвращаться?

— Да сюда-же, тамъ вѣдь не останетесь ночевать!

— Ну нѣтъ, батюшка, спасибо за прогулку—въ такой ливень путешествовать обратно! я тамъ гдѣнибудь въ штабѣ, хотя-бы въ кафанѣ, переночую, чѣмъ въ полночь по лѣсу блуждать пока доберешься. Пойдемъ, если желаете составить компанію, а ночевать и вдвоемъ куданибудь пристроимся.

— Зачѣмъ мнѣ мѣнять вѣрный ночлегъ на „куда нибудь

пристроимся“, это слишком не опредѣленно. Хотя и здѣсь комфорта мало, ну а все же онъ есть, тогда какъ въ вашемъ куда нибудь, легко что и этого не будетъ. Отправляйтесь батюшка одни—я останусь дома.

— Какъ знаете! мнѣ все равно, бояться нечего—до свиданья.

— Утромъ вернетесь-ли, послушайте? кричалъ въ слѣдъ мнѣ, ускользнувшему уже изъ барака, сослуживецъ по безсильному эскадрону.

— Вернусь непременно!

— Смотрите-же, не покидайте! до свиданья! закончилъ онъ чуть-ли не во всю глотку.

Дождь не унимался, лилъ какъ изъ ведра; ночь была до того темна, что трудно было держаться прямого направленія къ штабу и только изрѣдка мелькавіе орудійные выстрѣлы, то доносящіяся съ громомъ до слуха, то уносимые сильнымъ порывистымъ вѣтромъ совѣтъ уже не слышными, давали возможность не сбиться съ пути далеко въ сторону. Теперь и вернуться-бы не прочь, замѣнить неизвѣстное „куда нибудь“ на болѣе опредѣленный ночлегъ моего сослуживца, но и это уже трудно—собьешься окончательно съ пути и очутишься въ скверномъ положеніи, ни въ задъ ни въ передъ; пойду лучше прямо—ближе къ цѣли. Еще нѣсколько мелькнувшихъ огоньковъ изъ орудій, нѣсколько жертвъ за славянское дѣло—и наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь стонами умирающихъ раненыхъ на полѣ сраженія и бушующими страстями природы. Вскорѣ на позиціяхъ зажглись костры, ярко освѣтившіе ту мѣстность, которая такъ еще недавно обагрена кровью сотенъ русскихъ, павшихъ въ борьбѣ съ непріателемъ за идею.

Эка, думаю, война какое скверное явленіе. Теперь, въ такую холодную сырую погоду, сколько раненыхъ стонетъ, безъ помощи покинутыхъ на жертву произволу; они голодные, холодные, въ горкихъ мученіяхъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ смерти, этой не замѣнимой спасительницы въ ихъ положеніи, сколько, не менѣе стра-

даютъ на перевязачномъ пунктѣ подъ ножомъ хирурга, не умо-
 лимо оканчивающаго операцію по его мнѣнію необходимую не-
 счастному страдальцу; и сколько-же изъ нихъ, прощаясь съ зем-
 нымъ міромъ, оставляютъ женъ, матерей и дѣтей, безпомощныхъ
 и безъ всякихъ средствъ къ жизни; сколько изъ нихъ въ эти нѣсколько
 часовъ переживаютъ цѣлую вѣчность—минуты мученій кажутся имъ
 годами,—но годами тяжелыми, безотрадными, напоминающими упреки
 совѣсти за прошлое, давно уже забытое.—Да, тяжело чувствовать
 и сознавать все это. Если-бы еще эта война своимъ результатомъ
 искупила пролитую славянскую кровь и лавровый вѣнокъ, украсившій
 могилу павшихъ участниковъ, могъ быть послѣднимъ на мо-
 гилѣ борцовъ за славянскую идею—церковь и свободу,—тогда
 отраднo, тогда не даромъ они легли въ неравной борьбѣ!—А если
 нѣтъ? если еще польются потоки славянской крови за ту-же
 идею въ недалекомъ будущемъ, потребуются миллионы и новыя
 жертвы,—то къ чему-же нужны были эти—погибшіе бесполезно—
 къ чему? Эти невольныя размышленія помогли мнѣ незамѣтно
 дойти до штаба. Верхами скачущіе фигуры изъ штаба на пози-
 цію съ экстренными порученіями и изъ главной квартиры въ штабъ
 съ приказаніями, обгоняли и попадались мнѣ на встрѣчу; куда
 мнѣ зайти, думаю, самое лучшее въ столовую—тамъ вѣроятно
 есть кто нибудь изъ начальства;—пожалуй, Меженинова застану. Тутъ
 я засталъ многихъ, но изъ начальствующихъ никого не было,—
 а въ этомъ все и горе—не отъ кого узнать истину.—Впрочемъ
 есть кое кто, вонъ онъ—ну да погожу, еще успѣю наговориться—
 послушаю. Одни собирались ужинать, другіе чай пить, третьи, не
 состоящіе при штабѣ, пришедшіе сюда съ цѣлью поѣсть не за-
 мѣтно, скромно занимали мѣста за столомъ, стараясь при этомъ
 не смотрѣть въ глаза спящему здѣсь эконому (сербу), знавшему
 всѣхъ безъ исключенія штабныхъ нахлѣбниковъ, остальные бол-
 тали о событіяхъ дня, въ числѣ которыхъ я встрѣтилъ знако-
 маго мнѣ маіора Маропова, назначеннаго недавно главнымъ ин-

интендантомъ отряда русскихъ волонтеровъ въ Сербіи, обратившаго всю свою дѣятельность по этой части, хотя въ запасныхъ складахъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ полушубковъ — и столькохъ-же паръ обуви, ничего больше не было. Но во всякомъ-же случаѣ и эта наличность требовала извѣстной доли дѣятельности, въ особенности въ Сербіи, — гдѣ все теперь отличается особенностью и нѣкоторой оригинальностью.

— А, здравствуйте, откуда это вы къ намъ пожаловали? удивленно спросилъ меня майоръ-интендантъ.

— Изъ эскадрона, къ вамъ за новостями, вы вѣдь, такъ сказать, люди приближенные къ начальству, вѣдаете намъ неизвѣстное — скажите-ка, какъ тамъ дѣла, гдѣ порохомъ пахнетъ?

— Дѣла-то батюшка, ни вѣсть какія хорошія, пять нашихъ шанцевъ заняли турки, сербы тоже что-то заняли — два кажется турецкихъ, вотъ и все — серьезнаго перевѣса пока еще нѣтъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Вотъ что завтра будетъ — увидимъ.

— Какъ нѣтъ серьезнаго перевѣса! вскрикнулъ только что вошедшій офицеръ, повидимому вернувшійся съ позиціи, мы окончательно разбиты! изъ черняевского баталіона въ составѣ пятисотъ человѣкъ къ вечеру осталось всего двѣсти тридцать — остальное все перебито — не забудьте, что эта убыль изъ строя произошла въ теченіи четырехъ часовъ; отрядъ Коновницына тоже пострадалъ сильно, я думаю, что завтра турки прорвутся къ Крвету, а то и возьмутъ, заключилъ онъ грустную вѣсть.

— Какія вы чудеса рассказываете, что турки къ Крвету прорвутся, вѣдь прежде чѣмъ прорваться къ нему, нужно овладѣть Шильеговцемъ, главной преградой въ этомъ направленіи, накинута майоръ-интендантъ.

— Турки, какъ видно, одного мнѣнія съ вами, потому что они Шильеговцемъ и отчасти Крветомъ уже овладѣли.

— Да не можетъ-же быть! ужаснулся майоръ-интендантъ.

— Позиціи не заняты непріятелемъ, но мы ихъ оставили еще днемъ, во всякомъ случаѣ ими не владѣемъ и не можемъ удержать за собою.

— Какимъ-же образомъ, помилуйте! вѣдь эти позиціи считались неприступными, а тутъ и одного дня не устояли.

— Неприступными, только не съ сербскимъ войскомъ, а бы ихъ за трусость десятого разстрѣливать,—просто возмутительно. Вы знаете, какую они выкинули сегодня штуку?

— Въ чемъ-же она заключается?

— Между Шильеговцемъ и Креветомъ устроенъ былъ люнетъ (земляное укрѣпленіе) съ цѣлью прикрыть обороняющихся, въ которомъ засѣлъ цѣлый сербскій баталіонъ и открылъ, весьма удачно, огонь по непріятелю; начальникъ позиціи этого пункта, маіоръ Млейшеръ, въ виду предполагавшагося наступленія турокъ, разсчитывая подалеже преслѣдовать наступающихъ мѣткимъ огнемъ изъ укрѣпленія, приказалъ баталіону стойко держаться, предупредивъ, что отступать не будетъ пока найдетъ возможнымъ и для большей увѣренности въ исполненіи задуманнаго плана, приказалъ запереть ворота и не выпускать изъ укрѣпленія никого. — Что вы думаете они сдѣлали? — чуть замѣтили наступающихъ турокъ — шагахъ въ семистахъ, на ура сломали ворота и безъ оглядки удрали натрагъ.

Послѣ этого не угодно-ли вамъ воевать съ такимъ войскомъ! и удерживать неприступныя позиціи — съ этими позорными трусишками.

— Вотъ оно что, — это плохо, порѣшилъ маіоръ-интендантъ.

— Одни русскіе отдуваются — просто досадно становится, что нашихъ бьютъ бесполезно, ну если-бы хотя сражались въ сочувствующей средѣ — не жаль-бы было вспомнить, а то съ этимъ апатичнымъ народомъ, къ одному только и чувствующемъ расположеніе — къ деньгамъ, за дукаты все готовъ сдѣлать. Сегодня, на примѣръ, бросили трехъ раненыхъ на жертву туркамъ, съ одного

русскаго офицера за то, что-бы донести на перевязочный, десять дукатовъ запросили, наконецъ за пять согласились. Ну скажите-же пожалуйста, чѣмъ они лучше турокъ, стоитъ-ли помогать такимъ славянамъ, гдѣ-же наконецъ у нихъ совѣсть, да за такіе поступки ихъ-бы разстрѣливать! о чемъ Черняевъ думаетъ — не понимаю, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ устраненію подобныхъ явленій, вѣдь отъ него зависитъ положить всему начало, ему предоставлена неограниченная власть главнокомандующаго!

— Вы вотъ утверждаете, что раненныхъ бросаютъ и подбираютъ лишь за деньги, почему-же никто изъ этихъ раненныхъ не заявитъ начальству и не укажетъ, кто именно взялъ съ него деньги! тогда неизвѣстно, можетъ быть и наказали-бы этого, догадывался маіоръ-интендантъ.

— Какъ-же укажете, кто взялъ, они поумнѣ насъ съ вами, деньги то впередъ пожалуйста, а чуть донесли на перевязочный, то бросать и уйдутъ — поди, указывая на кого угодно, наконецъ раненому не до того, онъ радъ, что живъ остался — не до слѣдствія — многіе-же изъ нихъ тутъ и умираютъ — тоже заявлять нельзя. Да къ чему-бы и повело это заявленіе, когда раньше еще, послѣ битвы 16-го сентября, на такія заявленія и даже указанія, не обратили никакого вниманія — лучше вамъ скажу, — два серба приходили въ штабъ жаловаться на одного изъ раненныхъ офицеровъ, не заплатившаго дукаты за то, что они его доставили на перевязочный — не теперь, а 16-го сентября, объ этомъ вы можете спросить всѣхъ, кого угодно — вотъ до какой степени это въ обычай вошло.

— Что-же имъ въ штабѣ сказали?

— Ничего, прогнали и только. Бывшіе при этомъ другіе сербы даже доказывали, что „юнаки“ правы, имъ слѣдуетъ получить съ офицера. Вотъ каковъ народецъ, батюшка, не въ насъ.

— А вотъ и Александръ Павловичъ! кинулся на встрѣчу вошедшему начальнику маіоръ-интендантъ.

Вошедшій былъ полковникъ Межениновъ, высокій съ военной осанкой представительный блондинъ, весьма симпатичной наружности, съ свѣтлыми, большими, смѣло глядящими глазами, въ очкахъ, одѣтый въ пальто, подпоясанное пистолетнымъ ремнемъ, въ походныхъ сапогахъ, вооруженный саблей и револьверомъ, напоминалъ онъ типъ военного дѣльца, строгаго начальника и вмѣстѣ съ тѣмъ отца, брата и друга, каждому изъ своихъ подчиненныхъ, — одно хорошее читалось на лицѣ этого человѣка, приковывая какой-то нравственной силой къ его личности — и не меня одного, а всѣхъ, кто его зналъ по Делиграду, — всѣ одинаково относились къ его имени съ особеннымъ уваженіемъ, видя въ немъ того, кого хотѣли видѣть русскіе добровольцы во главѣ надъ собою. Имя Черняева рѣдко упоминалось между ними въ такомъ смыслѣ, какъ Меженинова, о которомъ если говорили, то старались обнаружить и высказать къ нему свое расположеніе, что далеко не высказывалось по отношенію къ Черняеву, съ умѣвшему вселить добровольцамъ полное охлажденіе къ себѣ, и еще больше къ самому вопросу. Отрадно было видѣть здѣсь этого человѣка, гдѣ такіе люди необходимы и дороги и гдѣ дѣльных людей было очень мало, а безукоризненныхъ, съ самоотверженіемъ, безъ всякихъ личныхъ расчетовъ, храбрыхъ, какъ львы, рыцарей и нѣжно любящихъ друзей, готовыхъ протянуть руку заклѣтому своему врагу въ несчастіѣ, способныхъ вселить духъ въ сраженіи и ставши во главѣ, повести войска на штурмъ, заставленные не дисциплиной, а любовью и уваженіемъ къ своему начальнику; такихъ именно людей, какимъ былъ онъ, — не было здѣсь больше, и это не мое личное сужденіе о немъ, — нѣтъ, а единогласные отзывы всего отряда — въпослѣдствіи моравской арміи; я только передалъ ихъ своимъ языкомъ, не примѣшивая и одной фразы подъ увлеченіемъ или пристрастіемъ.

Выставляя всѣ темные факты событій и людей, я счелъ-бы преступленіемъ и непростительной ошибкой не высказать все свѣтлое,

хорошее, достойное одной благодарности всего общества въ такихъ случаяхъ, гдѣ проглядываетъ хорошее, я съ жадой высказываю его, не упуская изъ виду ни одной мелочи, даже мало-значущей.

Межениновъ теперь былъ здѣсь главный начальникъ — онъ заступалъ главнокомандующаго въ Делиградѣ, примѣняя свои распоряженія сообразно съ ходомъ боя.

— Здравствуйте господа, что, не согрѣтыся-ли намъ чайкомъ, обратился онъ ко всѣмъ безъ различія.

— Какъ вамъ угодно, Александръ Павловичъ, не хотите-ли поужинать съ нами? предлагалъ майоръ-интендантъ, разыгрывающій здѣсь роль самовластнаго хозяина.

— Нѣтъ, спасибо, я ужинать не буду; чайку вотъ напьюсь съ удовольствіемъ, если дадите.

Любезный хозяинъ распорядился и все общество раздѣлившись на двѣ партіи, усѣлось за столъ — одни ужинать, а другіе чай пить; я же, не состоящій при штабѣ и пришедшій сюда не съ цѣлью питаться, отказался отъ приглашеній любезнаго интенданта и сѣлъ за столъ, поближе къ начальству, между раздѣлившимся на двѣ партіи обществомъ — ужинавшимъ съ большимъ аппетитомъ и пьющимъ чай съ жадой. Неотвязчивый хозяинъ приставалъ ко мнѣ съ предложеніями: „горяченькаго неугодно-ли — съѣшьте, вы вѣдь прозябли“.

— Благодарю васъ покорно, вотъ ромомъ угостите, если есть, а то дрожь пробираетъ, — промокъ до ниточки.

— Съ удовольствіемъ — извольте, да не церемоньтесь, стаканчикъ хватите — сразу, а то лихорадку наживете, — не лишнее-бы и другой, если сможете одолѣть.

— Нѣтъ ужъ спасибо, много будетъ и одного — по одной доскѣ не пройдешь, а два и подавно — чудесъ натворишь, — половинку съ меня довольно.

— Полноте вы нѣжничать, я десять выпью и ни почему — какъ видите, а вы два стѣсняетесь.

— Мнѣ кажется, что это зависитъ отъ привычки — одному сколько угодно нипочемъ, а другому и одной рюмки много. Я вообще пью рѣдко и мало.

— Вамъ-бы не здѣсь быть, а въ розовомъ будуарѣ любовныя рѣчи напѣвать — куда вамъ къ намъ, я сразу вотъ, за ваше и свое здоровье — и ничего, увѣрялъ онъ убѣдительно.

— Ты что-же, господинъ, не подаешь мнѣ ужинать — чего носъ повѣсилъ? а то тарелкой угощу, если угодно! кричалъ за столомъ голодный доброволецъ, на подававшего блюда серба.

Мой собесѣдникъ сейчасъ-же вошелъ въ свою роль и придавъ своей наружности, неособенно симпатичной, гнѣвный видъ, серьезнымъ тономъ замѣтилъ добровольцу: „чего вы раскричались такъ громко, вы вѣдь при штабѣ не состоите, почему и столомъ пользоваться не имѣете права, а кричать въ присутствіи старшихъ тоже не слѣдуетъ, — это неприлично“.

— Какъ не состою, сегодня отданъ приказъ по арміи о причисленіи меня къ штабу, протестовалъ доброволецъ.

— Какой приказъ, что вы сочиняете, ни къ чему вы непричислены, а усѣлись за столъ произвольно, ну и сидите тихо.

— Я въ отрядѣ полковника Меженинова, онъ меня сюда и прислалъ состоять, увѣряю васъ, оправдывался не удачно доброволецъ.

— Вотъ вы и попались, на ваше несчастье полковникъ Межениновъ на лицо, — сейчасъ я справлюсь, куда вы причислены; — Александръ Павловичъ, вы-ли прикомандировали ихъ къ штабу? Спросилъ майоръ-интендантъ, указывая на мнимого штабнаго.

— Кого? въ недоумѣніи спросилъ начальникъ.

— Имѣю честь, м-м-меня, господинъ полковникъ.

— Я васъ причислилъ къ штабу! когда это, — позвольте узнать?

— Сегодня.... отвѣтилъ безъ запинки доброволецъ.

— Ваша фамилія?

— Имѣю честь.... пор.... Ссестрункинъ!

— На сколько помню, я васъ никуда не причислялъ; впервые даже имѣю удовольствіе лично видѣть!

— Имѣю честь.... госпо....динъ полковникъ, я-я-я... значить ушелъ съ позиціи.... не поладилъ съ на-а.... съ на-а.... съ начальствомъ, н-н-у хо-хо-рошо.... имѣю честь.... — значить я-я-я при штабѣ? докончилъ онъ робкимъ тономъ.

— Нѣтъ, это къ моему прискорбію, значить, что вы имѣете честь быть пьянымъ, сами не знаете, что говорите; если вы желаете служить въ моемъ отрядѣ, то я завтра-же васъ зачислю и пошлю на позицію, даже буду очень радъ удовлетворить такое желаніе, а пока садитесь ужинать — до свиданія.

— Имѣю честь... и р-р-радуюсь... к-к-къ вамъ въ отрядѣ... очень радъ... д-д-даже л-л-лично, честное сл-слово... д-д-да!

У этого субъекта хватило нахальства тутъ-же взять, на глазахъ у всѣхъ, со стола бутылку съ ромомъ и выпить залпомъ до дна. — Маіоръ-интендантъ, смотря на эту удачу, окончательно потерялъ терпѣніе, „вотъ, не угодно-ли, какое нахальство, ничѣмъ не стѣсняется. Ну вы, господинъ офицеръ, ужинайте поскорѣе и убирайтесь съ Богомъ отсюда, а то я доложу полковнику Меженинову—какъ вы себя ведете, тѣмъ болѣе, что вы не стѣснились даже его присутствіемъ — бутылку рому, какъ ни въ чемъ не бывало, осушили.

— Хорошо, ладно — п-р-р-роваливай.

— Что-о-о-о-о? проваливай, вотъ вы какъ — погодите-же, распорядимся по иному съ вами!

— Маіоръ-интендантъ, передалъ не замѣчавшему до сихъ поръ этой сцены, полковнику Меженинову и добровольца, искренно желающаго состоять при штабѣ — вскорѣ не стало. — Не судьба была ему попасть въ штабные.

Человѣкъ съ такой душой, какъ Межениновъ, и тотъ наконецъ потерявъ терпѣніе, долженъ быть употребить власть началь-

ника въ этомъ случаѣ — нельзя не согласиться, что другаго ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ такой власти.

— И наѣхало-же сюда народу-то какого, одинъ другаго лучше, вотъ хотя-бы этотъ, пришелъ не извѣстно откуда и зачѣмъ, въ пьяномъ видѣ, да прямо въ штабъ — натѣ, любуйтесь мною, вотъ я, какъ есть — и дѣлай съ нимъ, что угодно. Такіе офицеры приносятъ лишь одинъ вредъ, а пользу какую-же? развѣ только, какъ единица въ бою, но въ роли офицера — никакой.

— Изъ за нихъ и порядочному человѣку одна честь будетъ. Сербь и безъ того пугливые, питающіе какое-то подозрительное чувство къ русскимъ, вслѣдствіи подобныхъ господъ потеряли всякое довѣріе и уваженіе къ добровольцамъ, а при этомъ пала конечно и дисциплина, которая впрочемъ и прежде не отличалась строгостью, но теперь ее нѣтъ вовсе — старыхъ войскъ мало, а въ милиціи, гдѣ преимущественно командуютъ частями добровольцы — нѣтъ никакой. Вотъ хотя-бы такой офицеръ, какъ только что ушедшій отсюда — чѣмъ отличается отъ башибозука? развѣ только нарядомъ, а дѣйствіями ни на волосъ, пересолить маіоръ-интендантъ.

— Грустно, отозвался кто-то изъ нашей компаніи, что цѣль русскаго общества, помочь волонтерами сербамъ, не достигается на дѣлѣ, и кто знаетъ, чѣмъ все это кончится.... можетъ быть очень плохимъ результатомъ. Волонтеровъ для дѣла здѣсь слишкомъ мало, собственно для организаціи. Если взглянуть на нихъ какъ на войско, то нужно было прислать гораздо больше, нѣсколько тысячъ съ разу; тогда они достигли-бы цѣли, плохіе по поведѣнію, хотя-бы даже безнравственные, за то отчаянные въ бою, дерутся отлично. Такая одна дивизія стоила-бы цѣлой сербской арміи. Если-же смотрѣть какъ на элементъ, долженствующій въ смыслѣ дисциплины принести пользу для милиціонной арміи — организовать ее, то въ такомъ случаѣ ихъ прислано очень много, больше чѣмъ нужно, дурныхъ и не способ-

ныхъ, лучше-бы на половину меньше, но людей порядочныхъ, и какъ офицеровъ — дѣльныхъ: тогда тоже цѣль была-бы достигнута, а теперь вышло ни то, ни се, что-то очень скверное, компрометирующее вообще добровольцевъ.

Развѣ можно было не согласиться въ принципѣ съ такими мнѣніями? — Конечно нѣтъ, — какую-же пользу приносили наши волонтеры въ Сербіи? — какъ отважные и храбрые солдаты въ бою — громадную, — но для этого ихъ было слишкомъ мало; для организации-же молодой не обученной арміи — никакой, — для этой цѣли ихъ было много, но съ дурными началами и не способныхъ. Людей, способныхъ быть организаторами, примѣнившихся къ мѣстнымъ условіямъ, требованіямъ и средствамъ, которыми достигалась-бы цѣль — организациа арміи — было здѣсь такъ мало, что истинное стремленіе этихъ лицъ принести собою существенную пользу войску, не могло увѣнчаться успѣхомъ — они оказывались безсильными борцами предвзятой идеи, въ средѣ идущей въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями и взглядами на вопросъ. И такъ, если признать даже ничтожную долю пользы, приносимую отдѣльными единицами, то нужно не упустить изъ виду и то, что эти единицы явились сюда, за малымъ исключеніемъ, сами, безъ всякой инициативы и содѣйствія славянскаго комитета, который посланными отъ себя волонтерами въ Сербію, такъ сказать посланной туда испорченной, требующей столько-же руководителей, массой — не принесъ пользы вовсе. — Теперь вернусь въ столовую.

— Каковъ результатъ дня интересно? спросилъ я у Меженинова.

— Пока перевѣсъ успѣха на сторонѣ турокъ; увидимъ чѣмъ завтра кончится, отвѣтилъ онъ политично.

— Говорятъ, что баталіонъ Чернаева и отрядъ Коновницына разбиты окончательно — убыль на половину.

— Не удивительно, когда имъ безъ поддержки пришлось отстаивать не по силамъ позицію; подъ вечеръ весь огонь непріа-

теля направленъ былъ исключительно противъ нихъ, поддерживавшихъ криветскую позицію.

— Да, смотришь и не понимаешь къ чему поведетъ все это. Слишкомъ неравная борьба, чтобы надѣяться на благоприятный исходъ; если-бы еще сербскія войска поддерживали волонтеровъ и стойче держались въ огнѣ, тогда дѣло другое — можно-бы ожидать успѣха, а съ горстью добровольцевъ что подѣлаешь — ничего, несомнѣнно.

— Вообще тутъ, батюшка, гордіевъ узелъ, къ чему не коснитесь; сербы трусы, воевать не желаютъ — добровольцы храбры, дерутся отчаянно, гибнуть на половину, но держутся — не уступаютъ, — армія не организована и ошибокъ масса. — Не гордіевъ-ли это узелъ, — который и распутать-то трудно, посудите.

— Погодите, не распутывайте, авось самъ развяжется къ лучшему.

— Дай-то Богъ, я отъ души-бы порадовался такому исходу.

— Однако господа нѣтъ того общества, которое-бы не расходилось — пора и по домамъ, спокойной вамъ ночи.

За начальствомъ разошлись и остальные, — счастливы вѣдь эти остальные: каждый ушелъ въ свой уголокъ, а я то въ часъ ночи и проливной дождь, съ расчетами попасть куда нибудь — въ курьезномъ вѣдь положеніи, не правда-ли? Впрочемъ, что-же я — надежда еще есть, — а это развѣ не уютный уголокъ, для человѣка въ десять разъ худшемъ, чѣмъ я положеніи? Тутъ-же, возлѣ штаба, менѣе чѣмъ въ полуверстѣ, въ прежней (до войны) гостиницѣ, помѣщался перевязочный пунктъ, вѣрнѣе канцелярія главнаго доктора и маленькая аптека, служившая временнымъ пристанищемъ для исключительныхъ больныхъ, почему либо не попавшихъ въ госпиталь, или легко раненыхъ, требующихъ лишь нѣсколькихъ перевязокъ до окончательнаго выздоровленія, а такихъ было немало — при мнѣ ни одного. Всѣ же раненые на позиціяхъ перевязывались тамъ-же и на подводахъ перевозились — тяжело ране-

ные, въ ближайшіе лазареты, а легко, въ Бѣлградъ. Вотъ на этотъ-то перевязочный, съ надеждой на уголокъ, теперь я и направлялъ свои шаги. Тутъ я засталъ лишь одного фельдшера, исполняющаго теперь обязанности доктора, такъ сказать, самовластного распорядителя на перевязочномъ по случаю отсутствующаго начальства, который позволилъ мнѣ прилечь на свободной койкѣ въ канцеляріи. Въ комнатѣ оказалось до того холодно и сыро, что раздѣваться было лишнимъ, да и до того-ли; довольно уже роскоши, что послѣ двухъ-недѣльнаго скитанія на бивуакѣ, попалъ въ комнату, да еще на кровать — и то ночлегъ роскошный; — я легъ не раздѣваясь и проспалъ всю ночь какъ нельзя лучше.

Проснувшись довольно рано, слышу, такая-же кононада, но артиллерійская, ружейные выстрѣлы не доносились, хотя понятно почему — вѣтеръ дулъ въ противную сторону. И охота-же мнѣ было привыкать къ чаю, кофе, или закусѣ по утрамъ; теперь вотъ всталъ и чаю захотѣлось, а еще больше закусить-бы что нибудь; вѣдь вчера-то цѣлый день на пищѣ св. Антонія, — да, всѣ эти привычки скверны, не будь ихъ, ничего-бы и не хотѣлось.

Недовольный собою, а еще больше своими несносными привычками, я отправился въ эскадронъ, предполагая тамъ застать вернувшихся изъ экспедиціи экземпляровъ и узнать кое что, хотя не упускалъ изъ виду, что они въ роли охотниковъ не много правды скажутъ — приврутъ съ излишкомъ: ну да вѣдь найдется доля и правды — пойду. Прихожу — семья на лицо.

— Ну что, вернулись наши герои съ позиціи?

— Вернулись, идите послушайте-ка ихъ рассказы, каковы — подъ пулями и гранатами, говорятъ, все время стояли, а Мергинъ привезъ въ доказательство дистанціонную трубку отъ турецкой гранаты, на лету будто-бы имъ пойманную. Не правда-ли интересныя новости!

— Полноте! не ужели-же онъ серьезно это доказываетъ?

— Пойдите спросите у него, убѣдитесь — серьезно-ли.

Я не прочь былъ послушать такіе рассказы самого экземпляра и отправился въ смежный баракъ, занимаемый виновникомъ не бывалой ловкости и остальными офицерами.

— А, здравствуйте, ну какъ вамъ тутъ жилось? спросилъ меня экземпляръ, съ набитымъ ртомъ какой-то провизіей и большой, какъ видно бараньей, костью въ рукахъ.

— Мнѣ-то ничего, а вамъ какъ — расскажите.

— Намъ батюшка жутко приходилось — могу сказать, подъ дождемъ пуль и гранатъ все время, хорошо, что счастливо отдѣлался контузіей въ правую ногу. Вотъ вамъ, смотрите, на лету поймалъ, — не правда-ли молодцомъ! соваль онъ мнѣ въ руки мѣдную трубку отъ гранаты.

— Ну да и врите-же безцеремонно, милѣйшій, просто совѣстно за васъ, какъ это вы могли на лету словить трубку, имѣющую силу той-же пули, на меньшемъ лишь разстояніи. — Найдти — я понимаю, но словить — вещь невозможная. Другимъ никому не говорите про свою ловкость, а то сдѣлаетесь предметомъ общаго смѣха и остротъ.

— Да вы, я вижу, серьезно убѣждены, что это неправда, не хвастаю-же я передъ вами изъ желанія порисоваться.

— Мало того, что убѣжденъ въ невѣроятности вашего рассказа, но удивляюсь, за кого вы меня считаете, надѣясь, что я ему повѣрю, не за ребенка-ли.

— Странно однако, что вамъ такія простыя вещи кажутся чѣмъ-то особеннымъ, даже невозможнымъ.

— Ну, эти простыя вещи оставимъ, а вотъ расскажите намъ что нибудь правдоподобнѣе — чѣмъ вы отличались въ штабѣ? или гдѣ тамъ вы были — не знаю.

— Отсюда мы отправились прямо на Кровать въ главную квартиру, гдѣ заявили главнокомандующему, что желаемъ быть полезными, насъ и отправили въ распоряженіе начальника позиціи капитана Млешера. Но у него мы оставались недолго, — лошади

заупрямились и не пошли по одиночѣ, почему и приказаній не возможно было исполнить; „поѣзжайте, говорить намъ Млешеръ, господа, куда хотите, мнѣ вы пользы не принесете“, тогда-то мы и отправились въ переднюю линію, самую опасную; огонь страшный былъ въ это время, — сначала я, знаете, какъ будто-бы и струсилъ, — такъ двѣ-три минуты только, а послѣ какъ ни въ чемъ не бывало, все время прехладнокровно, съ какой-то особенной храбростью смотрѣлъ на эту сцену; такъ минутъ десять просто-ялъ безмолвно, только слышу — свистить что-то ужасно, какъ-бы ко мнѣ приближается — я знаете, машинально протянулъ руку и въ это самое время! чувствую что-то холодное коснулось ладони, которую отъ не ожидавшаго прикосновенія, сильно сжалъ съ этимъ холоднымъ; думалъ пуля на излетѣ, смотрю — нѣтъ, послѣ уже артиллеристъ мнѣ сказалъ, что это трубка отъ турецкой гранаты. Вотъ, батюшка, какіе виды видывали, я ее спрячу на память своего участія, въ дѣлѣ 8-го октября.

— Опять вы завели рѣчь о своей трубкѣ, и какъ это вы не стѣсняетесь рассказывать подобные пустяки — не понимаю.

— Совсе не пустяки, а истина, напрасно вы позволяете себѣ подшучивать надо мною, я имѣлъ уже изъ за этого непріятную исторію съ однимъ офицеромъ въ штабѣ, не хотите-ли что-бы и съ вами тоже повторилось!

— Успокойтесь, со мною ничего не повторится, тѣмъ болѣе, что это зависитъ отъ меня-же, я не намѣренъ способствовать другимъ исторіямъ, какъ только тѣмъ, что всегда, когда угодно, слушаю хотя вотъ этотъ рассказъ, опровергну его и докажу, что пересказываете не истину, а выдуманную фантазію, которую трудно и понять иначе.

— Пушкинъ, съ которымъ я имѣлъ изъ за этого исторію, тоже доказывалъ, что говорю не правду, но будетъ-же онъ меня и помнить — не забудетъ.

— Помнить-то что-же будетъ, расскажите, я вѣдь тоже не забуду про вашу ловкость.

— Я турнулъ его при всемъ штабѣ и внушилъ, что шутить не позволю, и съ каждымъ готовъ поступить такъ-же, кто будетъ дѣлать подобныя намеки, — даже съ вами, милостивый государь, не задумаюсь! вскрикнулъ онъ на меня грозно.

— Напрасно вы кричите и кипятитесь — лучше похладнокровнѣе, согласитесь со мною, что вашъ рассказъ — одна фантазія, основанная на воображеніи, именно въ то время, когда вы съ замѣчательною храбростію смотрѣли на сцену, во время боя, чѣмъ эти официальности — „милостивый государь“, и тому подобныя громкія фразы.

— Странное дѣло, согласиться съ вами, когда я убѣжденъ въ противномъ, — это мнѣ нравится!

— Въ такомъ случаѣ, вы вѣрно не оставите свою специальность, могущую спасти многимъ жизнь — отправитесь и сегодня на позицію съ той-же цѣлью.

— Да, вотъ подкрѣплю не много силы и отправлюсь.

— Вы не ограничивайтесь однѣми трубками, этимъ не достигнете такой пользы, какъ если приблизитесь къ турецкимъ батареямъ и займетесь ловлей гранатъ, какъ вамъ извѣстно, существенно вредныхъ для арміи, причиняющихъ опустошеніе при удачномъ паденіи и разрывѣ?

— Вотъ совѣтъ хорошій — гранаты ловить, — это какимъ-же образомъ?

— Такимъ-же, какимъ и трубки.

— Граната вѣдь убьетъ навѣрное, если задѣнетъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому, что сила ужасная и при томъ она большая!

— Безспорно, больше трубки, но изъ предосторожности одѣньте толстыя перчатки — онѣ предохранятъ силу удара гранаты, вѣдь и трубка — та-же пуля, которую вы однако словили — на лету-же.

— Вотъ она, смотрите, трубка-то!

— Ну, значить и гранату словите, если одѣнете перчатки; голыми руками трудно, можно пострадать, а въ перчаткахъ при вашей ловкости—нисколько. Одно, что непріятно—подвергать себя тысячамъ непріятельскихъ выстрѣловъ безъ особенной необходимости.

— Да вы бы заявили главнокомандующему о своей способности, по крайней мѣрѣ не прошло-бы безслѣдно, наградили-бы васъ „таковымъ“. Что, и сегодня отправляетесь на позицію? спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Сказалъ вѣдь уже разъ, что ѣду, чего-бы кажется снова спрашивать! съ досадой отвѣтилъ экземпляръ.

— Я первый разъ у васъ спрашиваю, поѣдете-ли, а до того не знаю кому вамъ приходилось отвѣчать на такой-же вопросъ. Гдѣ-же вашъ вчерашній компаніонъ—козакъ?

— Мы съ нимъ были не долго вмѣстѣ, скоро разъѣхались; онъ отправился на поиски за черкесской лошадыю, которую вѣроятно и увелъ, потому что сегодня видѣли его гарцующаго на сѣромъ конѣ тутъ уже, въ Делиградѣ.

— А эскадронную-то, на которой уѣхалъ отсюда, куда дѣвалъ?

— Сдалъ, говорятъ, обратно еще ночью вѣстовому.

— Смотрите, не у своихъ ли онъ у кого нибудь изъ раненыхъ ее отнял; артистъ вѣдь безукоризненный какъ видно, и козакомъ-то онъ, кажется, назвалъ себя ради того лишь, что бурку носить, подъ которой, какъ мнѣ кажется, скрывается темнѣйшая личность, готовая на все изъ за денегъ.

— Въ душу заглянуть трудно, а на видъ-то онъ подозрительный, это правда.

— Ну, до свиданья! я пойду въ штабъ.

— Сегодня для насъ обѣдъ готовить, не прозѣвайте.

— Нѣтъ ужъ спасибо! пусть лучше вамъ больше останется, а я въ какой нибудь кафанѣ напитаюсь.

— Гдѣ вы ночевали, скажите?

— На перевязочномъ пунктѣ въ штабѣ, съ комфортомъ, батюшка, на кровати; если пустятъ, то и сегодня ночевать буду тамъ-же.

Пальба все еще не прекращалась и весь огонь непріятеля направленъ былъ исключительно противъ Кривета, гдѣ находилась главная квартира. Въ штабѣ все теперь суетилось, бѣгало и рассказывало другъ другу вымышленное и правду. Я направился въ столовую, превратившуюся въ канцелярію временнаго главнокомандующаго—тамъ всѣхъ найдешь, навѣрное.

Тутъ я засталъ Меженинова и нѣсколькихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ въ штабъ съ различными приказаніями отъ главнокомандующаго, которыя отсюда уже передавались по телеграфу нѣкоторымъ начальникамъ позицій, не имѣющимъ прямыхъ сношеній съ главной квартирой. Тутъ былъ и старичекъ полковникъ, тотъ самый дѣдушка, который стѣснялся покинуть армію въ критическомъ положеніи. За мною почти вслѣдъ, вошелъ офицеръ съ докладомъ къ Меженинову (кажется его адъютантъ).

— Александръ Павловичъ, сюда привели плѣннаго турка (низама), не угодно ли вамъ будетъ допросить его, или прикажете отправить въ крѣпость?

— Гдѣ-же онъ?

— Тутъ вотъ, въ корридорѣ.

Мы всѣ съ любопытствомъ вышли поглядѣть на эту добычу, такъ рѣдко и трудно достаемую сербамъ въ руки. Плѣнный низамъ не походилъ на солдата хорошо организованной арміи, а на нищаго цыгана, пойманнаго въ воровствѣ на мѣстѣ преступленія. Въ изорванной, синяго сукна съ красными кантами, курткѣ и такихъ-же панталонахъ широкаго покроя, обутый, какъ и сербы, въ лапти съ повисшими на нихъ промокшими на дождѣ онучами, блѣдный, съ сверкающими кошачьими глазами, злобно улыбающейся фizioноміей, выбритой головой, покрытой пунесовой съ черной кистью феской, стоялъ онъ въ корридорѣ, прижавшись къ стѣнкѣ какъ заяцъ, загнанный сюда множествомъ преслѣдующихъ по слѣ-

дамъ гончихъ, а когда вышелъ къ нему Межениновъ, то угадавъ въ немъ начальника, пользующагося по всей вѣроятности правомъ лишить его плѣннаго даже жизни, вытянулся и приложилъ руку къ фескѣ. Смотря на него, можетъ быть виновника не одной мученической смерти христіанина, овладѣвало какое-то жестокое чувство мести; одно лишь сознание своего христіанскаго превосходства и превышающаго развитія надъ этимъ невѣрующимъ дикимъ животнымъ, смягчало нѣсколько такое чувство, можно сказать опасное въ человѣкѣ съ совѣстью и сознающемъ собственное достоинство. Плѣнный, черезъ переводчика, упрасивалъ полковника Меженинова дѣлать съ нимъ что угодно, только бы не сжечь.

— Скажите ему, что у насъ плѣнныхъ не истязаютъ, а кормятъ, поятъ и держатъ подъ арестомъ и спросите, гдѣ собраны ихъ главныя силы арміи!

Переводчикъ, поболтавъ съ туркомъ, передалъ намъ слѣдующее: „онъ говоритъ, что главныя силы сосредоточены въ Нишѣ, а здѣсь по его мнѣнію вся армія не превышаетъ двадцати пяти тысячнаго корпуса, въ которомъ развились болѣзни; египетскія войска страдаютъ отъ холода и всѣ вообще солдаты боятся зимы; они готовы теперь на все рѣшительно, лишь-бы кончить войну, пока еще не такъ холодно“.

— Это низамъ, кажется, обратился кто-то къ переводчику.

— Да, одинъ изъ представителей лучшаго войска въ турецкой арміи.

— Чѣмъ его разспрашивать безплодно, потому что правды не добьешься, то лучше отведите-ка въ крѣпость и сдайте на руки коменданту, приказалъ Межениновъ.

— Слушаю-съ!

— Какова лисца подлая! умоляетъ не жечь-бы только, знаетъ, что не совѣмъ вкусно, а нашихъ раненыхъ первымъ дѣломъ на костеръ тащутъ, вопило офицерство.

— Жестокость неотъемлемая черта всѣхъ трусовъ, это доказано.

Въ комнату одинъ за другимъ безпрестанно входили офицеры съ различными донесеніями и приказаніями изъ главной квартиры. Вскорѣ прискакалъ офицеръ съ приказаніемъ отъ главнокомандующаго сообщить начальнику бобовиштской позиціи его распоряженіе, произвести демонстрацію (ложное нападеніе), избѣгая вступать въ серьезное дѣло, съ цѣлью отвлечь непріятеля отъ Кривета, на который атака направлена съ усиліемъ. Такое приказаніе ясно доказывало, что на Криветѣ плохо и въ случаѣ демонстрація не удастся, то ему не удержаться.

— Александръ Павловичъ, привезли раненаго офицера съ прострѣленной рукой, совсѣмъ нагаго, даже безъ рубашки и со вчерашняго сраженія безъ перевязки, куда его дѣвать прикажете? спросилъ вѣбжавшій офицеръ.

— Отвезите его сію минуту на перевязочный, приказалъ взволнованнымъ голосомъ Межениновъ.

— На какой прикажете, Александръ Павловичъ? потому что тутъ въ штабѣ нѣтъ ни одного доктора.

— Неужели ни одного! одинъ-то вѣдь долженъ находиться безотлучно.

— Всѣ на позиціи, тутъ никто не остался.

— Все равно, свезите его сейчасъ-же на перевязочный, который тутъ въ штабѣ и передайте приказаніе отъ моего имени дежурному фельдшеру сдѣлать перевязку и помѣстить раненаго въ отдѣльную комнату, хотя-бы даже въ канцелярію, если не окажется другаго помѣщенія. А вы (обратился онъ къ адъютанту), поѣзжайте ко мнѣ въ баракъ, выньте изъ чемодана двѣ перемѣны бѣлья и нате вотъ три наполеондора, все это передайте раненому, только не медлите, по скорѣе! закончилъ онъ со слезами.

Видно было, что этотъ человѣкъ изъ состраданія и истиннаго сочувствія къ постигшей участи раненаго офицера, страдаетъ самъ въ душѣ, что готовъ сдѣлать все возможное, только-бы помочь его горю. Что это честнѣйшая и благороднѣйшая личность, достойная

всеобщаго уваженія и любви. Да и слава Тебѣ, Господи, что эта личность представительница теперь русскихъ за границей своего государства, больше всѣхъ здѣсь вліявшая на нашихъ волонтеровъ, была именно такою.

Вѣтеръ стихъ, а перестрѣлка все еще продолжалась, тотъ-же грохотъ орудій, перекатывающеся въ ущельяхъ эхо ружейныхъ выстрѣловъ, объятые пламя пылающихъ шанцевъ, занятыхъ турками и общая суета, какъ-бы предвѣщали скорую развязку затѣянной не кстати неравной борьбы, обогрившей потоками славянской крови поля безплодныхъ сраженій.

Такъ уже около пяти часовъ по полудни донеслись слухи, что нашего сапернаго офицера Ярмолинскаго, пытавшагося поджечь турецкій пороховой погребъ, взяли въ плѣнъ. Конечно, нельзя было предвидѣть для него снисхожденія турокъ, подвергшихъ по всей вѣроятности (какъ это впоследствии и оказалось) несчастную свою жертву той-же заурядной мученической смерти.

— Жаль его бѣднягу, попался этимъ разбойникамъ, отозвался одинъ изъ офицеровъ.

— Да, ужъ не пощаждать, въ особенности въ этомъ случаѣ.

Много въ эти два дня пролито было славянской крови, много стоновъ безпомощныхъ раненыхъ русскихъ, не имѣющихъ дукатовъ заплатить сербамъ за вырчку, много сиротъ осталось въ Россіи безъ всякихъ средствъ къ жизни, а между тѣмъ такъ мало — почти нѣтъ вовсе пользы и успѣха. Охъ, какъ грустно быть свидѣтелемъ такихъ плачевныхъ событій!

Къ вечеру все стихло. Но штабъ не возвращался съ позиціи — видно не всему еще конецъ. Я отправился ночевать въ присвоенную квартиру на перевязочномъ пунктѣ. Здѣсь на носилкахъ, въ первой комнатѣ, лежалъ тотъ самый несчастный изнуренный раненый, котораго, благодаря Меженинову, перевязали и переложили въ чистое бѣлье — вѣрнѣе нагаго одѣли въ бѣлье. — Онъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

Усталъ должно быть не на шутку бѣдняга, когда спать не ощущая боли. Я тоже усталъ не меньше — не физически, а морально и въ той-же комнатѣ легъ, предавшись окончательно одолѣвшему сну.

Результатъ боя. — Замѣна себя другимъ. — Не чѣмъ стрѣлять и уловки сербовъ. — Непризнанная заслуга. — Дуэль безъ оружія. — Безъ Такова не ловко и въ Россію. — Хочу уѣхать. — Дохтуровъ. — Оригинальный аптекарь. — Не хотятъ драться черногорцы. — Доктора возмутились. — Примѣрный пастырь. Перечень штаба. — Отказавшійся ординарецъ.

9-го октября съ самого утра возобновилась сильная перестрѣлка. Турки овладѣвъ уже Шильеговцемъ и Креветомъ, обратили огонь исключительно на Дюнишъ, мѣшающій имъ прорваться въ Моравскую долину, способствующую занять позицію и обстрѣливать Делиградъ. Эти грустные вѣсти разнеслись по всему Делиграду, смутивъ испуганное населеніе не знающее, что дѣлать и куда дѣваться, въ случаѣ сдачи Дюниша — вѣдь если непріятель займетъ эту позицію, то что ему помѣшаетъ обстрѣливать мѣстность и куда-же уходить въ такомъ случаѣ?

Такой былъ результатъ двухдневнаго сраженія, по почину турокъ и газетныхъ героев, отступившихъ на всей линіи (поспѣшно бѣжавшихъ) — трусливыхъ сербовъ.

Въ штабѣ я узналъ, что Межениновъ назначенъ на Дюнишъ руководить боемъ до конца, а самъ главнокомандующій возвращается къ 4-мъ часамъ въ Делиградъ. Маіоръ-интендантъ, который сообщилъ мнѣ это, былъ ужасно занятъ пріемомъ полушубковъ и обуви, присланныхъ отъ Московскаго комитета.

— Скажите маіоръ пожалуйста, почему-же Черняевъ не остается на позиціи до конца? спросилъ я у него съ любопытствомъ.

— Да зачѣмъ-же? сегодня уже третій день боя, вѣрнѣе, что къ вечеру все кончится, его присутствіе теперь (когда все уже взято) не особенно нужно на позиціи, а здѣсь ожидаетъ не распечатанная почта за два дня.

— Вы конечно знаете что Шильеговацъ и Креветъ уже не наши?

— Знаю; да въ сущности было-бы страннымъ, если-бы эти позиціи остались въ нашихъ рукахъ, отвѣтилъ онъ увѣренно.

— Почему-же страннымъ, мнѣ кажется что теперь страннѣе уступивъ ихъ непріятелю!

— Вамъ извѣстно-ли, что вчера въ нѣкоторыхъ шанцахъ на Креветѣ не доставало патроновъ у солдатъ и потому лишь сдавались безъ боя, а при такомъ порядкѣ конечно было бы страннымъ, если-бы Креветомъ мы владѣли. Непріятель пулями сыплетъ какъ градомъ, а у нашихъ патроновъ нѣтъ, или есть да не той системы, въ ружья не входятъ—стрѣляй чѣмъ хочешь.

— Патроны-то рѣдко выходятъ, но сербы зачастую, желая найти предлогъ удрать натрагъ, разбрасываютъ ихъ по кустамъ и заявляютъ, что не чѣмъ стрѣлять больше. Такихъ случаевъ было много, которые и теперь могли повториться.

— Тѣмъ болѣе, съ такимъ народомъ, что вы подѣлаете, безъ всякой дисциплины! я вамъ лучше явленія расскажу.—Вчера я встрѣтилъ одного раненаго капитана на позиціи, который съ ожесточеніемъ рассказывалъ мнѣ, что раненъ подъ Креветомъ своей пулей. Какъ-же это вы умудрились? спрашиваю, „подгонялъ, говоритъ этихъ трусишекъ напредъ, пока не пустили въ меня нѣсколько пуль, одна вотъ и попала въ ногу,“ я бы ему пожалуй не повѣрилъ, но мнѣ другіе говорили, что онъ раненъ до дѣла. Ну, какъ вы скажете объ этомъ—а?...

— Я бы ихъ вѣшалъ тамъ-же,—что тутъ больше скажешь.

— Вотъ подите-же, воюйте какъ хотите съ такимъ войскомъ. Турки трусы, имъ-бы давнымъ давно можно быть въ Бѣлградѣ, нужно удивляться ихъ глупости, заключилъ маіоръ-интендантъ.

Пальба какъ-бы стихла — не пауза-ли это передъ погромомъ уже окончательнымъ? Потолковавъ еще кое о чемъ съ маіоромъ, мы разошлись — онъ по интендантскимъ складамъ на ревизію — а я въ эскадронъ.

Тутъ я засталъ всю семью въ сборѣ — не было только одного экземпляра, мнимаго козака, отправившагося за черкесской лошадыю; — онъ по слухамъ попался въ воровствѣ — не черкесской, а своей, — ну да мы, впрочемъ, такъ и предугадывали — въ чемъ не ошиблись.

Бывшій мой начальникъ — командиръ несуществующаго эскадрона подполковникъ Штосманъ, состоявшій эти дни при главной квартирѣ подъ градомъ непріятельскихъ пуль и вернувшійся теперь къ счастью здоровымъ и невредимымъ съ данными на получение „такова“ — тоже былъ на лицо.

— Здравствуйте, подполковникъ, ну какъ ваше здоровье — не ранены-ли? Вамъ вѣдь жутко кажется приходилось?

— Здоровъ слава Богу — ничего, а думалъ-то что не отдѣлаюсь счастливо. У насъ тамъ, батюшка, катали не на шутку — какъ градомъ сыпали, куда не повернешься всюду пули свищутъ!

— Да гдѣ-же возлѣ васъ свистать-то они могли — скажите, вѣдь вы же были при главной квартирѣ на Креветѣ, находящейся внѣ выстрѣловъ, а въ ней если и свистали, то ужъ ни какъ не пули — скорѣе люди или птички. Для краснаго слова вѣдь сказали — сознайтесь, а на дѣлѣ-то первымъ дѣломъ благоразуміе — въ кусты, заурядъ съ другими, ради безопасности.

— Ну нѣтъ-съ, это не по вашей-ли части такое благоразуміе, а мы впереди-съ!

— Такъ и видно, что вы были при штабѣ, защищаете свою храбрость. Чего тамъ скрывать, извѣстно всѣмъ и каждому, что разбили насъ въ пухъ, Шильеговацъ и Креветъ взяты.

— Я ничего не защищаю, а говорю лишь про себя лично, что судя по совѣсти, я неотъемлемо заслужилъ награду.

— Объ этомъ нѣтъ рѣчи, я вѣдь не знаю всего, что вы тамъ хорошаго сдѣлали; знаю только то, что вы состояли при главной квартирѣ, не въ качествѣ прикомандированнаго, а такъ, пріѣхали на Кресты, ну и состояли, чего конечно нельзя считать еще большой заслугой. Какъ по вашему, — правда вѣдь? Мезгинъ, тотъ особая статья, заслужилъ несомнѣнно самую щедрую награду.

— А онъ то за что?

— Вы-то, состоящій при главномъ начальствѣ не знаете, за что, за то что налету ловилъ дистанціонныя трубки отъ турецкихъ гранатъ, а вчера, по моему совѣту, кажется и гранату поймалъ.

— Неужели онъ и вамъ эти подвиги рассказывалъ?

— Да еще какъ убѣдительно увѣрялъ, что правда.

— Онъ представьте, явился къ намъ въ главную квартиру, во время завтрака и пошелъ увѣрять всѣхъ и каждого, что поймалъ нѣсколько гранатныхъ трубокъ налету и что въ ногу контуженъ, хотѣлъ даже раздѣться, показать, но Пушкинъ остановилъ его довольно рѣзко. „Врете вы, говорить, безсовѣстно и думаете, что вамъ повѣрять!“

— Чѣмъ-же онъ ему отвѣтилъ?

— Ни чѣмъ, какъ воды въ ротъ набралъ. Послѣ уже началъ увѣрять, что онъ офицеръ съ раной. Но и тутъ Пушкинъ не смолчалъ: „жаль, говорить, что рана-то у васъ ужъ очень опасная, неизлѣчимая — глупость, отъ которой лекарствъ неимѣется. А вотъ, если вы такой храбрый, то докажите на дѣлѣ: — пойдемте со мною въ переднюю линію, куда меня генераль посылаетъ съ приказаніемъ, — тамъ и пробудемъ часокъ подъ пулями съ условіемъ, что кто прежде струситъ — удереть, тотъ впоследствии получить пятьдесятъ нагаекъ“, — не пошелъ-же.

— И не обидѣлся?

— Ни чуть, какъ будто не къ нему и относилось.

— Хорошъ, а хвастаетъ что храбрый.

— Вотъ и онъ, легкій на поминъ! Ну что, много-ли гранатъ поймали? спросилъ офицеръ у вошедшаго въ баракъ экземпляра.

— Я, батюшка, чуть къ туркамъ не попалъ, заѣхалъ чертъ знаетъ какъ далеко. Пока ѣхалъ въ свитъ—ничего, а послѣ отсталъ, забрелъ на турецкую сторону, — едва удралъ.

— Въ какой свитъ?

— Да въ черняевской.

— Онъ развѣ вернулся уже съ позиціи?

— Да вотъ недавно только пріѣхалъ.

— Кому-же онъ поручилъ до конца руководить боемъ?

— Меженинову, который остался за главнокомандующаго на позиціи.

— А мы тутъ все толкуемъ про вашу ловкость по части ловли гранатныхъ трубокъ.

— Вотъ они, смотрите, вчера цѣлыхъ три словилъ!

— Напрасно Пушкину не показали, онъ-бы исполнилъ свое обѣщаніе.

— Какое?

— Развѣ вы не помните, въ штабъ-то онъ вамъ сказалъ, что нагайкой отдуеть, если струсите въ передней линіи, а въ сущности это вѣдь была придирка изъ за вашихъ разсказовъ, о своей храбрости.

— Онъ мнѣ это сказалъ,—да никогда... я бы его уничтожилъ!

— Вотъ еще, станете притворяться, не я одинъ слышалъ, а все, кто былъ тамъ. Вы даже и не отвѣтили ничѣмъ,—преспокойно смолчали—теперь вотъ за глаза горячитесь.

— Да вы меня, батюшка, не знаете, если говорите такія вещи, я ужасно горячій.

— Не смѣю спорить, какой вы, слишкомъ мало для этого васъ знаю, но знаю, что Пушкину вы смолчали.

— Вѣрно я не дослышалъ, иначе ему-бы даромъ не прошло.

— Отлично слышали, когда вы даже приняли его предложёніе отправиться въ переднюю линію, испытать вашу храбрость, куда однако не пошли-же.

— Я не слышалъ-же, поймите, а если, какъ вы говорите, такъ было сказано, то я сейчасъ-же пошлю къ нему секундантовъ! закричалъ экземпляръ.

— Вотъ теперь-то ужъ совсѣмъ поздно. Во первыхъ, вы кругомъ виноваты, хвастая невозможными подвигами, это не по офицерски, а во вторыхъ, Пушкинъ изъ за этого драться съ вами не будетъ, — обратить въ шутку и посмѣется надъ вашимъ вызовомъ, лучше останьтесь при убѣжденіи, что не дослышали.

— Нѣтъ, я сегодня-же его вызову! Вы только не откажитесь, подтвердить его слова въ моемъ присутствіи.

— Съ полною готовностью когда хотите, и не я одинъ, а всѣ бывшіе при этомъ штабные, вамъ тоже скажутъ.

— Хорошо-же, я съ нимъ раздѣляюсь.

— Ну а вы, обратился ко мнѣ командиръ безъ эскадрона, что думаете дѣлать?

— Я беру отпускъ и уѣзжаю въ Бѣлградъ, а если потребуютъ обстоятельства, то даже въ Россію.

— Васъ не отпустить отсюда.

— Это почему-же?

— Потому что война, — нужны люди.

— Въ этомъ случаѣ вы ошибаетесь, здѣсь не война, а бесполезная бойня. Я же лично не командуя ни какой частью, и состоя въ эскадронѣ, сформированномъ лишь на бумагѣ, не приношу пользы для кавалеріи, а болтаться безъ дѣла, спать на холодѣ, голодать и переносить самыя тяжелыя лишения безъ всякой опредѣленной цѣли, мнѣ уже надобно. Кромѣ того у меня есть болѣе серьезныя причины уѣхать отсюда.

— Не знаю какъ вы на это смотрите, но мнѣ кажется, что вернуться въ Россію до окончанія войны, да еще безъ

креста, невозможно, въ обществѣ на такихъ людей будутъ смотрѣть дурно, и я бы пожалуй уѣхалъ, если-бы имѣлъ уже „такова“, а безъ него неловко — скажутъ не воевалъ, а въ кусты прятался.

— Изъ этого я вижу, что вы пріѣхали за „таковымъ“, а я съ другой цѣлью. Мнѣ-бы хотѣлось быть полезнымъ общему дѣлу, что въ настоящее время стало невозможнымъ и я уѣзжаю, вы-же, сознавая тоже самое, остаетесь съ цѣлью дожидаться „такова“, чѣмъ ясно доказываете, что руководитесь желаніемъ, не другимъ при-нести пользу, а извлечь ее для себя лично. Кромѣ того вамъ неловко уѣхать еще и потому, что на кого-же оставите эскадронъ, хотя и несуществующій, но во всякомъ случаѣ вамъ ввѣренный, который нужно кому-нибудь сдать въ порядкѣ.

— Вы, милостивый государь, принимаете ироническій тонъ, за который можете поплатиться, пригрозилъ мнѣ начальникъ.

— Никогда, развѣ по вашему иронія заключается въ правдѣ, вы-же командуете вѣдь эскадрономъ?

— Да.

— Несуществующемъ однако?

— Чтожъ изъ этого?

— Изъ этого то, что я говорю правду, а правда не считается ироніей и поплатиться за нее никакъ ужъ не могу.

— Да вы смѣтаетесь надо мною!

— Совсе нѣтъ и не имѣю на это никакого права. Мнѣ только страннымъ кажется, что вы считаете неловкимъ уѣхать безъ „такова“ отсюда.

— Конечно, въ Россіи безъ „такова“ ничего не подѣлаешь, не создашь себѣ никакого положенія.

— Я не зналъ, для чего вамъ нуженъ „такова“, если для этой именно цѣли, то неошибетесь, въ случаѣ уѣдете въ Россію не дожидаясь, потому что положенія этимъ не создадите: кто дурнымъ пользовался прежде, то по возвращеніи изъ Сербіи съ „та-

ковым“, вряд-ли получить лучшее. Каждый изъ насъ вернется тѣмъ, чѣмъ былъ и раньше; — займетъ тоже положеніе въ свѣтѣ, на которое какъ гражданинъ своего государства и членъ общества заслуживалъ и до отъѣзда.

— Когда-же вы думаете уѣхать?

— Еще не знаю. Сегодня буду просить начальника штаба отпустить меня въ Бѣлградъ. — Вы, подполковникъ, не поѣдете-ли въ штабъ, тогда отправимся вмѣстѣ.

— Хорошо, мнѣ кстати нужно кое за чѣмъ, да тамъ и ночевать останусь.

— Гдѣ-же вы пристроитесь ночевать-то?

— На перевязочномъ пунктѣ, въ канцеляріи.

— Досадно, мнѣ некуда будетъ дѣться, я тамъ помѣщался пока васъ не было, а теперь къ аптекарю придется обращаться — просить пріюта.

— Какъ-нибудь устроитесь, поѣдмете — кола уже готова.

— Захватите и меня съ собою пожалуйста, полковникъ! завопилъ экземпляръ.

— Охота вамъ ѣхать въ штабъ въ такую погоду!

— Я къ Пушкину, объясняться, будетъ онъ меня помнить! горячился экземпляръ.

— Ну садитесь, а только заранѣе предсказываю, что изъ вашего объясненія ничего не выйдетъ, сконфузите себя еще больше. Нужно было во время постоять за себя, а не теперь, когда все забыто, тѣмъ болѣе, что сами-же вы неправы.

— Я ему и теперь задамъ, не беспокойтесь!

— Посмотримъ! не долго ждать.

Мы подъѣхали прямо къ штабу и я, не дожидаясь драматической развязки, отправился къ начальнику штаба проситься въ отпускъ, а мои спутники съ злонамѣренной цѣлью, пошли объясняться къ виновнику кровной обиды.

— Доложите обо мнѣ пожалуйста, обратился я къ встрѣтившемуся въ передней дежурному офицеру (сербу).

— Начальникъ штаба недавно вернулся съ позиціи, усталъ и никого не принимаетъ.

— Мнѣ необходимо его видѣть, потрудитесь передать это.

— Нельзя, онъ не одѣтъ, чай пьетъ въ постели.

— Доложите, можетъ быть приметъ и неодѣтый, упрашивалъ я серба, который наконецъ исполнивъ мое желаніе, вернулся съ приглашеніемъ пожаловать въ пріемную (крошечную комнатку, составляющую всю квартиру боевого начальника). Здѣсь на узкомъ клеенчатомъ диванчикѣ лежалъ полураздѣтый въ пальто Дохтуровъ; вокругъ него сидѣло нѣсколько штабныхъ офицеровъ, занятыхъ разговоромъ съ этимъ умнымъ, дѣльнымъ, храбрымъ и симпатичнымъ своимъ начальникомъ, который при всякой обстановкѣ и обстоятельствахъ умѣлъ расположить въ свою пользу.

— Здравствуйте! извините меня пожалуйста, что я васъ безъ церемоній принимаю, но усталъ ужасно, простите!

— Сдѣлайте милость, полковникъ, я тѣмъ болѣе вамъ благодаренъ, что приняли безъ церемоній.

— Ну что скажете хорошенькаго? я къ вашимъ услугамъ.

— Въ отпускъ, если можно отпустите полковникъ, а то и совсѣмъ, въ случаѣ найдете удобнымъ.

— Главнокомандующій разрѣшилъ уѣзжать всѣмъ, кто пожелаетъ, чему я тоже не препятствую, но думаю, что вы не пожелаете воспользоваться этой льготой.

— Мнѣ, полковникъ, необходимо съѣздить въ Бѣлградъ за деньгами и вещами; я ничего здѣсь не получаю, прожилъ окончательно, къ тому-же погорѣлъ и если прошу разрѣшенія уѣхать, то имѣю на это самыя основательныя и серьезныя причины.

— Вѣрю вамъ, но скажу откровенно, что не желалъ-бы васъ отпускать. Я не дальше какъ вчера содѣйствовалъ отъѣзду пятнадцати офицерамъ и очень радъ, что ихъ отправилъ, но людей

трезвыхъ и порядочныхъ терять непріятно, тѣмъ болѣе теперь, когда, не смотря на общій наплывъ отовсюду, ихъ очень здѣсь мало, какъ вамъ извѣстно.

— Отрадно полковникъ слышать, что вы зачли меня въ число порядочныхъ людей, нужныхъ вамъ въ арміи, но даю честное слово, что ѣхать мнѣ необходимо по многимъ причинамъ и что вернусь непременно, если найду возможнымъ.

— Извольте, я васъ отпускаю на десять дней въ отпускъ, съ условіемъ, что вернетесь обратно, сегодня десятое, кажется, — по двадцатое октября, съ Богомъ. Да послушайте совѣта, бросьте вы кавалерію, здѣсь ее нѣтъ, зачисляйтесь къ Меженинову въ отрядъ когда пріѣдете. До свиданія-же, возвращайтесь!

— Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, полковникъ, которыя если позволятъ, то вернусь во что-бы то ни стало.

— Вотъ вамъ примѣръ обстоятельствъ (остановилъ онъ меня снова), мой управляющій пишетъ изъ имѣнія, что если въ теченіи недѣли не вернусь въ деревню, то имѣніе продадутъ съ молотка; сегодня получилъ второе отъ него письмо, которое даже не распечатываю, потому — чтобы тамъ не случилось, а я до послѣдняго турецкаго выстрѣла не уѣду отсюда, и думаю, что каждому слѣдуетъ такъ поступить.

— Нельзя не согласиться съ вами полковникъ, но бываютъ иногда обстоятельства и причины, не уступить которымъ невозможно.

— Потому то я васъ и увольняю, что допускаю эти обстоятельства и причины. Вотъ вамъ подорожная и уѣзжайте — до свиданія! Пріѣзжайте-же! крикнулъ онъ вслѣдъ мнѣ, уходящему и остановившемуся дослушать фразу начальника.

— Развѣ умру или заболѣю, тогда лишь не пріѣду.

— Если заболѣете, то все-же пріѣзжайте, а умрете, тогда ужъ оставайтесь въ Бѣлградѣ.

Полковникъ Дохтуровъ, нужно отдать справедливость, своимъ умѣньемъ и любезностью способенъ обезоружить самую характерную

личность, заставить согласиться съ собою и быть довольной неожиданнымъ результатомъ. Онъ тѣмъ болѣе достигалъ здѣсь своей цѣли, что какъ офицеръ неустрашимо храбрый, пользовался общимъ расположеніемъ въ арміи. Занимая мѣсто начальника штаба очень короткое время, когда многое уже было потеряно, упущено изъ виду, онъ все-таки оказался дѣльнымъ, не говоря уже о томъ, что какъ человѣка его очень любили. Никто не сравнивалъ его съ Комаровымъ, а судилъ, какъ объ отдѣльномъ цѣломъ, составлявшемъ свѣтило штаба Моравской арміи.

Мнѣ необходимо было ѣхать; деньги всѣ вышли, въ званіи юнкера я содержанія не получалъ, жить на всемъ своемъ, просто нечемъ стало питаться. Войну я считалъ окончательно проигранной и своей личностью не видѣлъ возможности принести существенную пользу дѣлу; лучше заняться наблюдательностью интересныхъ явленій, составить взглядъ на дѣло и воспользоваться собраннымъ матеріаломъ, еще не обработаннымъ. Вернуться-же обратно я считалъ необходимымъ, потому что общалъ.

На перевязочномъ пунктѣ помѣщалась и почтовая станція, куда я теперь отправился заказать лошадей, а то если заранѣе не потребовать, то придется ожидать очень долго. Мнѣ ихъ общали приготовить къ 9-ти часамъ утра. Предстояла забота о послѣднемъ ночлегѣ; куда-же идти — пойду къ аптекарю проситься. Эта личность крайне оригинальная, маленькая, согнутая, бѣлокурая, съ смѣшнымъ выраженіемъ лица, ругающая все и всѣхъ, обращалась очень безцеремонно со всѣми, считая себя незамѣнимой, да и на самомъ дѣлѣ она могла на это разсчитывать болѣе чѣмъ другіе, потому что командировъ лишнихъ было много, а аптекарь — всего одинъ. Онъ теперь занимался приготовленіемъ какого-то лѣкарства.

— Я къ вамъ съ просьбой на счетъ ночлега, не откажите въ покровительствѣ, а то некуда дѣваться.

— Куда-же тутъ! полнехонько батюшка и безъ васъ. Сего-

дня наѣхало докторовъ изъ Россіи человѣкъ десять и всѣ они тутъ ночуютъ. — Бога бойтесь!

— Да я гдѣ нибудь лягу, хотя-бы на полу безъ постели.

— Ей Богу просто досада, всѣ идутъ сюда ночевать, какъ будто бараконъ для этого нѣтъ, что вы хотите аптеку въ казармы превратить? озадачилъ аптекаръ меня сразу.

— Я завтра утромъ уѣзжаю, вотъ почему мнѣ-бы не хотѣлось идти въ эскадронъ, да при томъ и погода, посмотрите, какая, собаку не выгонишь.

— Ради того лишь, что уѣзжаете, позволю ночевать — нечего съ вами дѣлать, устраивайтесь. Вы куда-же, въ Россію?

— Пока въ Бѣлградъ, а тамъ будетъ зависеть отъ обстоятельствъ — уѣду-ли теперь въ Россію, или послѣ.

— Прямехонько батюшка, неоглядываясь, а то здѣсь между этими идеальными господами, вѣчно пьянствующими, придется самому съума сойдти! На каждомъ шагу скандалъ. Ну ужь, наѣхало прелести сражаться за идею — могу сказать.

— Какъ-же мнѣ быть-то съ ночлегомъ скажите? позволяете или убираться?

— Сказалъ-же, что устраивайтесь, Господи! чего-бы казалось спрашивать объ одномъ и томъ-же, чуть-ли не десять разъ. — Да пораньше приходите, а то другіе займутъ мѣсто, тогда не прогнѣвайтесь.

— Не прозѣваю, я тутъ-же! пока буду, рядомъ съ вами, въ канцеляріи доктора — тамъ и вещи оставилъ.

Аптекарь сразу чего-то возмущившись, удивилъ меня рѣзкостью своей фразы:

— Фу ты, мерзость какая!

— Что съ вами? спросилъ я съ удивленіемъ.

— То вотъ, что лекарство изъ-за васъ пролилъ, цѣлый часъ трудился, — составлялъ, теперь вотъ снова неугодно-ли, по вашей милости, радость какая!

— Я-то чему-же тутъ причиною, интересно.

— Протоколъ не прикажите-ли составить и слѣдствіе произвести, кто виновать? есть мнѣ время съ вами объясняться — какъ-же, уходите, а то мѣшаете дѣломъ заниматься.

Я не успѣлъ еще повиноваться волѣ аптекаря, какъ вошелъ въ комнату какой-то офицеръ.

— А вамъ что угодно? спросилъ его аптекарь.

— Нельзя-ли какъ нибудь у васъ пристроиться на сегодня, на позицію далеко, не попадешь въ такую погоду, а въ штабѣ негдѣ — на дворѣ лечь придется, если прогоните.

— Что это вы господа стоворились, не давать мнѣ покоя! не уступить-же мнѣ вамъ свою постель изъ состраданія, здѣсь не казармы, а аптека! завопилъ властитель медикаментовъ.

— Вѣдь я васъ прошу, наконецъ гдѣ-же ночевать — посоветуйте?

— Съ какой стати я буду совѣтовать, — не понимаю, что я обязанъ всякому ночлеги устраивать, ночуйте гдѣ угодно, мнѣ-то какое до васъ дѣло.

— Здѣсь вотъ мнѣ и угодно именно, гдѣ стою, посреди комнаты лягу и буду спать. Куда теперь тащиться въ такую погоду, сами посудите.

— Ну ужъ извините, я сейчасъ доктору доложу, пусть, если онъ согласится, ночуютъ здѣсь всѣ кому вздумается, новости какія, свою постель изъ состраданія, неугодно-ли?

— Да я не останусь, чего вы такъ близко къ сердцу принимаете, подалъ надежду офицеръ.

— Это мнѣ правится, чего близко принимаю, — я думаю, что примешь близко, когда съ постелью приходится разстаться — чего-же ближе!

— Успокойтесь, я ухожу — удобства не лишитесь, уступилъ офицеръ.

— Вот не уютно-ли вамъ съ этими господами сладить, ему говоришь, что здѣсь аптека, а онъ успокаивается, что уйдетъ, какъ будто милость большую дѣлаетъ. — Ахъ Сербія, Сербія, хуже Турціи.

Оставивъ въ покоѣ окончательно возмущеннаго аптекаря, я пошелъ въ канцелярію повидаться съ кѣмъ нибудь изъ докторовъ и собрать свои вещи. Тутъ на бывшей моей койкѣ, лежалъ мужчина съ длинной красивой бородой и весьма симпатичной наружностью, котораго я принялъ за раненаго офицера, и разговорился на эту тему.

— Нѣтъ, я не раненъ, слава Богу, а измученъ окончательно и ногу ушибъ сильно, слѣзая съ повозки, посмотрю, что будетъ завтра, если разболится, то въ парачинскій госпиталь уѣду, — тамъ и другимъ помогу кстати.

— Если не ошибаюсь, вы кажется докторъ? спросилъ я на угадъ.

— Да, только вотъ вернулся съ позиціи. Повѣрите-ли, до того усталъ въ теченіи этихъ двухъ дней на перевязочномъ пунктѣ, что не могу даже думать, соображать, какъ мертвый лежу не чувствуя и не ощущая, получилъ письмо изъ Россіи, извѣщаютъ что матушка скончалась, которая составляла главную мою цѣль въ жизни и это на меня не повліяло, — все та же картина ужасовъ и страданій на перевязочномъ преслѣдуетъ мое воображеніе. О, Господи! вздохнулъ онъ со слезами.

— Можетъ быть я васъ безпокою своимъ присутствіемъ, вы бы уснули?

— Нисколько, спать нѣтъ охоты, а лежать одному скучно, я радъ подѣлиться впечатленіями съ новымъ лицомъ. (Мы назвали другъ другу свои фамиліи).

— Много-ли убитыхъ и раненыхъ? спросилъ я доктора! *)

---

*) Онъ былъ главнымъ врачомъ на перевязочномъ пунктѣ, во время боя на Криветѣ.

— Около двухъ тысячъ вышло изъ строя. Да слава Богу, что не больше, а то погибли-бы безъ помощи, я во всю мою жизнь, сколько приходилось заниматься практикою, видѣть разную обстановку больныхъ, наконецъ быть на перевязочныхъ пунктахъ во франко-прусскую войну, гдѣ десятки тысячъ бывали раненыхъ, ни гдѣ не встрѣчалъ такого безпорядка во всемъ, какъ здѣсь. Здѣшній перевязочный пунктъ на позиціи — это ужасающее зрѣлище, потрясающее челоука съ желѣзными нервами; безпомощно страдающіе раненые, которыхъ нѣкому подобрать и доставить на перевязочный, недостатокъ врачей и хирургическихъ инструментовъ, дѣлать серьезныя операціи, и все это вмѣстѣ взятое заставляетъ призадуматься—гдѣ-же санитарные отдѣлы, высланные изъ Россіи? въ чьихъ карманахъ деньги, пожертвованныя народомъ для этой благой дѣли? Куда дѣвались медики, выѣхавшіе по газетамъ въ Сербію? повѣрите-ли, что если-бы не сестры милосердія, которыя безъ устали работали во все время боя на перевязочномъ, то намъ-бы ничего не подѣлать — ей-Богу. Представьте, накаплиется вдругъ около ста раненыхъ, требующихъ немедленной помощи и серьезныхъ операцій, а насъ всего шесть челоуковъ—дѣлай что хочешь! тяжело раненымъ приходилось по пяти и больше часовъ дожидаться очереди, пока, наконецъ, кому нибудь изъ насъ будетъ время помочь несчастному — не забудьте, что всѣ они стонуть и умоляютъ облегчить страданія, чѣмъ разстраиваютъ здороваго челоука—зрителя этихъ ужасныхъ мученій.

— Скажите, почему-же здѣшнія власти не позаботились о санитарной части? вѣдь это-же первое необходимое условіе въ военное время, отъ котораго въ зависимости очень многое въ арміи?

— Вотъ подите-же, найдите виноватаго, я вамъ говорю, что въ первый разъ въ жизни встрѣчаю подобный произволъ во всемъ и подлости,—по моему здѣсь каждый военный долженъ задаться первымъ вопросомъ передъ сраженіемъ: „что съ нимъ будетъ, когда ранять“, изъ десяти двое, могутъ рассчитывать на вѣрную помощь,

большинство остается неподобраннымъ на жертву туркамъ, или подобраннымъ очень поздно, когда помочь не возможно. На сербскихъ больничаровъ рассчитывать не возможно, потому что они трусятъ и подбираютъ раненыхъ только тамъ, гдѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность, а поближе къ бою ни за что не пойдутъ; пошлете если кого, то вернется и навретъ, что нѣтъ раненыхъ, или совсѣмъ уйдетъ до кучи, а несчастные страдальцы остаются безъ помощи и участія. Мало того, вчера были случаи, что больничары грабили раненыхъ и выносили только за деньги, ихъ-бы безсовѣстныхъ разстрѣливать за это,—просто противно вспомнить!

— Насколько мнѣ извѣстно, то и солдаты сербскіе брали деньги съ офицеровъ за тоже самое.

— Я самъ знаю много такихъ фактовъ; въ сущности сами-же солдаты обязаны выносить своихъ раненыхъ, если нѣтъ подъ рукой больничаровъ.

— Ну да, обязаны.

— Какое-же, когда они вчера съ одного офицера запросили пять дукатовъ, за то, что донесутъ его до перевязочнаго — самъ мнѣ рассказывалъ бѣдняга — говорить, не было пяти, а два съ мелочью, которые и отдасть, лишь-бы спастись — не погибнуть.

— Какъ его фамилія?

— Захотѣли вы фамилію, тамъ не до того, когда сотни стоятъ и просятъ помощи; при такихъ условіяхъ не до представлений!

— Что же онъ тяжело раненъ?

— Въ грудь навyleтъ пулей и въ лѣвую ногу по ниже колѣна съ раздробленіемъ кости — не легко.

— Несчастная жертва! какого же вы докторъ мнѣнія о немъ — будетъ-ли здоровъ?

— Мало надежды, а впрочемъ все бываетъ, можетъ быть и выздоровить. Это зависитъ отъ весьма многихъ условій. Во первыхъ, не откроется-ли послѣ операціи ноги гангрена, что весьма

важно, отъ этого зависить жизнь или смерть, а во вторыхъ, какъ его будутъ лечить? такіе больные требуютъ особенно внимательнаго ухода, можно сказать исключительнаго, а для этого нужно многое, тамъ гдѣ одинъ докторъ въ больницѣ, такой уходъ не возможенъ, наконецъ передвиженіе въ простой телегѣ, хотя бы даже непродолжительное, можетъ имѣть серьезное вліяніе, не говоря о томъ, если ему придется путешествовать тридцать и больше верстъ. Вообще такіе раненые при здѣшней санитарной обстановкѣ подаютъ мало надежды на выздоровленіе. — Не вашу-ли я постель занялъ? спросилъ меня докторъ, замѣтивъ мое движеніе снять свои вещи съ его койки.

— Нѣтъ, не мою, а если-бы и да, то вамъ, больному она нужнѣе — мнѣ послѣднюю ночь не трудно перебиться — завтра уѣзжаю.

— Совсѣмъ уѣзжаете, безвозвратно?

— Еще не знаю, можетъ быть и вернусь.

— Сдѣлаете большую глупость, если вернетесь, уѣзжайте батюшка не оглядываясь — чего тутъ дожидаться, пока турки Делиградомъ овладѣютъ, а добровольцы грабить начнутъ, что неизбѣжно въ будущемъ, имъ ѣсть нечего будетъ, ну и пойдутъ распоряжаться чужимъ имуществомъ. Это естественно!

— Я далъ слово вернуться, развѣ произойдетъ что нибудь особенное со мною, или здѣсь, тогда послушаюсь вашего совѣта.

— И хорошо сдѣлаете, не пожалѣете. Благодарите Бога, что въ дѣло не попали, а то бы изувѣчили навсегда, жизнь была-бы въ тягость себѣ и другимъ. Я отъ души сожалею тѣхъ, кто тяжело раненъ въ Сербіи. Здоровый все таки найдетъ кусокъ хлѣба, а раненому куда дѣваться, не въ славянскій-ли комитетъ? Ну дадутъ единовременно сто — двѣсти рублей, а послѣ куда-же? по міру иди, кромѣ этого ничего не остается.

Личность доктора Ш. мнѣ очень понравилась, онъ говорилъ съ увлеченіемъ, отъ души сожалея объ этихъ несчастныхъ жертвахъ —

именно такъ, какъ можетъ говорить человѣкъ, близко стоящій къ дѣлу, съ душою и сознаниемъ своего долга, по отношенію къ людямъ, въ несчастіѣ, нуждающимся въ немедленной помощи человѣчества.

— Ахъ и вы здѣсь! а я думалъ уѣхали уже, воскликнулъ вошедшій въ комнату и прервавшій нашъ разговоръ бывшій мой начальникъ Ш.

— Не дали лошадей сегодня, а то бы уѣхалъ; завтра уже отправлюсь въ путь.

— Почему-бы вамъ не остаться, начальникъ штаба такъ любезно васъ принялъ, просилъ вернуться, а вы уѣзжаете.

— Чтожъ дѣлать, когда нужно; я завишу отъ обстоятельствъ. Скажите, вы изъ штаба?

— Да, прямо оттуда.

— Ну что, Мезгинъ объяснялся-ли съ Пушкинымъ, чѣмъ это все кончилось?

— Какъ я и говорилъ — кончилось грустнымъ результатомъ для него.

— Какимъ-же?

— Пушкинъ послалъ его къ чертямъ. Чего вы, говорить, пристаёте ко мнѣ съ дуэлью, сами ввали про гранатныя трубки, всё васъ учили, а въ томъ числѣ и я, въ цѣнь не пошли со мной на испытаніе, а теперь дуэль какую-то затѣяли; убирайтесь, а то меня вынудите на что нибудь для васъ болѣе непріятное. Ну онъ и послушался внушительнаго совѣта — сконфуженный уѣхалъ въ эскадронъ. Да и на самомъ дѣлѣ, Пушкину нѣтъ основанія принимать дуэль — изъ-за чего-же?

— Я самъ того мнѣнія. Мезгинъ, по моему, пустой фатишка: леталъ какъ угорѣлый по позиціямъ, совался куда не слѣдовало вовсе, вралъ неопозволительно, а послѣ дуэль затѣялъ, которая ни что иное, какъ низкій фокусъ въ этомъ случаѣ, недостойный порядочнаго человѣка. Офицеръ кричащій про свою храбрость, утверждающій, что подъ пулями очень хладнокровенъ и лѣзущій на глаза начальству,

достоенъ одного порицанія, а съ такимъ офицеромъ драться на дуэли оскорбительно.

— Онъ не вамъ одному, а многимъ здѣсь надоѣлъ хвастовствомъ о своей храбрости; всюду кричить, что онъ русскій офицеръ, не снесетъ обиду, а когда общаются вздуть его нагайкой, то молчить и отпѣкивается, что не слышалъ ничего подобнаго — вообще противная личность.

Простившись съ докторомъ и бывшимъ начальникомъ, я собрался уже уходить, какъ въ комнату вошелъ средняго роста смуглый мужчина съ черной окладистой бородой, одѣтый въ сербскую военную форму съ воткнутымъ за поясъ ятаганомъ и не хотя поклонившись присутствующимъ, подошелъ къ больному доктору.

— Здравствуйте! что это вы хворать вздумали не во время, когда другимъ помогать нужно, заговорилъ вошедшій звучнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я усталъ ужасно, да притомъ и нога разболѣлась — а вы къ намъ откуда?

— Прямо съ позиціи, съ неутѣшительнымъ заявленіемъ къ главнокомандующему.

— Какимъ это?

— Отъ черногорцевъ, которые уполномочили меня передать Черяеву, что если имъ завтра-же не выдадутъ обѣщанныхъ пулшубковъ, то они отказываются драться, — всё уйдутъ до кучи и правы, сами посудите, всемъ другимъ даютъ пулшубки, теплые шинели, — хотя-бы русскимъ, а имъ ничего — никакого вниманія, такъ голодными, холодными, полуодѣтыми, драться безконечно — поневолѣ откажутся.

— Неужели отказались? удивленно спросилъ докторъ.

— Я съ тѣмъ и пріѣхалъ, что-бы передать ихъ заявленіе. Сами скажите, правы-ли они, которыхъ я цѣлую недѣлю успокаиваю одними обѣщаніями; нѣсколько разъ говорилъ помощнику начальника штаба, онъ тоже завтраками кор-

мить, и изъ всего этого ничего не выходить. Тѣ и безъ того возмущены трусостью сербовъ,—сказали, что въ рукопашную съ турками сходитья не будутъ, а тутъ еще наготу прикрыть нечемъ — погибай на холодѣ.

— Почему-же въ рукопашную не хотятъ сходиться?

— Да потому, что они рискуютъ быть отрѣзанными безъ подкрѣпленія и уничтоженными непріателемъ до одного.

— Вѣдь посылають-же сербовъ въ подкрѣпленіе—не однихъ ихъ оставляють въ боѣ?

— То-то, что однихъ, — сербское подкрѣпленіе, чуть дѣло дойдетъ до рукопашной—натрагъ безъ оглядки; имъ и приходится тремъ стамъ человѣкамъ бороться чуть-ли не съ цѣлымъ турецкимъ корпусомъ; понятно, одно остается—уступить силѣ.

— Лучше-бы имъ русскихъ давали въ подкрѣпленіе, чѣмъ этихъ трусовъ.

— Они такъ и сказали, что не пойдутъ въ рукопашную, иначе, какъ съ русскими.

— Вы, какъ докторъ, обязаны вникать въ нужды своего отряда, да еще уполномоченный, не стѣняясь передайте ихъ заявленіе главнокомандующему, которому, я думаю, мало объ этомъ извѣстно. Экой адѣсь безпорядокъ, ей Богу, — куда не посмотри, всюду темно и грязно.

— Какое тамъ стѣняться! я передамъ все буквально, а то они и на меня накинутся; съ черногорцами, какъ вамъ извѣстно, шутки плохи. *)

Еще не окончили мы разговоръ съ черногорскимъ уполномоченнымъ, какъ дверь настежъ распахнулась и въ комнату вбѣжалъ знакомый мнѣ по Делиграду докторъ П., въ какомъ то особенно свирѣломъ видѣ; въ гуттаперчевомъ пальто и такомъ-же

---

*) Присланный черногорцами съ заявленіемъ къ главнокомандующему, былъ докторъ ихъ отряда, окончившій курсъ въ кіевскомъ университетѣ.

баплыкѣ, забрызганный весь грязью, стекающей съ его непромокаемаго костюма на незатѣйливый въ канцеляріи кирпичный полъ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, высказывающій какую то непонятную брань противъ штаба, походилъ онъ на страшную фигуру, готовую кинуться на каждого, осмѣливагося противорѣчить или отвѣтить такой же рѣзкостью.

— Успокойтесь, что съ вами? расскажите въ чемъ дѣло, принялись мы укрощать разъяреннаго медика.

— Да какъ-же, это чертъ знаетъ, что такое! произволь полнѣйшій! всякій авантюристъ, просто мазурикъ, корчитъ начальство и дѣлаетъ скандалы! Что это такое? Какая-то азіатская страна, полная произвола!

— Да въ чемъ-же дѣло,—намъ-то сообщите, а то вы кричите, какъ будто мы всё виноваты?

— Охъ,—погодите, отдохну..... Я прямо съ перевязочнаго пункта съ заявленіемъ отъ всѣхъ докторовъ къ Черняеву, что если онъ Монтеверде не уймётъ или не прогонитъ, то мы завтра же уѣдемъ въ Россію; представьте, продолжалъ онъ съ гнѣвомъ, этотъ авантюристъ является сегодня ночью на перевязочный и начинаетъ кричать на насъ, какъ на солдатъ за безпорядокъ; послѣ боя еще не успѣли перевязать раненыхъ, всюду лужи крови, комната похожа на бойню — некогда думать о порядкѣ, нужно подавать помощь больнымъ, а онъ оретъ во всю глотку: „какъ вы, говоритъ, смѣете мнѣ отвѣчать, вы знаете, что я помощникъ начальника штаба! Я васъ сію минуту всѣхъ арестую! Солдатъ сюда—эй“,—каковъ франтъ, а?

— А вы то что-же—смолчали?

— Не смолчали—сказали, что онъ не имѣетъ права касаться нашихъ порядковъ, а тѣмъ болѣе обращаться такъ рѣзко съ людьми отъ него независящими.....

— Ну и чѣмъ-же онъ вамъ отвѣтилъ?

— „Я“, говорить, „за начальника штаба, вы это понимаете“? и тому подобных нѣсколько фразъ, а послѣ уѣхалъ; мы эту выходку ни за что не оставимъ и если главнокомандующій не приметъ мѣръ противъ подобнаго произвола, то уѣдемъ отсюда, заключилъ онъ нѣсколько успокоившись.

— Такъ и слѣдуетъ, а то чѣмъ-же мы будемъ гарантированы отъ розогъ, — вдругъ Монтеверде вздумается подвергать докторовъ тѣлесному наказанію — потому ищи удовлетворенія, опасался докторъ за свою будущность.

— Здѣсь все возможно, гдѣ господствуютъ произволъ и нажива. Не такъ-ли? Вотъ хотя-бы санитарная часть, въ какомъ здѣсь видѣ — ужасъ! Россія шлетъ миллионы денегъ, шлетъ докторовъ, фельдшеровъ и сестеръ милосердія, инспекторовъ, ревизоровъ и добросовѣстныхъ исполнителей, словомъ дѣлаетъ все, что возможно и нужно въ санитарномъ отношеніи, а тутъ, гдѣ именно оказывается эта помощь необходимой, — ее нѣтъ; изъ за недостатка медиковъ на перевязочномъ, больные безъ помощи на глазахъ умираютъ, другіе раненые, неподобранные больничарами, остаются на жертву неприятелю, третьи въ больницахъ, изъ за разныхъ административныхъ упущеній и злоупотребленій, тоже расстаются съ жизнью, иначе сказать, достигается цѣль въ обратномъ смыслѣ; — какъ-бы санитарныя средства, Россіей небыли даны вовсе; — гдѣ-же лица завѣдывающія этой частью — распорядители и виноваты-ли они?

— Тѣмъ-то, которые попадаютъ на перевязочный, хотя и плохо, но не совсѣмъ — какой нибудь помощи дождутся-же, а вотъ брошенные на жертву произволу, тѣмъ несчастнымъ вдвойнѣ достается — страдать отъ раны, голода, холода и истязаній на турецкомъ кострѣ: вчера нашли многихъ раненыхъ, истекшихъ кровью изувѣченныхъ, съ отрубленными руками, ушами и носами, и нѣсколько обгорѣлыхъ изуродованныхъ труповъ. Уже можно сказать, что недостатокъ во всемъ санитарномъ, если

люди другихъ положеній и призваній, ради одного состраданія, пытаются замѣнять медиковъ и дѣлають, что могутъ; я только что встрѣтилъ возвращавшагося съ позиціи нашего священника протоіерея Малиновскаго, который въ эти два дня боя перевязывалъ раненыхъ на позиціи.

— Гдѣ-же онъ перевязывалъ? на главномъ пунктѣ, гдѣ я былъ, его не было видно,—развѣ въ сторонѣ гдѣ нибудь, спросилъ больной докторъ Ш.

— Тамъ пониже Дюниша, почти у самой Моравы, есть каменное зданіе, въ которомъ до войны помѣщалась какая-то школа, такъ называемая Кауницкая, вотъ въ ней онъ и перевязывалъ раненыхъ.

— Почему-же раненые туда доставлялись, а не на перевязочный?

— Это и былъ одинъ изъ мелкихъ перевязочныхъ пунктовъ.

— Тамъ, и доктора значить были?

— Ни одного! перевязочныхъ средствъ даже не было—такъ только назвали пунктомъ, а этого развѣ не достаточно при здѣшней организаціи и порядкахъ. Нашелся-же вѣдь добрый человѣкъ священникъ, исполнявшій обязанности доктора — помогъ несчастнымъ раненымъ и принесъ пользу распорядителямъ, спрятавшимъ въ свои карманы все тѣ славянскія полушки, которыя израсходовались-бы при болѣе тщательномъ устройствѣ Кауницкаго перевязочнаго пункта.

— Священникъ-то откуда-же узналъ, что тамъ раненыхъ перевязывать некому?

— Онъ возвращаясь съ Кривета мимо этой школы, замѣтилъ нѣсколькихъ раненыхъ, валявшихся на дворѣ возлѣ зданія, — подъѣхалъ и узналъ, что помогать имъ некому и средствъ для перевязки нѣтъ никакихъ: нужно было остаться, помочь несчастнымъ, но чѣмъ, когда ни корші, ни холста — ничего нѣтъ подъ рукой, онъ все таки остался и послалъ въ ближайшую деревушку

одного из своих пѣвчихъ кое за чѣмъ, а самъ съ остальными принялся перевязывать чѣмъ попало; носовые платки и все, что было съ собою подходящаго обратилось въ бандажи, пока наконецъ изъ деревни жители привезли старого холста для этой цѣли. Немногого конечно онъ могъ и достигнуть своей дѣятельностью при такой обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыхъ раненыхъ приносили къ нему почти мертвыхъ, истекшихъ кровью на сучковатыхъ бревнахъ, замѣнявшихъ носилки, которыхъ тутъ не было, но все-же, одно его участие въ этомъ и выказанное желаніе быть полезнымъ святому дѣлу, заслуживаетъ общую благодарность и уваженіе къ нему, добросердечному пастырю.

— Вотъ такихъ-бы людей награждать слѣдовало — не „такowymъ“, — а гласностью передъ всѣми, кто не знаетъ про этотъ благородный и свѣтлый поступокъ. — Вы когда-же къ главнокомандующему пойдете, — утромъ, что-ли? спросилъ докторъ Ш. у прѣхавшаго съ позиціи недовольнаго обращеніемъ Монтеверде.

— Завтра утромъ, — сегодня уже поздно вѣдь. Да я увѣренъ, что и завтра ничего не выйдетъ, Черняевъ не найдетъ какъ поступить въ этомъ случаѣ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что и въ остальномъ онъ не принимаетъ прямого участія, предоставляя все ревностнымъ штабнымъ исполнителямъ, прежде всего думающимъ отрѣзать гдѣ только возможно въ свой карманъ: ему-же изъ-за нихъ придется краснѣть передъ народомъ, жертвующимъ чуть не послѣдніе гроши на эту легкомысленную, бесполезную и кровавую рѣзню, стоящую жизни не одной тысячѣ невинныхъ жертвъ. Взгляните на его штабъ, составленный имъ-же, кого вы тамъ найдете порядочнаго? — за исключеніемъ четырехъ-пяти лицъ, все остальное какой-то сбродъ, выброшенный обществомъ и властями за предѣлы своего отечества, какъ напримѣръ Махи-Назаровы, выгнанные изъ конвоя, Боржецкіе проворовавшіеся недавно, Паксимовы, исключенные за темныя про-

дѣлки, чуть-ли не изъ трехъ кавалерійскихъ полковъ, Таврентьевы — получающіе подложно въ Москвѣ славянскія деньги, князя Гико — идіота, какіе-то бароны Патеи бывшіе приказчики петербургскіе, а здѣсь корнеты и личные ординарцы, съ медалью за „храбрость“, Понтеверде, битый въ гусарскомъ полку за карты и выгнанный изъ него судомъ офицеровъ и разная не менѣе безобразная компанія, составляетъ штабъ главнокомандующаго: по неволѣ господствуетъ тутъ произволъ и, чтобы не сказать рѣзче, самого безсовѣстнаго закала. Главнокомандующій сдѣлалъ непростительную ошибку, составивъ такой штабъ сначала и неизмѣнивъ его послѣ, когда это было возможно.

— Теперь-бы еще измѣнить время.

— Положимъ, что поздно — никто не пойдетъ изъ хорошей молодежи въ штабные: Суханова, бывшего гусара, недавно пріѣхавшаго, назначили ординарцемъ къ главнокомандующему, отъ чего онъ на отрѣзъ отказался, „куда, говорить, я пойду въ среду этихъ господъ, которымъ руку протянуть совѣстно“ и правъ! во всемъ штабѣ, такомъ многочисленномъ, едва — пять шесть, порядочныхъ людей найдется — все остальное вѣдь сбродъ никуда негодный! Заключилъ ораторъ увѣренно.

Слушая такое мнѣніе о санитарной части, людей близко съ ней знакомыхъ, высказывающихъ его не въ формѣ разсказа слушателямъ, а въ обсужденіи вопроса между собою — тѣмъ болѣе заслуживающихъ довѣріе, все таки не вѣрилось, казалось вымышленнымъ, невозможнымъ и только при провѣркѣ фактовъ на дѣлѣ, оно, какъ о санитарной части, такъ и обо всемъ остальномъ оказывалось неопровержимой истиной. Для такихъ наблюденій въ Делиградѣ, выигрывалось больше въ роли нейтральной личности, имѣющей возможность видѣть и слышать то, что другимъ, даже близкимъ участникамъ недоступно; на мою долю выпала эта роль, сложившаяся, сначала теченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а впослѣдствіи уже и по моему желанію.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ только что высказанныхъ мнѣній докторами, трудно не согласиться, что штабъ генерала Черняева не выдерживалъ самой снисходительной критики — онъ, за исключеніемъ докторомъ опредѣленнаго числа лицъ, оправдывающихъ логическій выводъ, что нѣтъ правила безъ исключеній, состоялъ изъ разной разности, облекшейся въ яркую сербскую, всѣмъ доступную, военную форму, затмившую хотя на время, темное прошлое и пріютившейся въ домикѣ, такъ называемомъ штабѣ, въ ожиданіи незаслуженной свѣтлой будущности. Эти лица, составлявшіе разную разность и другіе бросающіеся въ глаза факты, порождали цѣлый рядъ вопросовъ, — почему генераль упустилъ все главное, серьезное изъ виду. Чѣмъ онъ занятъ, когда то, за что падаетъ на него отвѣтственность передъ людьми и исторіей, имъ не замѣчено — предоставлено случайности и произволу? Какими онъ соображеніями руководится и непостижимыми для простыхъ смертныхъ планами? Неужели увлекся? Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ? не окружающей-ли обстановкой, созданной по собственному почину? — „нѣтъ, не ею“; тогда чѣмъ-же, не общимъ же довѣріемъ? — „отчасти да“ — не званіемъ-ли главнокомандующаго? „Пожалуй и этимъ“, — не честолюбіемъ-ли, наконецъ? „будущее скажетъ“, отвѣтилъ мнѣ закулисный голосъ. Но и теперь, вспомянувъ про душевныя качества генерала Черняева, приходилось сожалѣть о томъ, что будущее, хотя и по его винѣ, готовитъ ему не то чтобы ожидало при болѣе строгомъ анализѣ своихъ дѣйствій и безпристрастной оцѣнкѣ самихъ событій.

Послѣдняя ночь и утро. — Новые добровольцы. — При прощаньи съ священникомъ. — На возвратномъ пути изъ Делиграда.

Простившись съ докторами, поручившими поклониться Россіи, если вернусь раньше ихъ, и пожелавшими счастливаго возвращенія, я отправился въ злосчастную аптеку, въ которой дверь оказалась затворенною на задвижку извнутри и только, послѣ усиленныхъ моихъ толчковъ и молящихъ пощадъ возгласовъ, послышалась какая то брань про себя въ комнатѣ, а послѣ приближающіеся шаги къ дверямъ, продолжавшаго эту брань оригинальнаго аптекаря—Богъ съ нимъ, думаю, пусть его ругается, лишь-бы въ комнату впустилъ.

— Вы-бы хотя изъ вѣжливости, накинудся онъ на меня, пришли-то раньше, какъ обѣщали—въ полночь заставляете съ постели вставать, — насморкомъ запасаться, да теперь вотъ и лечь вамъ не гдѣ — любуйтесь — весь полъ ночлежниками заваленъ и набрались-то они откуда—подумаешь, не достигалъ аптекарь.

— Гдѣ-же я то лягу—интересно, вѣдь вы меня раньше обѣщали приютить, чѣмъ этихъ неожиданныхъ гостей!

— Ложитесь здѣсь вотъ, возлѣ моей кровати, указаль онъ мѣсто подъ кроватью, кое что приищемъ подостлать—не на дворѣ-же, въ самомъ дѣлѣ. Завтра доктору буду жаловаться, что аптеку въ казарму превратили—чертъ знаетъ на что похоже!

Разгнѣванный аптекарь, не умолкая ни на минуту съ упреками и бранью на властей, допустившихъ такое нашествіе, на недопустимое по его мнѣнію заведеніе, шарилъ по комнатѣ со свѣчей, вытаскивая отъ всюду какіе-то разнообразные военные костюмы, оставшіеся вѣроятно послѣ покойниковъ и бросая все это не оглядываясь на мѣсто моей постели, каждый разъ задѣвалъ мою фигуру курткой или рейтузами, летавшими по разнымъ направленіямъ. Казалось-бы что есть причина и обидиться за такое невни-

мательное приготовленіе постели, но аптекарь, въ длинномъ ватномъ жилетѣ съ болтавшимися тесемками, босой, съ растрепанными, довольно длинными волосами, острымъ носомъ, поддерживающимъ повисшіе на концѣ его золотые очки, согнутый, со свѣчей въ рукахъ, занятый отыскиваніемъ разнаго не пригоднаго хлама, составлялъ до того смѣшную фигуру, что я забылъ обо всемъ и бока рвалъ отъ смѣха, не мало заливаго и безъ того разсерженнаго аптекаря. Посреди комнаты, на уставленныхъ въ рядъ свободныхъ носилкахъ, улеглось все то, что властелинъ медикаментовъ называлъ незаконнымъ нашествіемъ, словомъ вся аптека была занята народомъ, спавшимъ гдѣ и какъ попало; продолжительное выжиданіе и выслушиваніе разныхъ упрековъ, бросавшаго чуть не въ меня платьемъ, аптекаря, а подъ конецъ вѣроятно для изголовья постели и сапогами, меня разсердило:

— Что это вы, батюшка, не думаете-ли устроить постель изъ этой дряни? перемѣнилъ я тонъ обращенія.

— Изъ чего же прикажете больше—у насъ вѣдь перинъ не имѣется—знали-бы завели—новости какія.

— Да я и не претендую, что не изъ чего, просплю какънибудь и безъ постели, чѣмъ на этомъ подозрительномъ хламѣ,—въ которомъ и насѣкомое-то не одно найдется—никакъ ужъ мнѣ неподходящее передъ отъѣздомъ.

— Ну ложитесь, какъ знаете, церемоніи какія, то, да другое не подходитъ—насѣкомыхъ испугались—устраивайтесь, какъ угодно.

— Не испугался, а не желаю ими запастись передъ отъѣздомъ, безъ всякой необходимости. Другое бы дѣло крайность заставляла, а по доброй волѣ—не интересно.

— Вы, батюшка, вѣжливый-то ужъ очень, мы съ этимъ дѣломъ свыклись—ни почемъ.

— Про васъ вѣдь я ни слова, живите и наслаждайтесь, а мнѣ-то изъ за чего-же подражать такимъ не нормальнымъ привычкамъ.

— Прекрасно-же, ложитесь или уходите, а то другихъ безпокоите.

— Ушелъ-бы съ удовольствіемъ, было-бы куда только. Я подостлалъ свое пальто и, замѣнивъ подушку какимъ-то маленькимъ деревяннымъ ящикомъ, улегся подъ кроватью, все еще борматавшего аптекаря. Но уснуть оказалось невозможнымъ, кромѣ существенныхъ неудобствъ постели, меня беспокоили крысы, добравшіяся подъ кроватью до какихъ то, по всей вѣроятности, соблазнительныхъ продуктовъ, онѣ до того жадно поглощали добычу, что нѣкоторыя изъ нихъ, менѣе надѣленные ею, по ошибкѣ-ли, или умышленно, принимались за мои ноги, обутыя къ счастью въ длинные сапоги со шпорами, издававшими звонъ при всякомъ прикосновеніи крысей морды, къ тому-же не выносимый холодъ въ нетопленной комнатѣ, окончательно не располагалъ ко сну — я считалъ минуты, кажушіяся цѣлыми часами, этой богатой приключеніями ночи. Желая унять наконецъ собравшихся у моей постели животныхъ, я повернулся, но такъ не осторожно, что не рассчитаннымъ движеніемъ тѣла приподнялъ койку сладко уснувшего аптекаря, отъ неожиданнаго толчка сразу вскочившаго на ноги и доставъ у печки желѣзную кочергу, принявшагося шарить ею подъ кроватью, касаясь конечно концомъ ея и моей личности, далеко не заслуживающей такого рѣзкаго обращенія.

— Не съ ума-ли вы спятили—послушайте, кочергой-то меня угощать вздумали!

— Я не васъ толкаю, тамъ что-то залѣзло—меня подымаетъ! завопилъ испуганный аптекарь.

— Какъ что-то! это я залѣзъ по вашей-же милости.

— Значить вы подымаете, спать мнѣ не даете!

— Не я вамъ, а вы мнѣ съ крысами вмѣстѣ — поскорѣе-бы утра дождаться. Мы оба замолчали, а крысы, прекратившія на время свой ужинъ, снова принялись за дѣло, съ пискомъ, дракой и тому подобной неурядицей; мнѣ по прежнему уснуть не приш-

лось — такъ таки до самого разсвѣта. Дождавшись желаннаго утра, я всталъ раньше всѣхъ и, примирившись послѣ ночныхъ столкновений съ аптекаремъ, отправился за лошадьми, но ихъ еще не было и по отзывамъ начальника станицы (станціоннаго смотрителя) не скоро ожидались — всѣ въ разгонѣ. Плохо, думаю, какъ-бы еще непришлось ночевать у этого чудака.

Въ такомъ, мало привлекающемъ раздумь, я направился къ кафану — согрѣться-бы чѣмъ нибудь въ сырую и пронзительно холодную погоду. Тутъ на площади, не вдалекѣ отъ кафаны, стояло какое-то пестрое войско — по количеству въ родѣ баталіона, но въ безпорядкѣ; солдаты чего то кричали, бранили другъ друга, нѣкоторые пѣли, переходили съ мѣста на мѣсто, какъ будто перестраивались, раздавалась команда взмахивающаго саблей, повидимому начальника, выходявшаго изъ себя отъ неповиновенія подчиненныхъ, не обращающихъ ни какого вниманія на все вокругъ происходящее — что это, думаю, за орда такая, подхожу ближе и узнаю прибывшій баталіонъ добровольцевъ — до одного перепившихся. Да и понятно, что съ горя имъ ничего больше и не оставалось, тѣмъ болѣе плохо одѣтымъ, въ такую холодную пору.

— Что это вы, братцы, недавно прибыли, спрашиваю у одного изъ нихъ повидимому отставнаго нижняго чина.

— Только вотъ изъ Бѣлграда, ваше благородіе! послѣднюю станцію — чай въ пятьдесятъ верстъ не уберешь откатали, въ полночь кажись, а то и того позже, сюда пришли.

— Сегодня, что-ли въ полночь?

— Такъ точно.

— А здѣсь зачѣмъ-же вы собраны? отдохнуть-бы слѣдовало послѣ похода.

— Дѣло не наше — приказано; слышно Черняевъ смотрѣть насъ будетъ.

— А подкутили-то вы на славу ребята — не хорошо-бы и генералу такими являться.

— Справедливо изволите замѣчать ваше благородіе — истинно, народъ выпимши не въ мѣру, вытянувшись, отвѣтилъ сконфуженный, болѣе трезвый доброволецъ.

— То-то голубчики не въ мѣру — меньше-бы полезнѣе было.

— Ничего, сойдеть! такъ, значить, выпили, для храбрости, веселѣ бы драться съ турками, отвѣтилъ другой, уже подошедшій, мало похожій на военного добровольца.

— Что-же васъ не ведутъ къ штабу, не тутъ-же генераль смотрѣть будетъ?

— Не кому и вести-то.

— А командиръ куда дѣвался?

— Какой тамъ командиръ, вонъ онъ, нарѣзался почище нашего брата — еле на ногахъ держится и вести-то ему трудно, — указаль доброволецъ на рыжаго съ краснымъ лицомъ, о чемъ-то разсуждавшаго съ солдатами, пьянаго начальника — типичнаго служаку, похожего на одного изъ тѣхъ, которые вспоминая свое храброе прошлое и отвѣдывая на послѣдніе гроши „очищенную“, такъ часто попадаютъ на малолюдныхъ улицахъ столицы, а подъ вечеръ и на Невскомъ.

— Давно-ли изъ Россіи? спросилъ я у того-же добровольца.

— Недѣли двѣ будетъ — пожалуй.

— Изъ далека-ли?

— Насъ вотъ четверо изъ Пермской губерніи, а тѣ больше Орловскіе, да Воронежскіе — Московскіе есть тоже.

— А, дома-то оставилъ кого-нибудь, или одинокому живетъ?

— Что дѣлать, баринъ, коли нужно и семью оставишь — пойдешь.

— Да ты вѣдь по охотѣ голубчикъ пришелъ — силой никто-же не заставлялъ — могъ и остаться.

— То то, что по охотѣ, оно вѣдь хуже неволи; не станешь сидѣть на печкѣ, коль того-же русскаго бьютъ — да кто еще — мусульмане.

— Бьютъ-то вѣдь сербовъ, а не русскихъ.

— Все одно — тоже вѣра православная, бьетъ то ихъ за нашу же вѣру турокъ — намъ значить стоять надо за вѣру, а не за другое, что примѣрно, хоша-бы сербовъ.

Мой разговоръ съ добровольцемъ, составлявшемъ, можно сказать, отголосокъ мнѣній этого класса, прекратился внушительной командой „стройся“, — баталіонъ притихъ и перестроившись, не то по отдѣленіямъ, не то рядами, какъ-то въ этомъ родѣ, — двинулся по направленію къ штабу, предводительствуемый начальникомъ, безъ усталости машущимъ длиннымъ, стараго образца кирасирскимъ палашемъ. Я, пропуская мимо себя эту колонну, замѣчалъ не безынтересныя фигуры въ отдѣленіяхъ — чего и кого тутъ не было: старенькія, испившіяся фигурки съ красными носами, доказывающими мое предположеніе, среднихъ лѣтъ коренастые, отчаянной наружности молодцы, исхудалые экземпляры, повидимому принадлежащія къ среднему классу общества, нѣкоторые въ поддевахъ, а другіе въ пиджакахъ фантастическаго покроя небрежно волокушіе старыя ружья, молодые люди съ длинными волосами въ очкахъ и пледахъ несущіе ружья не на плечахъ, а за плечами по охотничьи, словомъ все, съ различныхъ концовъ имперіи собранное въ Бѣлградъ въ одну партію и случайно названное баталіономъ — пришло, перешилось и отреклось отъ всего, чѣмъ можетъ дорожить человѣкъ при другой обстановкѣ въ жизни. Жаль было мнѣ смотрѣть на эти жертвы, обреченныя на вѣрную смерть въ недалекомъ будущемъ — ихъ еще сюда не доставало — они еще должны лечь на томъ самомъ полѣ сраженія, которое кровью четырехъ тысячъ русскихъ обогрето еще такъ недавно. И эти вотъ идутъ добровольно, безропотно повиноваться вождю пятидесяти-тысячной арміи, легкомысленно-ли, или ошибочно взглянувшему

на вопросъ, стоящій жизни тысячамъ и десяткамъ невинныхъ жертвъ.

Подкрѣпивъ не много свои уставшія силы, я отправился къ нашему священнику, состоявшему при арміи, протоіерею Малиновскому, съ цѣлю проститься на всякій случай—могу-же и не вернуться въ Делиградъ, а человѣкъ онъ почтенный, заслуживающій уваженіе и вниманіе, — жилъ онъ тутъ-же въ штабномъ баракѣ и къ счастью былъ теперь дома.

— Здравствуйте, батюшка и прощайте, я уѣзжаю — зашелъ вотъ къ вамъ проститься предъ отъѣздомъ — Богъ вѣсть увидимся-ли еще въ Сербіи.

— Куда васъ Богъ несетъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Пока въ Бѣлградъ, а тамъ еще не знаю, вернусь-ли обратно, или уѣду въ Россію.

— Насъ-то вамъ-бы не слѣдовало оставлять теперь, когда каждая единица десяткомъ кажется.

— Бѣда, что эти единицы, составляющія каждая въ отдѣльности десятки, какъ вы говорите, не приносятъ собою пользы, потому что съ чего не начнете и чѣмъ не кончите — все слѣдуетъ не потому пути, на которомъ оно-бы могло принести пользу, да и самая война въ Сербіи, — скажите, батюшка, къ чему ведетъ?

— Отчасти и я съ вами согласенъ? но что подѣлаете — будемъ ожидать конца. Спасибо, что зашли проститься — не забыли.

— Забыть я не могъ, глубоко васъ уважая, тѣмъ болѣе, что кромѣ желанія проститься съ вами, считалъ своимъ долгомъ высказать искреннюю, какъ человѣку, благодарность, которую вы заслужили въ глазахъ всѣхъ насъ, за эти послѣдніе два дня боя, оказывая помощь раненымъ на перевязочномъ.

— Откуда вы про нее знаете?

— Знаю, а откуда, не все-ли вамъ равно.

— Не вспоминайте, на меня морально это дѣйствуетъ — до сихъ поръ не могу прійти въ себя, эти несчастные раненые, сто-

нушіе въ мученіяхъ безъ помощи — такъ вотъ въ глазахъ и по сіе время. Еще если-бы санитарная часть была въ порядкѣ, тогда не такъ было-бы ихъ жалко, каждый могъ-бы разсчитывать, что спасутъ при малѣйшей возможности, а то представьте—назначаютъ перевязочный пунктъ — положимъ, хотя-бы у Кауницкой школы, на которомъ не только нѣтъ докторовъ, фельдшеровъ,—перевязочныхъ средствъ и того нѣтъ, раненыхъ таскаютъ, какъ мясо какое нибудь, не на носилкахъ, а просто на двухъ бревнахъ, перевѣсятъ и тащатъ версту и болѣе — понятно при такой носкѣ несчастная жертва истекаетъ кровью и умираетъ, не изъ за раны, а вслѣдствіи потери силъ; тѣхъ, кого и приносили живыми, нечѣмъ было перевязывать, приходилось носовыми платками подвязывать болтавшуюся отбитую руку, или ногу и отправлять въ ближайшіе лазареты на простыхъ подводахъ, подъ присмотромъ тѣхъ-же сербовъ — мужиковъ. Наконецъ и эти средства изсякли, у кого что было холщевое, все отдали, тогда такъ ужъ, безъ перевязки—на волю Божию. Привезли кое что изъ деревни, да много-ли — нѣсколько аршинъ стараго холста, доставшаго для двухъ-трехъ раненыхъ. Признаюсь, что война при такихъ условіяхъ, ни что иное, какъ систематическое истязаніе человѣчества, не достигающее ни въ настоящемъ ни въ будущемъ никакой цѣли. Смотри на эти мученія, зависяція не отъ условій войны, а отъ оплошности и недобросовѣстности лицъ, этимъ распоряжающихся — сердце замираетъ изъ состраданія;—виновниковъ Богъ накажетъ тяжело за смерть и мученія этихъ несчастныхъ жертвъ! остановился онъ утомленный длиннымъ, прочувствованнымъ рассказомъ.

— Да, отецъ Гавріиль, здѣсь творится все то, о чемъ нигдѣ, а въ особенности въ Россіи, и понятія не имѣютъ, чему многіе причиной; досадно, что отвѣтственность за это все падетъ исключительно на Черняева, въ меньшинствѣ, по моему, менѣе виновномъ.

— Пока еще ничего опредѣленнаго сказать нельзя кто тутъ виноватъ больше всѣхъ, а виноваты не одинъ онъ—не малую долю

и сами сербы, какіе-то сухіе, безучастные: вчера, напримѣръ, принесли ко мнѣ раненаго офицера Милиновича — онъ чрезъ часъ умеръ и къмъ вы думаете, раненаго? — сербомъ, котораго онъ, командуя четой, подгонялъ напередъ — тотъ повернулся, да въ упоръ въ грудь на вылетъ! вотъ фактъ, которой разбирайте, какъ хотите; я того мнѣнія, что война здѣсь не популярна, противна желанію народа, убѣжденнаго, что причину ея составляетъ правительство и наѣхавшіе отовсюду добровольцы, чуждые интересамъ страны, въ которой сражаются, а руководимые личными видами, не имѣющими общей связи со взглядами и настроеніемъ сербовъ. Конечно, такое мнѣніе невѣрно, имѣетъ мало основаній и коренныхъ началъ подъ собою, но оно существуетъ и служитъ причиной невыгоднымъ, можно сказать, темнымъ проявленіемъ народнаго настроенія, способствующаго такимъ результатамъ войны, на которые при другихъ условіяхъ нельзя было и рассчитывать.

— Я не забуду ваше мнѣніе для будущихъ выводовъ и заключеній, а теперь благословите меня въ путь — пора ѣхать, помогай вамъ Богъ во всемъ хорошемъ.

— До свиданія-же съ вами, надѣюсь, что вернетесь въ случаѣ найдете возможнымъ и, перекрестивъ меня трижды, простился и проводилъ съ пожеланіями счастливой дороги.

Отецъ Гавріиль русскій протоіерей изъ Псковской губерніи, пріѣхавшій сюда въ качествѣ священника при корпусѣ добровольцевъ, соотвѣтствовалъ какъ нельзя больше обстоятельствамъ и времени: безкорыстный, умный съ большой душой и тактомъ, проникнутый идеей пастырь, служилъ и утѣшеніемъ обрѣченныхъ на смерть страдальцевъ и помощью моральной, кому она оказывалась нужной раненому и здоровому — къ нему всѣ безъ исключенія относились съ одинаковымъ уваженіемъ и любовью, какъ къ полезному члену славянской семьи, собравшейся тутъ, во имя святой идеи.

Еще нѣсколько мелкихъ впечатлѣній и я, послѣ шестнадцати-

дневнаго пребыванія, простился съ Делиградомъ (10-го октября), поселившемъ далеко не отрадное воспоминаніе.

Теперь, на возвратномъ пути, оттуда, куда я еще такъ недавно стремился, впечатлѣніе было другое. — Оно совсѣмъ не походило на прежнее, также не вѣрилось своимъ прежнимъ умозаключеніямъ, какъ тогда и не мечталось о настоящихъ событіяхъ въ Делиградѣ; русскіе тамъ участвующіе, сербская армія и самая война, все казалось другимъ, совсѣмъ инымъ, чѣмъ-то о чемъ писали, воображали и мечтали многіе. Теперь и Черняевъ, этотъ самоотверженный и преданный славянскому дѣлу человекъ, казался обыкновеннымъ смертнымъ, дѣлающимъ цѣлый рядъ ошибокъ, присущихъ простому, не талантливому генералу.

Вотъ что мнѣ думалось, сидя въ повозкѣ и совершая уже десятую версту обратнаго пути. Я ѣхалъ не одинъ, а вдвоемъ, съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ офицеровъ, который возвращался къ себѣ въ Чупрію. (Тамъ онъ завѣдывалъ передѣлкой и исправленіемъ ружей для арміи, состоя на контрактанной сербской службѣ.

Эта личность въ своемъ родѣ замѣчательная, почему и скажу о ней нѣсколько словъ. Среднихъ лѣтъ блондинъ, капитанъ русской службы Войткевичъ, въ 1863 году участвовалъ въ польскомъ возстаніи, какъ самый заядлый полякъ и, благодаря своей увертливой хитрости, эмигрировалъ во Францію, гдѣ въ 1870 году, въ качествѣ французскаго офицера, сражался при Мецѣ и Седанѣ, а по окончаніи войны получилъ орденъ „почетнаго Легіона“ и вышелъ въ отставку. Въ настоящую сербско - турецкую войну, онъ отчасти изъ сочувствія, а больше изъ расчета выдвинутся въ положеніи, предложилъ свои услуги сербскому правительству, которое и приняло его въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, завѣдывающаго чупрійскими мастерскими — вѣрнѣе, въ качествѣ механика, (его специальность). Въ сущности это былъ человекъ умный, хитрый, холодный и предусмотрительный. Этими

качествами онъ меня не привязывалъ къ себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ умный, заставлялъ относиться деликатно и въ тоже время съ уваженіемъ, чѣмъ въ свою очередь отплачивалъ мнѣ. Между нами не существовало дружбы, но отношенія сложились хорошія. Вотъ съ нимъ-то мы теперь и путешествовали. Я былъ тѣмъ болѣе доволенъ случаемъ, что онъ ѣздилъ вообще съ объявой по казенной надобности на почтовыхъ, лошадей давали намъ скоро и очень хорошихъ, а теперь первую станцію отъ Делиграда нашъ ямщикъ гналъ ихъ почти карьеромъ.

— Жаль, что мы не вмѣстѣ до Бѣлграда, — съ вами отлично ѣздить, обратился я къ своему спутнику.

— Меня хорошо возять, — ну да и на водку плачу имъ изрядно.

— Не въ томъ дѣло, заплатилъ-бы и я, да такъ не повезутъ, — подорожная по казенной надобности играетъ тутъ главную роль.

— Остановитесь въ Чупріи до вечера, у меня отобѣдаемъ, а послѣ поѣдемъ вмѣстѣ въ Бѣлградъ: кстати и по дѣламъ туда мнѣ нужно.

— Очень вамъ благодаренъ за предложеніе, но боюсь не стѣсню-ли я васъ.

— Чѣмъ-же, помилуйте! одно чему вы будете причиною, это истинному моему удовольствію имѣть такихъ гостей, въ чемъ вы я думаю мнѣ не откажете.

— Ну хорошо-же, пользуйтесь этимъ удовольствіемъ, я остаюсь. Много-ли еще станцій къ вамъ?

— На первую сейчасъ пріѣдемъ, а тамъ останется всего двѣ. Да, здѣсь близко, какіе нибудь пятьдесятъ верстъ отъ Делиграда.

Незамѣтно мы пріѣхали на первую станцію. Здѣсь насъ встрѣтилъ начальникъ станціи (сербъ) съ упреками и жалобами на

русскихъ — мой спутникъ молчалъ не спрашивая его даже, а я заинтересовался и вызвалъ серба на объясненіе:

— Кого и за что вы ругаете? спросилъ я его.

— Да какъ-же, помиуйте! передъ вами минутъ за десять проѣхалъ русскій съ черной бородой, такой высокій, кричить лошадей! лошадей! пока подали онъ ко мнѣ съ револьверомъ, застрѣлю, говоритъ, какъ собаку, „лошадей“ и за что-же, чѣмъ я виноватъ, что лошади въ разгонѣ, что пришлось ему подождать какойнибудь часъ и того меньше. Такъ только разбойники поступаютъ, а не офицеры — пріѣхали помогать намъ! и дѣлаютъ разбой, — хороша помощь. Наша страна бѣдная, гдѣ намъ все это устроить хорошо, закончилъ наконецъ Сербъ длинную не связную рѣчь.

— Вы знаете-ли его фамилію?

— Я записалъ, вотъ она, читайте, подаль онъ клочекъ бумаги, на которомъ безграмотно по русски, было написано „поручикъ сербской службы Л—овъ“.

— Да я его знаю! онъ одно время бригадой командовалъ! кажется такой тихій, почему-бы это ему вздумалось грозить револьверомъ, отозвался мой спутникъ наконецъ.

— Тихій! хорошъ тихій! изругалъ меня, какъ послѣдняго и чуть не убилъ!

Сербъ видно былъ взволнованъ и досадовалъ, что оскорбленіе, которое ему нанесъ Л—овъ пройдетъ безслѣдно и безнаказанно, что некому жаловаться и искать удовлетворенія. Онъ хотя не высказывалъ такого взгляда, но смотря со стороны, можно было замѣтить, что въ этомъ человѣкѣ борется чувство собственнаго достоинства, съ безсиліемъ удовлетворить задѣтую честь. Когда намъ подали лошадей, то простившись съ сербомъ мы утѣшили его тѣмъ, что скажемъ объ этомъ офицерѣ кому слѣдуетъ, и выслушавъ цѣлый рядъ дополнительныхъ жалобъ на другихъ проѣзжающихъ, поѣхали дальше.

— Что это за выходка г-на Л—ова, не понимаю, и безъ того уже добровольцы стали ненавистны сербамъ, а подобные господа еще больше раздражаютъ ихъ. Сербы, какъ вамъ извѣстно, народъ смирный, нетерпящій никакихъ скандаловъ, притомъ переполненный массой ложнаго самолюбія; вы если его ругнете или, что еще хуже, ударите, то отъ досады онъ на стѣну полѣзетъ, а съ такимъ народомъ нужно и обращаться болѣе снисходительно—быть до педантизма справедливымъ, замѣтилъ мой спутникъ.

— Безусловно ложнымъ самолюбіемъ такую черту назвать нельзя. Но главная, мнѣ кажется, причина почему русскіе несошлись съ сербами, это противоположность натуръ и характера; первые энергичны, расторопны и увлекающіеся отъ природы, не могли сойтись съ хладнокровными, сухими, и апатичными сербами, относящимися не дружелюбно и не довѣрчиво къ русскимъ. Я говорю объ общей массѣ, не примѣняя къ данному случаю и многимъ другимъ явленіямъ, такое мнѣніе; конечно, поступокъ г-на Л—ва, ни чѣмъ не оправдывается.

Чрезъ три часа мы были уже въ Чупріи, укрѣпленной со стороны Делиграда, съ цѣлью задержать движеніе турецкой арміи на Бѣлградъ: тутъ, впереди города виднѣлись батареи безъ орудій, укрѣпленія для стрѣлковъ и разныя земляныя фортификаціонныя сооруженія, хотя по отзыву стратегиковъ, да и по здравому смыслу, эти укрѣпленія не могли препятствовать движенію непріятеля, имѣющаго возможность обойти ихъ стороной. Во всякомъ случаѣ онъ были воздвигнуты — и того довольно.

Въ Чупріи мой спутникъ пошелъ осмотрѣть мастерскія и вообще по службѣ, а я отдохнувъ немного, отправился въ здѣшній лазаретъ, отличающійся по слухамъ большимъ порядкомъ по милости своего-же доктора Таубера.

За городомъ почти уже въ полѣ, я увидѣлъ построенный большой деревянный баракъ съ неоконченной еще къ нему боковой пристройкой, вѣроятно прибавленіемъ по случаѣ большаго числа

раненныхъ. До сего времени мнѣ не приходилось посѣщать лазареты, переполненные ранеными—я избѣгалъ этого, испытавъ на себѣ уже не разъ дѣйствіе такой картины—раны или въ какой-то ни было формѣ увѣче—потрясають меня до того сильно, что я лишаюсь чувствъ и не скоро прихожу въ себя. Понятно, что сознавая такой свой недостатокъ, я и теперь, идя въ чупрійскій лазаретъ, не рассчитывалъ попасть, не кстати — думалъ взглянуть лишь поверхностно и познакомиться съ докторомъ, но суждено было увидѣть все то, на что добровольно никогда-бы не согласился.

Я вошелъ въ лазаретъ, во мнѣ духъ замеръ... раненныхъ перевязывали сестры милосердія въ присутствіи доктора. Невернуться-же назадъ — совѣстно, еле переведа духъ, направился я къ противоположному выходу, мимо изтерзанныхъ страданіями больныхъ, съ любопытствомъ глядѣвшихъ на меня, новаго посѣтителя; масса кроватей уставленныхъ по обѣ стороны продольныхъ стѣнъ зданія, занятыхъ почти безъ исключенія больными, эти раздражающіе душу стоны во время перевязки, общій видъ съ повязанными головами, а нѣкоторыхъ руками и ногами раненныхъ, накупѣвшая кровь на отложенныхъ въ сторону бѣлыхъ повязкахъ, приготовленныхъ къ стиркѣ, вскрикиванія нѣкоторыхъ страдальцевъ отъ донимающей боли при отрывкѣ присохшихъ въ ранѣ бандажей, — все это меня окончательно побѣдило, я съ трудомъ удержался на ногахъ и только послѣ нѣсколькихъ глотковъ холодной воды, пришелъ въ себя.

На кровати, возлѣ которой я остановился, лежалъ больной, весь черный, иссохшій, съ закатившимися подъ лобъ сверкающими глазами, поминутно судорожно ворочавшійся на постели. Ко мнѣ подошла одна изъ сестеръ милосердія, а послѣ и самъ докторъ.

— Что это, вы пришли посмотрѣть наши порядки? плохіе, батюшка, плохіе, многого не достаетъ, обратился ко мнѣ докторъ.

— Нѣтъ, я просто хотѣлъ провѣдать больныхъ, а теперь сожалью что пришелъ.

— Почему так?

— Да неприятно смотрѣть на этихъ страдальцевъ.—Вотъ на-
примѣръ хотя-бы вотъ этотъ, чего онъ такой черный?

— Э-э! батюшка, это истинный мученикъ. — Онъ черного-
рець, былъ тяжело раненъ еще тамъ въ Черногоріи, послѣ вы-
здоровѣлъ и пріѣхалъ сюда, 16-го сентября въ Делиградъ опять
его бѣднягу ранили, да какъ скверно: осколкомъ гранаты въ лѣвую
ногу, повыше колѣна, и ружейной пулей въ лѣвое-же плечо. Ко-
мнѣ его привезли уже поздно, я прескверными инструментами
долженъ былъ отнимать ему ногу и руку по самое плечо.
Послѣ оказалось, что повреждена и лѣвая ключица, которую тоже
необходимо было вынуть, потому что отъ раздробленія образова-
лась масса мелкихъ косточекъ, мѣшающихъ зажить ранѣ. Вотъ
эту послѣднюю операцію бѣдняга не перенесъ, уже третій день въ
безсознательной агоніи, а сегодня замѣтны предсмертныя судороги.

Видъ этого несчастнаго страдальца былъ дѣйствительно ужа-
сенъ. „Вотъ вѣрный образчикъ отвратительныхъ явленій войны“,
подумалъ я, и снова почувствовалъ себя дурно, — докторъ замѣ-
тивъ это отвелъ меня къ другимъ, менѣе серьезнымъ больнымъ.

— Смотрите, у меня-же есть и бодрые субъекты и большинство
такихъ, несмотря на серьезные раны смертность весьма незначительная,
третья часть даже не умираетъ. — Бѣда только, что жертвами
безпорядковъ были нѣсколько такихъ больныхъ, которые навѣрное
остались-бы въ живыхъ при другихъ условіяхъ, напримѣръ многіе
умирали потому, что нечѣмъ было дѣлать операцію.

— Какъ нечѣмъ?

— Да такъ, инструментовъ не было я только недѣли двѣ всего,
какъ получилъ полный комплектъ хирургическихъ инструментовъ и то
отъ совершенно посторонней личности, отъ одного англійскаго
профессора медицины. — Онъ пріѣхалъ въ больницу какъ разъ
въ то время, когда я одному больному отнималъ ногу тупымъ но-

жемъ, за неимѣніемъ инструментовъ, и простоялъ надо мною до конца операціи, къ счастью удавшейся. Послѣ мы познакомились съ англичаниномъ не мало удивлявшимся моею смѣлости брать на себя отвѣтственность въ исходѣ ампутаціи, сдѣланной не инструментами, а простымъ ножомъ, — да что же, говорю, когда нечѣмъ, а помочь нужно — больной самъ соглашается, лишь-бы спасти. Онъ ни слова на это не отвѣтилъ, осмотрѣлъ больныхъ, простился и уѣхалъ. Только недѣли двѣ спустя получаю изъ Лондона посылку на мое имя — полный комплектъ лучшихъ хирургическихъ инструментовъ. Я имъ обрадовался, какъ ничему-бы теперь, кажется, такъ не былъ радъ.

— Какъ же это у васъ такіе безпорядки? Вѣдь изъ Россіи высланы всѣ медицинскія средства, куда же онѣ дѣвались?

— Про это батюшка намъ мало извѣстно — знаемъ, положимъ, что многое выслано изъ Россіи, но гдѣ оно — спросите у Токасева, съ которымъ мнѣ приходится изъ за десяти какихъ нибудь дукатовъ или бѣлья для больныхъ, по мѣсяцамъ бесполезно переписываться; если-бы я не получилъ отъ жены тысячи рублей, присланныхъ чрезъ нее пожертвованій жителями г. Калиша, въ которомъ я ее оставилъ, то мои больные навѣрно умерли-бы съ голоду; я этими деньгами поддерживалъ госпиталь, въ теченіи всего времени, пока наконецъ отозвались на мои требованія — голоса въ Бѣлградѣ, почти чрезъ мѣсяцъ.

Много еще подобныхъ фактовъ рассказывалъ мнѣ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, докторъ Тауберъ. Онъ былъ проникнутъ всецѣло своимъ призваніемъ, любилъ какъ своихъ близкихъ, этихъ страдальцевъ; — указывая на выздоравливающаго больного на его лицѣ была видна радость, но радость не простая, а проникнутая всей душой. Казалось, что малѣйшее проявленіе здоровья въ симптомахъ болѣзни его паціентовъ составляетъ наслажденіе въ жизни этого человѣка, покинушаго жену, дѣтей и отдавашаго себя всего на пользу несчастнымъ жертвамъ. Все то, о чемъ мы съ нимъ еще

говорили, ограничиваюсь передавать въ надеждѣ что это все, уже извѣстно по газетамъ и частнымъ слухамъ, а главное потому, что „оно“ касается разныхъ формальностей и отступленій нѣкоторыхъ лицъ отъ прямыхъ своихъ обязанностей, не составляющихъ для меня никакого интереса.

Я простился съ докторомъ и вернулся въ квартиру г-на В., гдѣ приготовленныя къ отѣзду лошади стояли уже у подъезда.

— Ахъ, вотъ и вы! А я васъ ожидаю, собирайтесь батюшка, поѣдемъ. Отобѣдаемъ поскорѣе, да и въ путь. — Гдѣ это вы были?

— Ходилъ въ госпиталь, осматривалъ устройство.

— Видѣли доктора?

— Да, онъ мнѣ очень понравился!

— Такая личность не можетъ не понравиться. Это благороднѣйшее существо.

Отобѣдавъ, мы не теряя времени отправились въ путь, предполагая за ночь доѣхать до Смедерева, а оттуда уже на пароходѣ до Бѣлграда, но вслѣдствіи темной ночи и прескверной дороги, только утромъ достигли своей цѣли — тутъ тоже неутѣшительно — пришлось дожидаться до 6-ти часовъ по полудни прибытія парохода изъ Базіяша, а выѣхать только въ 7 часовъ вечера.

Пять часовъ спустя мы прибыли въ Бѣлградъ, гдѣ въ гостиницахъ не оказалось ни одного свободного номера, такъ что на первую ночь принуждены были помѣститься въ столовой той самой гостиницы, въ которой я останавливался по пріѣздѣ изъ Россіи.

Въ первой отчасти и во второй въ особенности частяхъ своей книги, я высказалъ цѣлый рядъ фактовъ, могущихъ служить доказательствомъ, относительно общихъ явленій нашего движенія въ Сербію, организациі арміи и самой войны, но для окончательнаго вывода вытекающей истины изъ этихъ событій — уже вы-

сказаннаго недостаточно, нужны еще многіе факты, такъ сказать послѣдствія всего затѣяннаго, которые выплыли наружу спустя нѣкоторое время послѣ окончательнаго погрома сербской арміи и грознаго ультиматума русскаго Императора къ турецкому правительству, послѣдствіемъ котораго было немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій турками и объявленіе воюющимъ сторонамъ перваго двухмѣсячнаго перемирія.— Вотъ ихъ-то, вмѣстѣ съ заключеніемъ, я и помѣщу въ третьей части своихъ записокъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Цѣна 2 руб.

PKM
MS

2011142974